ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

4 | 2022

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

E-ISSN: 2500-0225

Academic E-Journal

www.jfs.today www.frontierstudies.com

Vol. 7, No 4

https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

E-ISSN: 2500-0225

Научный электронный журнал

www.jfs.today www.frontierstudies.com

Том 7, No 4

https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4

Table of Content

SIBERIAN AND FAR EASTERN FRONTIERS Maria V. Sentyabova & Yuriy V. Ryabov The Historical Studies of the Spaces of the Siberian Frontier 15 Vladimir A. Ilinykh The Agrarian Development of Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: from Post-Frontier to Heartland 24 Evgeniya V. Komleva "From the Capital, Forever Donated by Him...": Endowments in the Merchant Environment of Siberia (the 19th - Early 20th Centuries) 42 Ruslan V. Pavlyukevich, Natalya V. Gonina & Ekaterina V. Smirnova A Comparative Analysis of the Socio-Demographic Development of the Cities in Siberia and Amazonia in the second half of the 20th century 59 Oxana P. Kolomiets On the Far Frontiers: the Modern Realities of Life in the Chukchi Village of Meynypilgyno 76 Galina A. Shusharina & Zhanna V. Petrunina The Mechanisms of Constructing the Image of the Far Eastern Provincial City in the Soviet and Post-Soviet Periods 91 Angelina S. Vashchuk & Nikolay S. Vorontsov The Far Eastern Frontier of the 1990s: From "Fortress Territory" to New Forms of Regional Development 104 LOCAL FRONTIER PRACTICES Nina A. Vlaskina Cereals in the Agrarian Rites of the Don Cossacks: the Economic Context, Local Versions, and Dynamics of Tradition 136 Elena V. Borodina Horse Theft in the Urals in the 1730s 155 Zukhra R. Sabirova Modern Methods and Methodology of Historical and Biographical Research 172 GLOBAL FRONTIER Sumana Das & Md. Anisujjaman Temporal changes of bordering practices in the Indo-Bangladesh border 186 Andrey A. Boltaevskiy & Stanislav A. Agureev Slavery in Dutch Guiana and the Dutch Colonial Ethos 213

Содержание

сибирский и дальневосточный фронтиры	
Сентябова М. В., Рябов Ю. В. Историческая наука о пространствах сибирского фронтира	15
Ильиных В. А. Аграрное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: от постфронтира к хартленду	24
Комлева Е. В. «С капитала, навсегда им пожертвованного»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX века)	42
Павлюкевич Р. В., Гонина Н. В., Смирнова Е. В. Возможности использования компаративного анализа в исследовании социальнодемографического развития городов Сибири и Амазонии во 2-й половине XX в.	59
Коломиец О. П. На дальних рубежах: современные реалии жизни чукотского села Мейныпильгыно	76
Шушарина Г. А., Петрунина Ж. В. Механизмы формирования имиджа Дальневосточного провинциального города в советский и постсоветский периоды	91
Ващук А. С., Воронцов Н. С. Дальневосточный фронтир 1990-х годов: от «территории-крепости» к новым формам развития региона	104
ЛОКАЛЬНЫЕ ФРОНТИРНЫЕ ПРАКТИКИ	
Власкина Н. А. Зерно в аграрной обрядности донских казаков: хозяйственный контекст, локальные варианты и динамика традиции	136
Бородина Е. В. Конное воровство на Урале в 1730-е гг.	155
Сабирова З. Р. Современные методы и методология историко-биографических исследований	172
ЗАРУБЕЖНЫЙ ФРОНТИР	
Дас С., Анисуджжаман Эм. Темпоральные изменения пограничных практик на индо-бангладешской границе	186
Болтаевский А. А., Агуреев С. А. Рабовлаление в Нилерландской Гвиане и голландский колониальный этос	213

Dear friends, colleagues, readers and authors!

Journal of Frontier Studies is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2016). The journal publishes scholarly articles, reviews, information resources, expeditions' reports, conferences and other scientific materials.

The journal was included in the top list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science in the following specialties:

5.6.1. Russian history;

5.6.2. General history;

5.6.4. Ethnography, Ethnology, and Anthropology;

We publish four issues in a year.

The working languages of the Journal are English and Russian.

The Journal is devoted to topical issues in the field of Frontier theory, Borders and Borderlands, problems of intercultural communication in contact zones, as well as the questions of functioning of Frontier tropes in modern mass culture.

Aim and Scope

Our goal is to create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Frontier studies. With this goal in mind, we aim to ensure that our online publication performs important scientific functions – communication and information – that will not only accumulate new developments in this field, but will also serve as a basis for new discoveries and insights.

The Journal advocates the principles of dialogue of cultures and elimination of conditions for possible conflicts of civilizations. It adheres to the principles of the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial staff aims to remove language barriers and respect the boundaries of the national culture of each nation living on our small planet – Earth.

The journal assigns Crossref DOIs to all articles.

The main branches of science within which materials can be published in this publication are:

History;

Theory and history of culture;

Philosophy;

Literature.

But this does not mean at all that articles and other materials of the authors written in other branches of knowledge will be categorically rejected.

We welcome articles on Frontier problems written from the perspective of a wide variety of Sciences or at the intersection of several branches, since this approach, in our opinion, may be the most effective and allows us to look at known problems from a new point of view. All materials submitted to the editors will be carefully selected and sent for double-blind reviews.

Any unscientific or not based on facts article will be rejected by the editors. We do not accept works that Express disrespect for other peoples or contain politically incorrect language.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

Best regards, Editors

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эл № ФС77-61330 from March 7, 2015
- ◆ ISSN: 2500-0225
- ◆ The material published in the journal is intended for persons over 18 years of age

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание Журнал фронтирных исследований (Journal of Frontier Studies) является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2016 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.4. Этнография, этнология и антропология (исторические науки);

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский и английский

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований фронтирной теории, пограничья и приграничья, проблем межкультурной коммуникации в контактных зонах, а также вопросам функционирования фронтирных тропов в современной массовой культуре.

Цель проекта: Создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области фронтирной теории.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевого издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций принципов диалога культур и устранение условий для конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Основные отрасли наук, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании, это:

Исторические науки;

Теория и история культуры.

Философские науки;

Литературоведение.

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам фронтира, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук, так как такой подход, по нашему мнению, может оказаться наиболее действенным и позволяющим взглянуть на известные проблемы под новым углом.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование. Поэтому любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами. Мы не публикуем работы, в которых высказывается неуважительное отношение к другим народам или имеются неполиткорректные формулировки.

С уважением, редакция

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ◆ ISSN: 2500-0225
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editor-in-Chief	Serguey N. Yakushenkov Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
Associate Editors	Rastyam T. Aliev, Ph.D. Astrakhan State University. Astrakhan, Russia
Science Editor	Maksim V. Kirchanoff Dr. Habilitatus in History, Associate Professor, Voronezh State University. Voronezh, Russia

Editorial Board Andrei Znamenski

Ph.D., professor, The University of Memphis. Memphis, USA

Andrey V. Grinev

Dr. Habilitatus in History, Professor, St. Petersburg State Polytechnic University of Peter the Great (SPbPU). St. Petersburg, Russia

Anna P. Romanova

Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Dittmar Schorkowitz

Ph.D., professor, Max Planck Institute for Social Anthropology. Halle, Germany

Elena E. Zavyalova

Dr. Habilitatus in Philology, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Elena V. Morozova

Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kuban State University. Krasnodar, Russia

Elina A. Sarakava

Ph.D., Hainan College of Economics and Business. Haikou, China

Emilia A. Taysina

Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kazan State Power Engineering University. Kazan, Russia

Isabeau Vollhardt

B.A., Philosophy/English University of Washington. Washington, USA

Lyudmila V. Burykina

Ph.D., Adygea State University. Maykop, Russia

Maria M. Fyodorova

Dr. Habilitatus in Political Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Marina Ch. Larionova

Dr. Habilitatus in Philology, Federal State Budgetary Institution of Science "Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences", Southern Federal University.
Rostov-on-Don, Russia

Matthew P. Romaniello

Ph.D., professor, Weber State University. Ogden, USA

Michael Khodarkovsky

Ph.D., professor, Loyola University Chicago. Chicago, USA

Nadezhda Ye. Tropkina

Dr. Habilitatus in Philology, Volgograd State Pedagogical University. Volgograd, Russia

Natalia S. Kanateva

PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Nathan Hopson

Ph.D., professor, Nagoya University. Nagoya, Japan

Piotr Gorecki

Ph.D., professor, University of California. Riverside, USA

Robert P. Geraci

Ph.D., professor, University of Virginia. Charlottesville, USA

Sergey A. Troitskiy

PhD., Herzen Russian State Pedagogical University, Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones, Sociological Institute, RAS. St. Petersburg, Russia

Serguey V. Vinogradov

Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Willard Sunderland

Ph.D., professor, University of Cincinnati, USA

Главный редактор	Сергей Николаевич Якушенков д. ист. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия	
Заместитель главного редактора	Растям Туктарович Алиев к. ист. н., Астраханский государственный университет, Россия	
Научный редактор	Максим Валерьевич Кирчанов д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Воронеж, Россия	
Редакционная коллегия	Андрей Вальтерович Гринев д.ист.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого (СПбПУ). Санкт-Петербург, Россия	
	Андрей Знаменский Ph.D., профессор, Университет Мемфиса. Мемфис, США	
	Анна Петровна Романова д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия	
	Диттмар Шорковиц Ph.D., профессор, Институт социальной антропологии им. Макса Планка. Галле, Германия	
	Елена Васильевна Морозова д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». Краснодар, Россия	
	Елена Евгеньевна Завьялова д.филол.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия	
	Ибитайо Самюэль Попула PhD, профессор, Лагосский университет, Нигерия	
	Изабо Волхардт В.А., Вашингтонский университет. Вашингтон, США	
	Людмила Васильевна Бурыкина к.ист.н., ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет». Майкоп, Россия	
	Марина Ченгаровна Ларионова д.филол.н., ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), Южный федеральный университет (ЮФУ). Ростов-на-Дону, Россия	
	Мария Михайловна Федорова д.полит.н., Институт философии РАН. Москва, Россия	

Михаил Ходарковский

Ph.D., профессор, Университет Лойолы в Чикаго. Чикаго, США

Мэтью П. Романьелло

Ph.D., профессор, Государственный университет Уэбер. Огден, США

Надежда Евгеньевна Тропкина

д.филол.н., ФГБОУ ВО Волгоградский государственный социальнопедагогический университет. Волгоград, Россия

Наталья Сергеевна Канатьева

к.биол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия

Натан Хопсон

Ph.D., профессор, Нагойский университет. Нагойя, Япония

Пётр Горецкий

Ph.D., профессор, Калифорнийский университет. Риверсайд, США

Роберт П. Гераси

Ph.D., профессор, Университет Виргинии. Шарлотсвилль, США

Сергей Александрович Троицкий

к.филос.н., РГПУ им. А.И. Герцена, Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН-Филиала ФНИСЦ РАН, РАН. Санкт-Петербург, Россия

Сергей Вадимович Виноградов

д.ист.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, Россия

Уиллард Сандерленд

Ph.D., профессор, Университет Цинциннати. Цинциннати, США

Элина Алиевна Саракаева

к.филол.н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу. Хайкоу, Китай

Эмилия Анваровна Тайсина

д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет». Казань, Россия

CONTACTS

Founder	Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"
Address	85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050
Editor-in-Chief	Serguey N. Yakushenkov
Email	editorialboard.jsf@jfs.today; editorialboard.jsf@gmail.com
CEO	Rastyam T. Aliev
Email	rastaliev@gmail.com

The opinion of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors

КОНТАКТЫ

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»	
Адрес редакции	414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2	
Главный редактор	Сергей Николаевич Якушенков	
Email	editorialboard.jsf@jfs.today; editorialboard.jsf@gmail.com	
Дирекция журнала	Алиев Растям Туктарович	
Email	rastaliev@gmail.com	

Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов

Siberian and Far Eastern Frontiers | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.383

The Historical Studies of the Spaces of the Siberian Frontier

Maria V. Sentyabova¹ & Yuriy V. Ryabov²

Krasnoyarsk State Agrarian University. Krasnoyarsk, Russia

Received: 2 February 2022 | Revised: 14 June 2022 | Accepted: 28 June 2022

Abstract

The article is a review of the All-Russian scientific conference "The IVth Grishaev Readings" that was dedicated to the memory of Doctor of History, Professor V.V. Grishaev and was held on November 11-12, 2021, in Krasnoyarsk State Agrarian University. The theme of the conference was "Spaces of the Soviet Frontier". Conference organizers invited participants to consider the frontier as a new way of assembling the history, another format of history self-understanding, and to assess the prospects of using theories of frontiers in order to study the Soviet history. Using the frontier theory as a new tool to solve the problems under study raises new questions and, thus, opens up previously unexplored areas of study. The first day of "The IVth Grishaev Readings" included two sections. One of them was devoted to the theme "The Frontier in Methodology, Historiography, and Source Studies" and finished with a discussion of the terms "the Soviet frontier" and "the Russian frontier". The other section "The Specificity of the Economic Development of the Frontier Territories in the Soviet Era" was devoted to the past, present and future of the frontier territories. The second day of "The IVth Grishaev Readings" was traditionally devoted to "The Youth Section" as part of the overall concept of the conference aimed at disseminating new knowledge. The attempt to theoretically comprehend the Internet as a space of the modern frontier became a subject of a lively discussion. The overall outcome of the conference is the publication of a collection of papers "Grishaev Readings".

Keywords

V.V. Grishaev; National Scientific Conference; Grishaev Readings; Explorers; Krasnoyarsk; Frontier; Heartland Theory; Soviet Siberia; History; Theory

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

¹ Email: m.v._redko[at]mail.ru

² Email: ryabov.yu[at]gmail.com

Историческая наука о пространствах сибирского фронтира

Maria V. Sentyabova¹ & Yuriy V. Ryabov²

Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, Россия

Рукопись получена: 2 февраля 2022 | Пересмотрена: 14 июня 2022 | Принята: 28 июня 2022

Аннотация

Статья содержит обзор национальной научной конференции «IV Гришаевские чтения», посвященной памяти доктора исторических наук, профессора В.В. Гришаева и состоявшейся 11-12 ноября 2021 г. в Красноярском государственном аграрном университете. Темой конференции были выбраны «Пространства Советского фронтира». Организаторы предложили участникам рассмотреть фронтир как новый способ сборки исторического, один из форматов самопонимания истории, попробовать оценить перспективы применения фронтирных теорий для изучения советской истории. Приложение фронтирной теории как инструмента к уже изучаемым проблемам ставит новые вопросы, открывая прежде неизведанные области. Первый день «IV Гришаевских чтений» включал в себя работу двух секций. Одна из них посвящалась теме «Фронтир в методологии, историографии, источниковедении». Работа секции завершилась дискуссией о терминах «советский фронтир» и «российский фронтир». В другой -«Особенности экономического развития фронтирных территорий в советскую эпоху» - затрагивались вопросы прошлого, настоящего и будущего фронтирных территорий. Во второй день «IV Гришаевских чтений» по традиции работала «Молодежная секция», знаменуя направленность на распространение нового знания. Были заслушаны доклады молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов. Оживленную дискуссию вызвала попытка теоретического осмысления сети Интернет как пространства современного фронтира. Общим итогом конференции является публикация сборника докладов «Гришаевские чтения».

Ключевые слова

В.В. Гришаев; национальная научная конференция; Гришаевские чтения; ученые; Красноярск; фронтир; хартленд; Советская Сибирь; история; теория

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0</u> <u>Всемирная</u>

¹ Email: m.v._redko[at]mail.ru

² Email: ryabov.yu[at]gmail.com

Siberian and Far Eastern Frontiers | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.383

Обзор национальной научной конференции «IV Гришаевские чтения», посвященной памяти доктора исторических наук, профессора В.В. Гришаева

Одной из важнейших задач, стоящих перед организаторами любого регулярного научного мероприятия, следует признать сохранение баланса между традицией и новаторством. С одной стороны, разрабатывая актуальные методические и методологические концепции, очень просто «оторваться от корней», забыть те созданные учеными прошлого фундаментальные основы, на которых должна произрастать наука будущего. С другой стороны, посвящая конференцию исключительно научному наследию даже самого видного ученого, мы увеличиваем вероятность свести науку к череде самоповторов, упустить живую нить исторической памяти.

Размышления подобного рода подтолкнули организаторов IV Гришаевских чтений 2021 г. к созданию собственной концепции этой национальной научной конференции. Доктор исторических наук, заслуженный работник высшей школы РФ профессор Василий Васильевич Гришаев (1935–2014) по праву считается одним из наиболее выдающихся сибирских историков XX века. Уроженец Воронежской области и выпускник исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, он прочно связал свою судьбу, научную и педагогическую деятельность с Красноярским краем, воспитав не одно поколение специалистов по истории – ученых и преподавателей. Его научные труды, посвященные сибирскому селу, занимают важное место как в отечественной историографии, так и в постсоветском научном пространстве.

Вот уже несколько лет в Красноярском государственном аграрном университете, где В.В. Гришаев до конца своей жизни трудился профессором кафедры истории и политологии, действует неформальное объединение ученых, учеников и коллег Василия Васильевича, поставивших своей целью развитие и приумножение его идей в области аграрной и социальной истории Советской Сибири.

Идея Первых Гришаевских чтений, прошедших 11 сентября 2018 г., родилась из естественного желания почтить память Учителя, а потому среди 58 их участников большинство составляли историки и общественные деятели Красноярска, лично знавшие В.В. Гришаева. Вторые Гришаевские чтения, состоявшиеся 15–16 октября 2019 г., были посвящены вопросам природопользования и развития агропромышленного комплекса на евразийском пространстве, что позволило расширить как круг, так и географию участников. На конференцию подали свыше 70 заявок из научных и высших учебных заведений Новосибирска, Омска, Иркутска, Бурятии, Тувы и других регионов Сибири.

Третьи Гришаевские чтения (18–19 ноября 2020 г.), посвященные теме аграрной истории и наследия ученых-аграриев, приобрели уже подлинно всероссийский размах, объединив свыше 60 очных и заочных участников из Санкт-Петербурга, Москвы, Европейской части России, Сибири и Дальнего Востока. В конференции приняли участие архивисты, историки, социологи, философы и экономисты, обеспечивая тем самым её мультидисциплинарный характер. Именно к этому моменту мы можем говорить об окончательном складывании общей концепции Гришаевских чтений как мероприятия, направленного на развитие научных идей, заложенных В.В. Гришаевым.

Тема Четвертых Гришаевских чтений, проведенных Красноярским государственным аграрным университетом 11 и 12 ноября 2021 г., - «Пространства Советского фронтира». Фронтир здесь рассматривался прежде всего как новый способ сборки исторического, один из форматов самопонимания истории. Несмотря на уже имеющееся широкое обсуждение в научных кругах, эта тема до сих пор остается дискуссионной. Если понятия фронтира как приграничной территории и зоны нового освоения достаточно хорошо проработаны, то социально-демографические и экономические его аспекты только начинают серьезно исследоваться. Чаще всего этот концепт рассматривался на материалах XVII–XIX вв., но для организаторов конференции было важно сосредоточиться на перспективах его применения для изучения советского периода.

Организационный комитет возглавили ректор Красноярского государственного аграрного университета доктор экономических наук, профессор Н.И. Пыжикова и председатель Ученого совета Института истории СО РАН, заведующий сектором аграрной истории доктор исторических наук В.А. Ильиных.

На участие только в очной части мероприятия подано свыше 40 заявок, в том числе 8 от докторов и 21 - от кандидатов наук. Уже ставший традиционным междисциплинарный характер конференции обеспечили историки, архивисты, экономисты, географы, социологи и культурологии из Центра Среднеазиатских исследований Университета имени А. Мицкевича в Познани (Польша), МГУ имени М.В. Ломоносова, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Государственного архива Красноярского края, Института истории СО РАН, Сибирского федерального университета, Сибирского государственного университета науки и технологий, Красноярского педагогического университета, Красноярского государственного медицинского университета, Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии, Сибирского юридического института МВД России, Сибирского института бизнеса, управления и психологии. Из-за карантинных ограничений осени 2021 г. работа проводилась дистанционно, с использованием сервиса видеоконференций ZOOM, что позволило сохранить видеозаписи отдельных выступлений, доступ к которым открыт для всех

желающих на YouTube-канале (Гришаевская конференция - YouTube, б. д.). Работа первого дня конференции началась с приветственных слов заведующего кафедрой истории и политологии Юридического института Красноярского ГАУ д.и.н., профессора С.Т. Гайдина, заведующего кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций, заместителя министра образования Красноярского края д.и.н., профессора Д.Н. Гергилева и профессора кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института СФУ д.и.н. Н.И. Дроздова. Нелёгкую работу по модерированию работы взяли на себя доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций СФУ к.и.н. Л.А. Кутилова и доцент кафедры истории и политологии Красноярского ГАУ к.и.н. Р.В. Павлюкевич.

Работу первой секции IV Гришаевских чтений «Фронтир в методологии, историографии, источниковедении» открыл доклад профессора Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева д.и.н. Л.Н. Славиной «Социально-демографическая история Восточной Сибири 1960–1980-х гг. в ракурсе концепции фронтира». Л.Н. Славина обратила внимание собравшихся на особенности методологической проработки понятий «фронтир» и «территория фронтира», а также оценила возможность применения этой концепции к социально-демографической истории Сибири второй половины XX в. Затрагивались проблемы характеристики территорий Восточной Сибири как фронтирных, определялась разница административных единиц Сибирского региона. Перед слушателями был поставлен вопрос о сочетании концепции фронтира с концепцией модернизации в области исследований демографии Советской Сибири.

Доклад доцента факультета истории, директора Центра Среднеазиатских исследований Университета имени А. Мицкевича в Познани (Польша) к.э.н. И.О. Пешкова «Граница и прошлое: темпоральные режимы в исследованиях советского фронтира» продолжил тему теоретического исследования концепции «фронтир», обозначив тему «границы» и «приграничной территории» не только как географических, но и как метафизических объектов, существующих между прошлым и настоящим. Исследуя легенды, касающиеся существования во второй половине ХХ в. на русско-китайской границе тайных поселений, связанных с белогвардейским атаманом Семеновым, И.О. Пешков разобрал исторические корни возникновения этого мифа. Он применил концепцию фронтира не только в пространственном, но и в темпоральном плане, определив приграничные территории как место встречи прошлого и настоящего, «запрещенного» и «дозволенного», «своего» и «чужого». Отмечено, что подобное восприятие границы ощутимо влияет на тех, кто волей судьбы оказывается в этом «приграничье» в обличие «чужого».

В продолжение поднятой темы доцент Сибирского юридического института МВД России д.и.н. О.В. Коновалова представила доклад «Проблема фронтира в изучении политической эмиграции», затронув реалии жизни

членов партии социалистов-революционеров. Взгляд на политэмигрантов в контексте фронтирного феномена позволил осветить вопрос Русской заграницы с другой, не идеологической, а пространственной точки зрения, дополнив его новыми смыслами.

Выступление научного сотрудника Центра социальных исследований Севера Европейского университета в Санкт-Петербурге к.и.н. Е.В. Лярской «Новая жизнь для древних кочевников: культбазы Комитета Севера как культурный форпост (1920–1930-е гг.)» снова перенёс тему фронтира из пространственной области в социально-культурную. Раскрывая историю культурного строительства среди малых коренных народов Севера и Сибири, оратор сообщила множество интереснейших подробностей о ходе, результативности и идейной подоплеке этого процесса.

Доклад доцента кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института СФУ к.и.н. Т.Ш. Уметбаева «Сословные группы населения на Филиппинских островах накануне революции 1896 г.» касался достаточно экзотической темы из истории островного государства. Указано, что наличие полиэтничного населения, а также противоречия социального устройства населения Филиппинских островов, явившиеся следствием фронтирного характера освоения этих территорий, послужили основными причинами антиколониальной революции 1896 г.

Работа секции завершилась дискуссией, в которой наибольший интерес вызвала тема специфичности термина «советский фронтир» и возможности замены его термином «российский фронтир».

Вторая секция IV Гришаевских чтений начала свою работу с выступления доцента кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ к.г.н. Н.Ю. Замятиной на тему «Город фронтиру и фронтир городу: Магадан, Игарка и "гипотеза Джека Лондона"». Крайне интересным для коллег оказалось сравнение понимания термина «фронтир» в исторической науке и в области социально-экономической географии, ЧТО позволило применять концепцию для исследования сибирских территорий как областей быстрого экономического освоения. Выяснилось, что расширение поля исследования сибирской истории за счет теоретических наработок экономической географии предоставляет для ученых множество крайне привлекательных возможностей.

Особое внимание участников конференции вызвал доклад председателя Ученого совета Института истории СО РАН, заведующего сектором аграрной и демографической истории д.и.н. В.А. Ильиных «Аграрное освоение Сибири в начале ХХ в.: от постфронтира к хартленду». Доказано, что термин «постфронтир» открывает множество возможностей для толкования истории сибирских территорий. Оратор задался вопросами о дальнейшей судьбе зон фронтира, о том, сохраняют ли они какие-либо особенности, отличные от других частей страны. Выступающий отнес к характерным чертам фронтир-

ности сибирских территорий формирование особенного субэтноса великорусского народа – сибиряков-старожилов, обладающих специфическим набором ментальных, материально-бытовых, языковых и культурных характеристик. На материалах истории Сибири был продемонстрирован процесс превращении фронтирных территорий в «хартленд», т.е. в часть коренных регионов России.

Тему развил заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета к.и.н. А.И. Бакшеев, в своем выступлении «Теория фронтира и переселение российских крестьян в Сибирь в начале XX века». Сосредоточившись на сущности процессов аграрного заселения Сибири, он уделил большое внимание правительственным усилиям в обеспечении перемещения крестьян как фактора ускоренного освоения этих территорий.

Доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института СФУ к.и.н. Б.Е. Андрюсев и профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института СФУ д.и.н. Н.И. Дроздов представили совместный доклад «Уникальность и особенность Сибирского характера», посвященный социоментальному анализу сибирской истории как процессу взаимной адаптации на рубежах фронтира. Оценивая характер взаимоотношений первых сибирских поселенцев с коренными этносами и факторы, связанные с суровой природой, ученые увидели результат этого процесса в формировании особых психоментальных характеристик, определяемых ими как «сибирский характер».

Доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института СФУ к.и.н. Т.Г. Карчаев в докладе «Пространственная организация советского управления в контексте теории фронтира (по материалам отчета Сибирского краевого исполнительного комитета советов СОВНАР-КОМУ РСФСР 1927 г.)» проанализировала особенности восприятия фронтирности сибирских территорий людьми, занимавшимися их непосредственным освоением. Оратор пришла к выводу, что отчеты местных исполнительных комитетов 1920-х гг. содержат характеристику этих территорий как «недоуправляемых», малонаселенных «зон предельного напряжения».

Малонаселенность была также названа особой чертой фронтирности Сибирских территорий в докладе заведующего кафедрой истории и политологии Красноярского ГАУ д.и.н. С.Т. Гайдина и доцента кафедры психологии, педагогики и экологии человека к.и.н. Г.А. Бурмакиной «Государственный вектор индустриального освоения ресурсов Сибири». Перспективным представился тезис о территории Красноярского края как зоне реализации особых государственных интересов и возникновении здесь в связи с этим чрезвычайных органов союзной юрисдикции. Работа второй секции также завершилась оживленной дискуссией.

Второй день посвятили работе Молодежной секции. Она – неотъемлемая часть Гришаевских чтений: и как дань активной деятельности В.В. Гришаева по развитию исторического образования, и как составляющая общей концепции конференции, направленной на распространение нового знания. Аспиранты, магистранты, студенты исторического отделения Гуманитарного института СФУ и Красноярского ГАУ выступали с докладами, тематика которых может быть оценена как крайне разнообразная – от характера советскомонгольских взаимоотношений в области высшего образования до закономерностей отражения колхоза и колхозников в советских анекдотах. Оживленную дискуссию вызвала попытка теоретического осмысления сети Интернет как пространства современного фронтира. Следует отметить высокую степень проработанности материала в докладах. Насыщенность и разнообразие тематического наполнения секции показывает степень её востребованности у молодых ученых, необходимость продолжения работы.

В кратком обзоре невозможно осветить все проблемы, поднятые на конференции. Полные версии всех выступлений представлены в сборнике «Гришаевские чтения: Материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева» (Гришаевские чтения..., 2022), опубликованном и размещен в РИНЦ осенью 2022 г.

Подводя итоги, необходимо указать на отмеченную участниками конференции практическую пользу, полученную ими в ходе обсуждения методов применения концепции фронтира к отдельным вопросам сибирской истории. Приложение фронтирной теории как инструмента к уже изучаемым проблемам ставит новые вопросы, открывая прежде неизведанные области. Конечно, проработка концепции сибирского фронтира потребует длительного времени, неоднократных согласований, научных встреч и дискуссий. Это доказывает, что со своей основной задачей – оставаться зоной развития и распространения нового знания – национальная научная конференция «Гришаевские чтения» справляется на отлично.

Список литературы

Гришаевская конференция—YouTube. (б. д.). https://www.youtube.com/channel/UCmp4nXLmjPXUOR5cQXYMr8w

Гришаевские чтения: Материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева, Красноярск, 11 – 12 ноября 2021 года. (2022). Красноярский государственный аграрный университет.

Siberian and Far Eastern Frontiers | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.383

References

Grishaev Conference—YouTube. (n. d.). https://www.youtube.com/channel/UCmp4nXLmiPXUOR5cQXYMr8w (In Russian).

Grishaev Readings: Materials of the IV National Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of History, Professor, Honored Worker of Higher Education Vasily Vasilievich Grishaev, Krasnoyarsk, November 11 – 12, 2021. (2022). Krasnoyarsk State Agrarian University. (In Russian).

The Agrarian Development of Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: from Post-Frontier to Heartland

Vladimir A. Ilinykh

Institute of History, Siberian Branch of RAS. Novosibirsk, Russia. Email: agro_iwa[at]mail.ru Received: 19 February 2022 | Revised: 25 April 2022 | Accepted: 27 April 2022

Abstract

The post-frontier is the least studied stage of the Siberian frontier. The aim of the paper is to analyze the functioning of Siberia within the framework of the post-frontier and identify the mechanisms and consequences of the region's going beyond its borders. The study also provides a brief description of the features of the early and active frontier. The agrarian development of Siberia, which largely determined the frontier processes, provides a basis for the subject area of the paper.

As a result of the study, it was concluded that the zone of the active frontier in Siberia was constantly shifting. Its most developed territory entered the post-frontier stage. One of the features of the Siberian post-frontier was the formation of a sub-ethnos of the Great Russian ethnos on its territory, namely, the Siberian old-timers. The agrarian system of Siberia at this stage of development also had qualitative features. The specificity of the region was determined by its logistical isolation from the main territory of Russia. The Trans-Siberian Railway put an end to it and allowed the start of mass agrarian migration. One of its consequences, among others, was the beginning of the process of deethnicization which ended in the Soviet period. The ethno-social result of collectivization, industrialization, urbanization, and the Cultural Revolution was the transformation of the Siberians from a subethnos of the Russian nation into its geographical group. The agrarian system of the region also lost its qualitative differences. As a result, Western Siberia and a significant part of Eastern Siberia became parts of the Russian heartland.

Keywords

Frontier; Post-Frontier; Heartland; Agrarian System; Agricultural Resettlement; Sub-Ethnos; Polysubethnicization; De-subethnicization; Siberians; Siberian

This work is licensed under a <u>Creative Commons "Attribution" 4.0 International License</u>

Siberian and Far Eastern Frontiers | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.365

Аграрное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: от постфронтира к хартленду

Ильиных Владимир Андреевич

Институт истории Сибирского отделения РАН. Новосибирск, Россия. Email: agro_iwa[at]mail.ru

Рукопись получена: 19 февраля 2022 | Пересмотрена: 25 апреля 2022 | Принята: 27 апреля 2022

Аннотация

Наименее изученной стадией сибирского фронтира представляется постфронтир. Цель работы – анализ функционирования Сибири в рамках постфронтира, а также выявление механизмов и последствий выхода региона за его пределы. В исследовании также осуществлено краткое описание особенностей раннего и активного фронтира. Основу предметной области работы составляет аграрное освоение Сибири, которое в значительной степени определяло фронтирные процессы.

По итогам исследования сделаны следующие выводы. Зона активного фронтира в Сибири постоянно перемещалась. Его наиболее освоенная территория переходила в стадию постфронтира. Одной из характеристик сибирского постфронтира стало формирование на его территории субэтноса великорусского этноса – сибиряков-старожилов. Аграрный строй Сибири на данной стадии развития также имел качественные особенности. Специфика региона определялась логистической оторванностью от основной территории России. Транссибирская магистраль покончила с этим и позволила начать массовое аграрное переселение. Его следствием, среди прочих, оказался запуск процесса десубэтнизации. Он завершился в советский период. Этносоциальным итогом коллективизации, индустриализации, урбанизации, культурной революции стало превращение сибиряков из субэтноса русского народа в его географическую группу. Качественные отличия потерял и аграрный строй региона. В итоге Западная Сибирь и значительная часть Восточной Сибири вошли в российский хартленд.

Ключевые слова

фронтир; постфронтир; хартленд; аграрный строй; сельскохозяйственное переселение; субэтнос; полисубэтнизация; десубэтнизация; сибиряки; Сибирь

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0</u> Всемирная

Введение

Фронтироведение - относительно молодая, но уже весьма фундированная отрасль отечественного обществоведения. Фактически появившись в 1990-е гг., она не явилась повторением классических американских штудий, с самого начала обрела свое собственное методологическое и аналитическое лицо. Существенный вклад в становление и развитие методологии российский фронтирных исследования внесли С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова (Романов & Якушенков, 2012; Якушенков & Якушенкова, 2013; Якушенкова & Якушенков, 2015; и др.). Наиболее исследованной зоной российского фронтира оказалась Сибирь (Резун, Ламин, Мамсик & Шиловский, 2001; Резун & Шиловский, 2005; Агеев, 2005; Хромых, 2012; и др.). Существенное приращение конкретноисторических знаний получено и при изучении нижневолжского (Якушенков & Якушенкова, 2010; Романова, Якушенков, Хлыщева, Васильев, Якушенкова Ок., Якушенкова Ол., Кусмидинова & Топчиев, 2014; и др.) и южнорусского фронтиров (Мизис, Скобелкин & Папков, 2015; Мизис, 2018; и др.). В то же время исследование проблемы еще далеко от завершения. Применительно к Сибири наименее изученной является стадия постфронтира. Не дан ответ на вопрос о времени и особенностях выхода Сибири за ее пределы.

В связи с этим цель настоящей работы – конкретно-исторический анализ функционирования Сибири в рамках постфронтира, а также выявление механизмов и последствий выхода региона за его пределы. В исследовании также осуществлено краткое описание особенностей раннего и активного фронтира. Происходящие в Сибири социально-экономические и этнокультурные процессы на этапах перехода от активного фронтира к постфронтиру и выходу из него определялись главным образом аграрным развитием. Исходя из этого, основу предметной области работы составляет аграрное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. В географические рамки входят Западная и Восточная Сибирь. Фронтирные процессы на Дальнем Востоке имеют существенную специфику.

Формирование единого понятийного аппарата отечественных фронтирных исследований не завершено. Многие его дефиниции имеют неоднозначный и дискуссионный характер. Это обстоятельство делает необходимым презентацию авторской позиции.

Хартленд определяется как наиболее важная внутренняя часть государства, его культурная и этническая сердцевина. При этом границы хартленда на протяжении истории страны могут меняться и прирастать новыми территориями. В настоящее время в состав российского хартленда входит в том числе Центральное Черноземье (Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая Орловская и Тамбовская области). Однако на этапе формирования Русского централизованного государства данный регион находился в зоне фронтира.

Отметим, что хартленд может быть несплошным, иметь иноэтичные вкрапления.

Фронтир – комплексный, многогранный, общецивилизационный феномен, его можно определить как подвижную зону государственной колонизации территорий, которые населяют находящиеся на более низком уровне общественно-политического и социально-экономического развития этнические (племенные) общности. Успех колонизации обеспечивает технологическое превосходство, прежде всего – в сфере вооружений и средств коммуникаций, а также пассионарность фронтирменов (землепроходцев, первых колонистов).

Колонизация зоны фронтира имеет ряд составляющих: военно-политическую, демографическую, этнокультурную, экономическую. Военно-политический аспект означает присоединение новых территорий (завоевание, добровольное вхождение) и установление военно-административного контроля над ними. Демографический аспект – заселение осваиваемых земель представителями этнических групп из метрополии или транзитными иногосударственными группами (перемещение военнопленных, организованное добровольное или принудительное переселение с территории других государств).

Заселение в зависимости от его интенсивности меняет систему расселения, которое для пришлых групп может приобретать дисперсный, очаговый, близкий к сплошному или сплошной характер. Аборигены уничтожаются (геноцид), частично или полностью поглощаются, утесняются до очагового или дисперсного расселения, вытесняются на периферию зоны фронтира или за ее пределы.

Фронтир представляет собой территорию многогранных и интенсивных культурных контактов между пришлыми и аборигенными группами. Их результатом для аборигенов может быть «ассимиляция, которая в качестве варианта аккультурации приводит к полной идентификации с новой культурой; сепарация, представляющая собой отрицание иной культуры при сохранении своих социокультурных особенностей; маргинализация, означающая потерю исходных культурных качеств и необретение нового социокультурного багажа, чужеродность как для исходной, так и для новой культуры; интеграция, характеризующаяся идентификацией личности как со старой, так и с новой культурами» (Чикалова, 2018, с. 174-175). Этнокультурные изменения происходят и с заселяющими зону фронтира этносами. Их объединение на основе аккультурации, включения ассимилированных потомков аборигенов (механизм «плавильного котла») ведет к становлению нового локального сообщества, в том числе субэтноса, численно и культурно преобладающего среди переселенцев народа.

Экономическая составляющая фронтира заключается в хозяйственном освоении присоединяемых территорий, основными типами которого являются промысловое, аграрное и индустриальное. Наиболее важное

значение для успешной колонизации зоны фронтира имеет аграрное земледельческое освоение. Оно ведет к радикальной трансформации экономики, заселению территорий, демографическим изменениям, ассимиляции или вытеснению аборигенных этносов. Аграрии (крестьяне, фермеры) создают основу нового субэтноса. При этом складываемые в осваиваемом регионе аграрные отношения, как правило, существенно отличаются от аграрного строя Хартленда.

Хронологически фронтир можно разделить на три стадии: ранний фронтир, активный фронтир, постфронтир. На ранней стадии преобладает инициативное (вольное) проникновение фронтирменов на новые территории. Государство реагирует на вызовы, исходящие оттуда, эпизодическими военными набегами. В рамках активного фронтира происходит присоединение новых территорий, установление военно-административного контроля над ними, их активное заселение и освоение. Отмеченной С.Н. Якушенковым и О.С. Якушенковой принципиальной особенностью данной стадии фронтира является то, что при наличии обилия ресурсов колонизуемая территория сама нуждается в импорте ресурсов из метрополии (Якушенков & Якушенкова, 2013, с. 12).

По мнению вышеназванных ученых, фронтир постепенно становится обеспечивать себя самодостаточным, способным всем Но как только это происходит, он практически перестает быть фронтиром, превращаясь в постфронтирное общество (Якушенков & Якушенкова, 2013, с. 12). На наш взгляд, наиболее важным индикатором перехода активного фронтира в стадию постфронтира является обретение осваиваемой территорией продовольственной самодостаточности. Переход к постфронтиру также характеризуется завершением присоединения территории. Хаос, характерный для активного фронтира, сменяется относительным упорядочиванием. Осуществляется переключение на гражданское управление. Удельный вес переселенцев и их потомков в общей численности населения становится преобладающим. А переселенцы в третьем поколении сами фактически превращаются в аборигенов. Из пришедших с территории метрополии этнических групп и ассимилируемых местных народностей формируется единая локальная субэтническая общность.

В дальнейшем зона фронтира может влиться в хартленд. Одним из важных индикаторов реализации подобного варианта является потеря аграрным строем региона качественной специфики. Помимо вышеуказанного, возможны иные пути развития: интегрированная окраина государства с преобладанием государствообразующего этноса, субэтничная провинция, мультиэтничная провинция, иноэтничная провинция с вкраплением государствообразующего этноса, автономное образование и даже независимое государство, имеющее тесные культурные связи с метрополией.

Siberian and Far Eastern Frontiers | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.365

Определенные выше закономерности, механизмы фронтира реализуются во времени и пространстве вероятностным образом, в каждой фронтирной зоне имеют конкретно-исторические особенности, иногда весьма существенные. Отметим также, что в различных частях обширной колонизуемой территории одновременно могут функционировать все три стадии фронтира.

Ранний и активный фронтир

Предыстория сибирского фронтира начинается с середины XIV в., когда в Северное Зауралье стали проникать новгородцы. Их походы носили характер набегов, осуществлявшихся под руководством «воевод новгородских», вооруженными ватагами добровольцев. Целью набегов являлись меновая торговля и сбор дани в виде пушнины. Новгородцы проложили первые пути в Сибирь (Побережников, 2009а, с. 666).

После ликвидации Новгородского государства начинается экспансия в северное Зауралье Московского княжества. Зауральские походы московских воевод в 1465, 1483 и 1499 гг. создали условия для присоединения Северного Зауралья к Русскому государству. Наряду с государственными отрядами в Северную Сибирь проникают промысловики поморы, которые осваивают морской прибрежный путь в устье Оби и далее до низовьев Енисея. Еще до похода Ермака в низовьях р. Таз появилось первое русское поселениефактория – Тазовский городок (Побережников, 2009а, с. 665).

В 1581 или 1582 г. состоявший из вольных казаков вооруженный отряд Ермака по собственной инициативе, которая была поддержана Строгановыми, двинулся в поход. Его результатом стал захват столицы Сибирского ханства Искера. Это ускорило присоединение Сибири к России. Регион перешел в стадию активного фронтира. С 1585 г. в Западную Сибирь начали прибывать правительственные войска. Они занялись строительством острогов и подчинением аборигенного населения. Остроги превращались в города, а правительственные отряды направлялись дальше на восток, основывая все новые и новые остроги. Д.Я. Резун определил базовую специфическую черту сибирского фронтира как «создание цепи или отдельных относительно быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, пасы, погосты, укрепленные деревни и заимки), которые всегда выдвинуты в пограничные земли и отдалены от основных административнохозяйственных центров (городов)» (Резун, 2000, с. 76). Действующие от имени государства отряды опережали вольные ватаги, по собственной инициативе двигавшиеся «встречь солнцу». Уже в 1639 г. русские землепроходцы-пассионарии достигли берега Тихого океана.

К 1605 г. к русскому государству была присоединена Западная Сибирь, к 1689 г. – Восточная Сибирь. Слияние сопровождалось заселением и освоением новых территорий. На ранних этапах русской колонизации Сибири

преобладало ее промысловое освоение. В первую очередь развивался пушной промысел. Государство изымало пушнину в рамках ясака, русское купечество получало ее путем скупки, развертывалась непосредственная добыча пушнины русскими промысловиками. Символом пушных богатств Сибири стала «златокипящая» Мангазея.

Однако все большее значение для закрепления Сибири за Русским государством и ее социально-экономического развития имело аграрное освоение. Переселенцы создавали земледельческие очаги сначала в Зауралье, а затем во все более восточных районах. Разраставшиеся очаги превращались в зоны, населяемые крестьянами-хлебопашцами. В течение XVII в. в Западной Сибири сформировалось 2 земледельческие зоны: Верхотурско-Тобольская и Томско-Кузнецкая. В Восточной Сибири функционировали Енисейский, Забайкальско-Амурский и Ленский земледельческие районы. Уже к началу XVIII в. Сибирь обеспечивала себя хлебом. При этом крестьянство стало преобладающей группой населения. Его доля составляла от 50 до 60 % от общей численности жителей региона (Мамсик, 2009, с. 203–204).

Постфронтир во второй половине XIX в.

Зона активного фронтира постоянно перемещалась. Его наиболее освоенная территория переходила в стадию постфронтира. Сначала – Зауралье и среднее Прииртышье, которые первые стали полностью обеспечивать себя продовольствием. Затем постфронтир распространялся на все новые и новые районы. В середине XIX в. в его рамках находилась значительная часть территории Западной и Восточной Сибири. К этому времени западная, южная и восточная земледельческие зоны макрорегиона сомкнулись. На его юге и востоке оставались зоны фронтира, но уже отличающегося от того, который был на начальном этапе колонизации Сибири. Там, где государственная граница на длительное время закреплялась, создавался лимес. Задачей находящихся на нем военных сил являлось не обеспечение продвижения на новые территории, а отгораживание от них. Однако это не исключало проникновения за линию лимеса – отдельных фронтирменов и целых аграрных общин, бегущих от государства.

Продолжалось формирование сибирского крестьянства. Основными акторами данного процесса на ранних этапах колонизации являлись выходцы с русского Севера (Поморья и близлежащих территорий), зыряне из Яренского края, жители Вятского края. При этом Вятка сама представляла «этнический котел», где шли интенсивные процессы «перемешивания» русских пришельцев с местным полиэтничным населением. «Сажалась во крестьяне» часть военнопленных и перемещенных из зоны боевых действий гражданских лиц: «черкасов» (украинцев), поляков, «литвы» (литовцев, белорусов) (Мамсик, 2009, с. 203). Браки мужчин-пришельцев с представительницами аборигенных

народов способствовали метисации части сибирских крестьян, появлению у них отличных от европеоидных черт лица.

С 1760 г. сибирское крестьянство пополнялось в основном ссыльными помещичьими крестьянами из различных регионов европейской части Российской империи. Они имели еще более пестрый этнический и субэтнический состав, нежели выходцы с Русского Севера и Вятского края (Мамсик, 2009, с. 203). К середине XIX в. миксация, происходившая в рамках сибирского «плавильного котла», привела к образованию субэтноса великорусского этноса – сибиряков. Это была действительно субэтническая, а не чисто географическая группа – со своим специфическим набором ментальных, социальных, материально-бытовых, языковых и культурных характеристик. Абсолютно большая часть сибиряков являлась крестьянами (см.: Курилов, 2002). Таковых насчитывалось до 2 млн человек, что составляло около 80 % от общего числа жителей региона (Мамсик, 2009, с. 204).

Консолидации субэтноса способствовало ограничение аграрного переселения в Сибирь. Тем не менее, механический приток продолжался. Основную его часть составляли самовольные переселенцы. Большинство из них устраивалось в старожильческих селах. В 1861–1885 г. на территорию Сибири пришло около 300 тыс. человек. Продолжалась ссылка. Но большую часть увеличения численности населения в пореформенный период давал естественный прирост (Мамсик & Ноздрин, 2009, с. 106; Ноздрин, 2009, с. 2005). В 1897 г. сельское население региона составляло 5,3 млн человек. Доля крестьян-старожилов и казаков в общей численности крестьянского населения (без учета аборигенных этносов) составляла 61 % (Горюшкин, 1976, с. 144).

Аграрный строй Сибири имел качественные отличия от аграрных отношений в европейской части страны. В регионе отсутствовали крепостное право, помещичье землевладение. На ранних стадиях российской аграрной колонизации в Сибири в рамках верховной юрисдикции на землю фактически существовало два вида частного землевладения – индивидуальное и корпоративное. Субъектами первого выступали русские земледельцы, в том числе крестьяне, получавшие у представителей власти «данные» на землю, субъектами второго – монастыри. Оба типа землевладельцев совершали с объектом владения (землей) сделки любого характера, утверждаемые властями. Монастырское землевладение ликвидировали в 1764 г. в ходе секуляризации. С середины 1760-х гг. государство прекратило закрепление земли в частное землевладение для податных сословий, а затем постепенно изъяло владельческие документы. Место частного землевладения с 1780-х гг. заняло крестьянское, опосредованное коллективно-общинным землевладением волостных и сельских обществ (Мамсик, Ноздрин & Ильиных, 2009а, с. 590).

Крестьянское землепользование в регионе по форме имело индивидуально-подворный характер, по способу присвоения было вольно-захватным. Право на земельные угодья определялось фактом первичного захвата.

Крестьянин владел захваченным участком до тех пор, пока его обрабатывал. После прекращения обработки участок мог занять любой желающий. Несмотря на наличие общины, землю крестьяне использовали по своему усмотрению. Характерных для европейской части России принудительных севооборотов и чересполосицы в Сибири не было. Вольно-захватному землепользованию соответствовала преобладающая в регионе система земледелия – залежная.

При залежной системе истощившая свои ресурсы пашня оставлялась на длительный срок без обработки («в залежь») для восстановления плодородия естественным путем, а крестьянин осваивал новый целинный участок. Залежь во время отдыха превращалась в пастбище, сенокосы. Минимальное время восстановления плодородия составляло 15 лет, оптимальное – до 25 лет. После этого прежний владелец земли, забросив новую пашню под залежь, мог возвращаться на прежний участок. Его семья, разрастаясь, выделяла новых колонистов, удалявшихся от материнского хозяйства на неосвоенные территории (Мамсик, Ноздрин & Ильиных, 2009б, с. 592). Залежная система не исключала природных катаклизмов. Примерно один раз в 10 лет засухи в регионе приводили к катастрофическим недородам. Однако накопленные в благоприятные годы страховые запасы зерна предотвращали голод и не влекли за собой существенного сокращения площади посева.

В результате применения залежной системы земледелия аграрное население региона находилось в состоянии неполной аграрной оседлости. Во второй половине XIX в. основным направлением движения крестьянского земледелия стало перемещение из уже освоенных подтаежных районов на юг, на плодородные земли Алтая и Минусинской котловины. Это продвижение, сопровождавшееся основанием все новых и новых деревень, можно определить как аграрный фронтир.

Вовлечение в сельхозоборот более плодородных земель способствовало ускоренному наращиванию аграрного потенциала региона. Посевные площади и среднегодовые валовые сборы хлебов от десятилетия к десятилетию увеличивались. В 1860-е гг. в Сибири собрали 10 843 тыс. четвертей зерна, в 1890-е гг. – 21 255 тыс. четвертей. За 40 пореформенных лет поголовье скота в регионе почти удвоилось. В 1890-х гг. Сибирь вошла в число наиболее развитых земледельческих районов России (Ильиных, Мамсик & Ноздрин, 2009а, с. 48).

Особенности Сибири на стадии постфронтира, в том числе в аграрных отношениях, в значительной степени определялись логистической оторванностью от основной территории России. Это способствовало накоплению и консервации специфических черт. Отметим, что на постфронтирных территориях с низкой степенью логистической связанности с хартлендом, как правило, возникает стремление к созданию автономного образования или даже независимости. В Сибири представителями движения за автономию региона являлись областники. В то же время в регионе отсутствовала соци-

Siberian and Far Eastern Frontiers | https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.365

альная основа для сепаратизма сформировавшегося субэтноса – крупные землевладельцы (креольская знать).

Отметим, что планы создания в Сибири частного землевладения, в том числе крестьянского, разрабатывались. В начале 1870-х гг. при Министерстве государственных имуществ создали комиссию М.Н. Медема, на которой рассматривался вопрос о реформирования землепользования сибирских крестьян. Было сделано предложение об их переводе в разряд собственников и закреплении за ними больших наделов (21–30 дес.) с включением лесных участков (Худяков, 1986, с. 80–86). Реализация данного предложения могла превратить сибирских крестьян в полноценных фермеров. Это также способствовало бы закреплению основ существования субэтноса сибиряков. Однако в условиях начавшихся контрреформ от подобных предложений отказались. Выбор сделали в пользу укрепления общины и мелкотоварного (крестьянского) уклада.

Итогом аграрных преобразований конца 1890-х гг. стало укрепление общины. Вольно-захватное землепользование эволюционировало в подворнообщинное. Община стала более активно вмешиваться в регулирование земельных отношений. Все большее распространение получало уравнительнопередельное землепользование. Как правило, объектами ежегодных переделов были сенокосы. Но на западе Сибири (в Зауралье) земли уже не хватало, там делили и пахотные земли. В ряде районов Зауралья залежная система земледелия, ее разновидность паро-залежная сменились безнадежно к тому времени устаревшим трехпольем, которое стало символом аграрного кризиса в европейской части России. Трехполье не обеспечивало достаточный уровень восстановления плодородия почвы. Урожаи в благоприятные годы сокращались, а недород мог привести к голоду. Приснопамятный «Царь голод» 1891-1892 гг. также затронул степные округа Тобольской губернии. Подобная ситуация стала своеобразным символом начавшейся хартлендизации Зауралья.

Постфронтир в начале XX в. Дрейф к хартленду

В пореформенный период, как отмечалось выше, Царское правительство сдерживало аграрное переселение в Сибирь. Однако подобная политика вступали в противоречие с геополитическими и экономическими интересами государства. В связи с этим в 1890-е гг. власти переходят от принципа сдерживания переселений к их поощрению. Фактическое открытие массового сельскохозяйственного переселения в Сибирь произошло в связи с необходимостью заполнения полосы вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали.

Транссиб в значительной степени покончил с логистической оторванностью региона, соединил сибирский рынок с рынком европейской части

страны, позволил наладить крупномасштабный экспорт сельхозпродукции и тем самым раскрыл России и миру аграрный потенциал Сибири. Увеличились размеры аграрного переселения. В 1896–1905 гг. в Сибирь проследовало 1 130 тыс. переселенцев, включая ходоков. Положительное сальдо данного типа миграционного движения за указанные годы составило 810 тыс. человек (Итоги, 1910, с. 48–51, 54–59).

Крестьяне-старожилы и переселенцы стали быстрыми темпами наращивать товарное производство, расширяя свое хозяйство. Наиболее динамично развивающейся отраслью аграрной экономики Сибири было промышленное маслоделие. Базой его возникновения стали богатые пастбищные угодья и переход на машинный способ выработки животного масла. По производству данного вида продукции регион за короткий срок намного обогнал все старые маслодельческие центры страны: Северный, Северо-Западный, Южный, Юго-Западный и др. Большая часть произведенного на местных заводах масла предназначалась для вывоза за пределы России (Крестьянство, 1983, с. 195). Зерновое хозяйство в крае развивалось не столь быстро. Темпы его роста сдерпервоначально малой пропускной способностью живались (для вывоза объемов зернопродуктов, в стоимостном выражении равного вывозу более компактного для перевозки животного масла, требовалась более мощная магистраль).

Массовое переселение крестьян из европейской России на восток страны стало составной частью столыпинской аграрной реформы. В 1906-1914 гг. положительное сальдо аграрной миграции в регион составило 2 млн 139 тыс. человек, а всего за 1896-1914 г. - почти 3 млн человек (Итоги, 1910, с. 48-51, 54-59; Итоги, 1916, с. 48, 50, 54, 56). Половина переселенцев водворилась на территории Томской губернии (1 082 тыс. человек). В пределах губернии переселенцев привлекали, в первую очередь, плодородные земли Алтая. На территории Алтайского округа поселилось более трети от их общего количества. Акмолинская область за те же годы приняла $^{1}/_{5}$ часть переселенческого потока (431 тыс. крестьян). В Енисейскую губернию переселилось $^{1}/_{10}$ мигрантов (248 тыс. чел.). Основным местом водворения переселенцев в губернии стали степи Минусинской котловины (Проекты, 2015, с. 102). Приведенные выше данные характеризуют только переселение из европейской части России. Помимо него продолжалась внутрирегиональная организованная и неорганизованная аграрная миграция. При этом крестьяне, организованно переселяющиеся с территории Тобольской губернии на Алтай, обладали всеми правами столыпинских переселенцев.

С 1897 по 1914 г. сельское население Сибири выросло с 5,3 млн до 9,2 млн человек. Около $^2/_3$ прироста обеспечили крестьяне-переселенцы. Число крестьянских хозяйств в Сибири выросло с 820 тыс. в 1897 г. до 1 400 тыс. в 1917 г. (Горюшкин, 1976, с. 76) В Томской губернии количество хозяйств, по нашим подсчетам, увеличилось в 2 раза.

Инициированное П.А. Столыпиным массовое крестьянское переселение еще больше ускорило развитие сельского хозяйства Сибири. С 1905 по 1914 г. посевные площади в регионе в целом увеличились в 2 раза, в Томской губернии – в 2,6, в Акмолинской области – в 4,1 раза. Опережающими темпами росло производство зерновых, прежде всего пшеницы. Наращивался потенциал животноводства. В Томской губернии в 1914 г. лошадей было в 1,8 раза, крупного рогатого скота – в 1,6, овец – в 1,7, свиней – в 3,3 раза больше, чем в 1905 г. (Горюшкин, 1967, с. 373–376, 381). Продолжалось интенсивное развитие маслоделия. В начале 1910-х гг. регион поставлял более ¹/₆ мирового и ⁹/₁₀ российского экспорта животного масла. П.А. Столыпин в 1910 г. заявил:

«Вывоз сибирского масла имеет не только местное значение. Весь наш экспорт масла на внешние рынки целиком основан на росте сибирского маслоделия <...>. Сибирское маслоделие дает золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность» (Рынков & Ильиных, 2013, с. 158).

Массовое аграрное переселение, обеспечив бурный рост сельскохозяйственного производства, имело и ряд негативных последствий. Его социальным итогом стало укрепление мелкотоварного крестьянского хозяйства. Нарастающее земельное утеснение приводило к перманентному сокращению сроков оставления земли в залежь. В результате почвы не успевали в полной мере восстановить свое плодородие, что вело к снижению урожайности. Это повышало риск голода после катастрофических недородов.

Неоднозначными были и этносоциальные последствия. В Сибирь переселялись не только жители губерний, составляющих хартленд, но и представители разных субэтносов, и даже этносов. Каждая группа переселенцев обладала своим набором традиций, специфическими чертами менталитета. В качестве примера можно привести с. Половинное (ныне Краснозерского района Новосибирской области), в котором родился автор данной статьи. Село находится на юге Новосибирской области, но фактически – на севере Алтая. Улицы села после столыпинского переселения имели следующие названия: Сибирская, Тобольская, Воронежская, Черниговская, Херсонская. На Сибирской улице жили старожилы этих мест, на остальных – переселенцы из одночменных губерний, в том числе двух украинских, Черниговской и Херсонской. На улице Тобольской тоже жили переселенцы. При этом жители улицы Сибирской в не столь отдаленном прошлом также переселились в данную местность с более северных территорий нынешней Новосибирской области, в ходе упомянутого выше аграрного фронтира.

Многие переселенческие поселки вообще не имели старожильческого населения. Примером может послужить образованный в 1911 г. переселенческий поселок Александровский (ныне пос. Александровка Завьяловского района Алтайского края). Самое большое количество вселившихся в него семейных дворохозяйств дали украинские губернии. 34 из их общего количества прибыло из Черниговской, 33 – из Харьковской, 17 – из Полтавской,

13 – из Екатеринославской, 4 – из Таврической губерний. Из русских губерний наибольшее количество переселенцев пришло из Курской (19 дворов), Тамбовской (16 дворов) и Воронежской (13 дворов). Из Саратовской губернии переселилось четыре семьи, из Орловской и Тобольской – по одной. Пять семей белорусов прибыло из Минской и Могилевской губерний (Ильиных & Ноздрин, 1995, с. 204).

Создать новую деревню или вселиться в старую могли не только русские, украинцы и белорусы, но и более инонациональные и иноконфессиональные группы. Так, в с. Краснопольском Минусинского уезда совместно проживали немцы, поляки, белорусы, украинцы и мордва (Белковец, 1995, с. 23).

В итоге интенсивных миграционных процессов переселенцы стали преобладающей частью крестьянского населения региона. Их доля в общей численности сельского населения (без учета представителей аборигенных этносов) в 1914 г. составляла 60 % (Горюшкин, 1976, с. 144).

Абсорбция численно превосходящей группы была невозможной. Произошла полисубэтнизация и полиэтнизация Сибири, а сибиряки-старожилы оказались в меньшинстве. Затем сибирская деревня второй раз в своей истории стала функционировать как «плавильный котел». Происходило смешение субэтносов и этносов. При этом сибиряки-старожилы начали терять свою субэтническую специфику. Базовой тенденцией этносоциальных процессов явилась десубэтнизация, постепенное превращение множества субэтнических общностей в единую. Одним из механизмов данного процесса стали межгрупповые браки. Так, родителями отца автора данной статьи являются переселившиеся в вышеупомянутое с. Половинное родившийся в Тобольской губернии сибиряк-старожил Ильиных Федор Герасимович и уроженка Черниговской губернии – украинка Соловий Ирина Петровна.

На большей территории Восточной Сибири и в таежной зоне Западной Сибири эти процессы были менее интенсивными. И сибиряки-старожилы как субэтнос там сохранялись дольше, чем в основной сельскохозяйственной зоне западной части региона.

Политические катаклизмы рубежа 1910–1920-х гг. в большинстве регионов европейской части страны привели к ликвидации там помещичьих и крупных предпринимательских хозяйств, к трансформации аграрного строя. В Сибири качественных изменений производственных отношений в аграрной сфере не произошло. Организационно-производственной основой сельского хозяйства региона в 1920-е гг. оставалось включенное в общину крестьянское хозяйство. Однако применявшийся большевистским режимом по отношению к зажиточным слоям деревни экономический и политический прессинг привел к нивелировке деревни на более низком, чем до революции, имущественном уровне. Аграрный строй в Сибири фактически перестал отличаться от такового в европейской части страны. Более мелкое, чем до революции, крестьянское хозяйство стало менее товарным. Достигнутый в 1926–1927 гг.

максимальный объем товарного производства животного масла в Сибири составлял 62 % от уровня 1913 г. При этом коров в регионе в 1926 г. было больше, чем в 1913 г. (Проекты, 2015, с. 25).

В ходе форсированной коллективизации произошла дальнейшая унификация аграрного строя в различных регионах России. Аграрные отношения в них потеряли качественные различия и стали функционировать в рамках единой модели. С этого времени окончательно потеряли свою качественную специфику и аграрные отношения в Сибири в целом. Остались только количественные особенности.

В 1920 – начале 1930-х гг. продолжался процесс десубэтнизаиции региона. В начале 1920-х гг. в Сибирь хлынул поток голодобеженцев из Поволжья. Во второй половине десятилетия продолжалось, хотя и менее интенсивное, чем до революции, организованное аграрное переселение. Коллективизация нанесла оставшимся в сибирской деревне сибирякам-старожилам нокаутирующий удар. Они, как правило, были зажиточными и либо бежали из деревни накануне коллективизации, либо оказались раскулаченными. Процесс десубэтнизации Сибири и вхождения значительной ее части в хартленд, на наш взгляд, завершился к началу 1940-х гг.

Заключение

Одной из характеристик сибирского постфронтира являлось формирование на его территории субэтноса великорусского этноса – сибиряков-старожилов. Аграрный строй Сибири на данной стадии развития также имел качественные особенности. Специфика региона определялась логистической оторванностью от основной территории России. Транссибирская магистраль покончила с этим и позволила начать массовое аграрное переселение. Одним из его следствий стал запуск процесса десубэтнизации. Он завершился в советский период. Этносоциальным итогом коллективизации, индустриализации, урбанизации, культурной революции стало превращение сибиряков из субэтноса русского народа в его географическую группу. Качественные отличия потерял аграрный строй региона. В итоге Западная и значительная часть Восточной Сибири окончательно вошли в российский хартленд. При этом ряд специфических ментальных черт сибиряков приобрели фантомный характер. Сохранились также остаточные элементы сибирского диалекта.

Список литературы

- Агеев, А. Д. (2005). Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Аспект Пресс.
- Белковец, Л. П. (1995). «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири: конец 1920-x-1930-e годы. Международный союз немецкой культуры.
- Горюшкин, Л. М. (1967). Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX начало XX). Наука, сибирское отделение.
- Горюшкин, Л. М. (1976). Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Наука, сибирское отделение.
- Ильиных, В. А., Мамсик, Т. С. & Ноздрин, Г. А. (2009). Сельское хозяйство. В Историческая энциклопедия Сибири: Т. III (сс. 47–49). Историческое наследие.
- Ильиных, В. А. & Ноздрин, Г. А. (1995). Очерки истории сибирской деревни. Экор.
- Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (1910). Издательство Переселенческого управление.
- Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (1916). Издательство Переселенческого управление.
- Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. (1983). Наука, сибирское отделение.
- Курилов, В. Н. (2002). Русский субэтнос в Западной Сибири в середине XIX в.: Расселение и топонимия [Автореферат диссертации кандидата исторических наук]. Новосибирск.
- Мамсик, Т. С. (2009). Крестьянство в XVII первой половине XIX в. В Историческая энциклопедия Сибири: Т. II (сс. 202–205). Историческое наследие.
- Мамсик, Т. С. & Ноздрин, Г. А. (2009). Колонизация аграрная Сибири в XVII начале XX в. В Историческая энциклопедия Сибири: Т. II (сс. 105–106). Историческое наследие.
- Мамсик, Т. С., Ноздрин, Г. А. & Ильиных, В. А. (2009а). Землевладение. В Историческая энциклопедия Сибири: Т. I (сс. 590–591). Историческое наследие.
- Мамсик, Т. С., Ноздрин, Г. А. & Ильиных, В. А. (2009b). Земледелия системы. В Историческая энциклопедия Сибири: Т. I (сс. 592-593). Историческое наследие.
- Мизис, Ю. А. (2018). Центральное Черноземье как феномен фронтира в XVI начале XVIII века (социально-психологический компонент). В Мавродинские чтения 2018. Материалы Всероссийской научн. конф., посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина (сс. 418–421). Нестор-История.
- Мизис, Ю. А., Скобелкин, О. В. & Папков, А. И. (2015). Теория фронтира и юг России в XVI первой половине XVIII в. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 10, 7–15. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15
- Ноздрин, Г. А. (2009). Крестьянство во второй половине XIX начале XX в. В Историческая энциклопедия Сибири: Т. II (сс. 205–206). Историческое наследие.
- Побережников, И. В. (2009а). Походы московских воевод в Северной Зауралье в XV–XVI вв. В Историческая энциклопедия Сибири: Т. II (сс. 664–666). Историческое наследие.
- Побережников, И. В. (2009b). Походы новгородцев в Северное Зауралье в XII–XV вв. В Историческая энциклопедия Сибири: Т. II (с. 666). Историческое наследие.

- Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: Выбор путей и методов модернизации. (2015). Сибпринт.
- Резун, Д. Я. (2000). Быть тут острогу и слободе. Родина, 5, 76-78.
- Резун, Д. Я., Ламин, В. А., Мамсик, Т. С. & Шиловский, М. В. (2001). Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв: Общее и особенное. Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук.
- Резун, Д. Я. & Шиловский, М. В. (2005). Сибирь конец XVI начало XX века фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. SOVA.
- Романова, А. П. & Якушенков, С. Н. (2012). Фронтирная теория: Новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на юге России. Инноватика и экспертиза: научные труды, 2, 74–80.
- Романова, А. П., Якушенков, С. Н., Хлыщева, Е. В., Васильев, Д. В., Якушенкова, Ок. С., Якушенкова, Ол. С., Кусмидинова, М. Х. & Топчиев, М. С. (2014). Нижневолжский фронтир: Культурная память и культурное наследие: Учебное пособие. Сорокин Роман Васильевич.
- Рынков, В. М. & Ильиных, В.А. (2013). Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Институт истории СО РАН.
- Хромых, А. С. (2012). Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI первая четверть XVII века). Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
- Худяков, В. Н. (1986). Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Издательство Томского университета.
- Чикалова, И. Р. (2018). Концепты «фронтир» «граница» «пограничье» в исследовательском арсенале ученых-гуманитариев. В Метадалогія даследвання гісторыі Беларусі: Праблемы, дасягненні, перспектывы (сс. 171–180). Беларуская навука.
- Якушенков, С. Н. & Якушенкова, О. С. (2010). Американский фронтир и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге. Каспийский регион: политика, экономика, культура. (1, 109–115.
- Якушенков, С. Н. & Якушенкова, О. С. (2013). Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирных территорий. Человек. Сообщество. Управление, 2, 4–15.
- Якушенкова, О. С. & Якушенков, С. Н. (2015). Трансформация образа Чужого в условиях постфронтирной культурной парадигмы. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Секция «история», 114, 326–337.

References

- Ageev, A. D. (2005). Siberia and the American West: The Frontier Movement. Aspect-Press. (In Russian).
- Belkovets, L. P. (1995). "The Great Terror" and the Fate of the German Village in Siberia: The End of the 1920s to the 1930s. International Union of German Culture. (In Russian).
- Chikalova, I. R. (2018). Concepts "frontier" "border" "borderland" in the research arsenal of humanities scholars. In Metadalogija dasledvannja gistoryi Belarusi: Prablemy, dasjagnenni, perspektyvy (pp. 171–180). Belaruskaja navuka. (In Russian).

- Goryushkin, L. M. (1967). The Siberian peasantry at the turn of two centuries (late 19th early 20th). Nauka, Siberian Branch. (In Russian).
- Goryushkin, L. M. (1976). Agrarian relations in Siberia during the period of imperialism (1900–1917). Nauka, Siberian Branch. (In Russian).
- Ilyinykh, V. A., Mamsik, T. S. & Nozdrin, G. A. (2009). Agriculture. In The Historical Encyclopedia of Siberia: Vol. III (pp. 47–49). Historical Heritage. (In Russian).
- Ilyinykh, V. A., & Nozdrin, G. A. (1995). Essays on the History of the Siberian Village. Ekor. (In Russian).
- Khromykh, A. S. (2012). The Siberian Frontier. The Meeting of Civilizations from the Urals to the Yenisei (last third of the 16th century to the first quarter of the 17th century). Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafyev. (In Russian).
- Khudyakov, V. N. (1986). Czarist Agrarian Policy in Siberia in the Post-Reform Period. Tomsk University Press. (In Russian).
- Kurilov, V. N. (2002). Russian Subethnos in Western Siberia in the Mid-19th Century: Settlement and Toponymy [PhD thesis]. Novosibirsk. (In Russian).
- Mamsik, T. S. (2009). Peasantry in the 17th first half of the 19th century. In The Historical Encyclopedia of Siberia: Volume II. (cc. 202–205). Historical Heritage. (In Russian).
- Mamsik, T. S., & Nozdrin, G. A. (2009). Colonization of Agrarian Siberia in the Seventeenth and Early Twentieth Centuries. In *The Historical Encyclopedia of Siberia*: Vol. II (pp. 105–106). Historical Heritage. (In Russian).
- Mamsik, T. S., Nozdrin, G. A., & Ilinykh, V. A. (2009a). Land tenure. In *The Historical Encyclopedia of Siberia*: Vol. I (pp. 590–591). Historical Heritage. (In Russian).
- Mamsik, T. S., Nozdrin, G. A., & Ilinykh, V. A. (2009b). Farming systems. In The Historical Encyclopedia of Siberia: Vol. I (pp. 592–593). Historical Heritage. (In Russian).
- Misis, Y. A. (2018). Central Black Earth as a frontier phenomenon in the 16th early 18th century (socio-psychological component). In *Mavrodin Readings* 2018. *Materials of the All-Russian Scientific Conf. dedicated to the 110th anniversary of the birth of Professor Vladimir Vasilievich Mavrodin* (pp. 418–421). Nestor-Istoriya. (In Russian).
- Misis, Y. A., Skobelkin, O. V., & Papkov, A. I. (2015). The Frontier Theory and the South of Russia in the 16th and the First Half of the 18th Century. Vestnik of Tambov University. Series: Humanities, 10, 7–15. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15 (In Russian).
- Nozdrin, G. A. (2009). The Peasantry in the Second Half of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century. In *The Historical Encyclopedia of Siberia*: Vol. II (pp. 205–206). Historical Heritage. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2009a). The campaigns of the Moscow Voivodes in the Northern Trans-Urals in the 15th-16th centuries. In *The Historical Encyclopedia of Siberia*: Vol. II (pp. 664–666). Historical Heritage. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2009b). The Novgorodian Expeditions to the Northern Trans-Ural Region in the 12th-15th centuries. In *The Historical Encyclopedia of Siberia*: Vol. II (p. 666). Historical Heritage. (In Russian).
- Projects for the Transformation of Siberia's Agrarian System in the Twentieth Century: The Choice of Ways and Methods of Modernization. (2015). Sibprint. (In Russian).

- Rezun, D. Y. & Shilovsky, M. V. (2005). Siberia late 16th early 20th century frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes. SOVA. (In Russian).
- Rezun, D. Y., Lamin, V. A., Mamsik, T. S. & Shilovsky, M. V. (2001). The Frontier in the History of Siberia and North America in the 17th–20th Centuries: Common and Specific. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Rezun, D.Y. (2000). To be an ostrog and sloboda here. Rodina, 5, 76–78. (In Russian).
- Romanova, A. P., & Yakushenkov, S. N. (2012). Frontier Theory: A New Approach to Understanding the Socio-Political and Economic Situation in Southern Russia. *Innovation and Expertise:* Scientific Works, 2, 74–80. (In Russian).
- Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., Khlyshcheva, E. V., Vasiliev, D. V., Yakushenkova, Ok. S., Yakushenkova, Ol. S., Kusmidinova, M. Kh., & Topchiev, M. S. (2014). The Lower Volga Frontier: Cultural Memory and Cultural Heritage: Textbook. Sorokin Roman Vasil'evich. (In Russian).
- Rynkov, V. M. & Ilinykh, V. A. (2013). A Decade of Turmoil: Siberian Agriculture in 1914-1924. Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- The Peasantry of Siberia in the Age of Capitalism. (1983). Nauka, Siberian Branch. (In Russian).
- The results of the resettlement movement from 1896 to 1909. (1910). The Resettlement Department Publishers. (In Russian).
- The results of the resettlement movement from 1910 to 1914. (1916). The Resettlement Department Publishers. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2010). The American Frontier and Russian Counterparts in the Volga Region and the Lower Volga Region. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture.* (1, 109–115. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. & Yakushenkova, O. S. (2013). Resource abundance as a feature of frontier territories. *Man. Community. Management*, 2, 4–15. (In Russian).
- Yakushenkova, O. S. & Yakushenkov, S. N. (2015). The Transformation of the Alien Image in a Post-Frontier Cultural Paradigm. Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. Section "History", 114, 326–337. (In Russian).

"From the Capital, Forever Donated by Him...": Endowments in the Merchant Environment of Siberia (the 19th – Early 20th Centuries)

Evgeniya V. Komleva

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, Russia. Email: feodal[at]history.nsc.ru

Received: 06 September 2021 | Revised: 15 May 2022 | Accepted: 26 June 2022

Abstract

The article is devoted to the problem which is insufficiently studied – the formation and spread of the practice of making endowments as a form of charitable donations based on the example of the activities carried out by Siberian merchants of the 19th - early 20th centuries. The purpose of the study is to provide a holistic overview of the activities of these merchants in the considered region. As a result of the study, about forty cases of the collective and individual endowments of Siberian merchants as well as their names and the size of their contributions have been identified based on the scientific and reference books, literature and archival sources. Moreover, the spheres, for which such donations were sent, have been analyzed. The connection between the development of the institute of endowments and the peculiarities of the credit and financial system of the region has been pinpointed. The results have also shown that the first endowments in the region appeared in the 1830s, but became more widely spread in the post-reform period. Most of such contributions were meant to support public education, the poor and medical institutions. Furthermore, one part of these target capitals was directed to support scientific research, orthodox churches and urban improvement. Special attention is paid to the history of creation and functioning of the Irkutsk orphanage house of E. M. Medvednikova. It is concluded that the practice of making endowments reflected the worldview of merchants and public moods. The article is intended both for historians as well as the widest circle of readers.

Keywords

Siberia; Merchants; Charity; Endowment; the Credit and Financial System; City Banks; the Orphanage House of E. Medvednikova; Public Education; Medicine; Poor Segments of Society; the Russian Orthodox Church; Urban Improvement

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

«С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX – начало XX века)

Комлева Евгения Владиславовна

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск, Россия. Email: feodal[at]history.nsc.ru

Рукопись получена: 06 сентября 2021 | Пересмотрена: 15 мая 2022 | Принята: 26 июня 2022

Аннотация

Статья посвящена малоисследованной проблеме - становлению и распространению практики учреждения целевых капиталов как формы благотворительных пожертвований на примере сибирского купечества XIX - начала XX в. Цель исследования - целостный обзор деятельности купечества рассматриваемого региона в данном направлении. На основе научно-справочных изданий, литературы, а также архивных источников выявлено около сорока случаев коллективных и индивидуальных эндаументов сибирских купцов, приведены фамилии донаторов и размеры их вкладов, проанализировано, на поддержку каких сфер направлялись такого рода пожертвования. Показана связь развития института эндаументов с особенностями кредитнофинансовой системы региона. Определено, что первые целевые капиталы на территории региона появились в 1830-е гг., а наиболее широкое распространение получили в пореформенный период. Большинство подобных вкладов было связано с помощью народному просвещению, медицинским учреждениям и малоимущим согражданам, помимо этого часть целевых капиталов направлялась на поддержку научных изысканий, православных храмов и благоустройство городов. Особое внимание уделено истории создания и функционирования Иркутского сиропитательного дома Е.М. Медведниковой. Сделан вывод, что практика внесения целевых капиталов отражала мировоззренческие установки купцов и общественные настроения. Статья рассчитана как на специалистов-историков, так и на самый широкий круг читателей.

Ключевые слова

Сибирь; купечество; благотворительность; целевой капитал; кредитно-финансовая система; городские банки; Сиропитательный дом Е.М. Медведниковой; народное просвещение; медицина; малоимущие слои населения; Русская православная церковь; благоустройство городов

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная</u>

Введение

Российское купечество оставило о себе добрую память, занимаясь благотворительной и просветительской деятельностью. Во многом за счет купеческих пожертвований развивались такие сферы, как медицина, народное образование, социальное обеспечение, благоустройство городов. Со становлением банковской системы к середине XIX в. постепенно все большее распространение приобретает использование процентных накоплений с внесенного в банк капитала на конкретные филантропические цели. Упоминание различных фактов, связанных с этим явлением, можно встретить в работах многих авторов, однако комплексный анализ возникновения и развития движения эндаументов пока не проводился. Между тем, бесспорно, что оно сыграло существенную роль в инкорпорации удаленных от центра и малонаселенных территорий в Российское государство. В данной статье мы рассмотрим, как складывалась подобная практика - на примере сибирского купечества, важного отряда предпринимателей дореволюционной России, занимавшего исключительное место в региональном сообществе. Представить общий обзор деятельности сибирских купцов на этой ниве позволяют материалы двухтомного «Энциклопедического словаря по истории купечества и коммерции Сибири», в котором содержится информация о нескольких тысячах людей, объявлявших капиталы и входивших в купеческие гильдии на территории Азиатской части России (Резун, 2012–2013), а также других справочных изданий по истории сибирского купечества. Уточнить и дополнить приведенные в них сведения возможно на основе научно-исследовательской литературы, опубликованных источников и архивных материалов.

О кредитно-финансовой системе региона

Возникновение целевых капиталов напрямую связано с наличием кредитно-финансовых учреждений, поэтому прежде всего необходимо кратко остановиться на истории становления банковской сети региона. Кредитование купцами друг друга на территории Сибири получило широкое распространение в середине XVIII в., о чем свидетельствуют многочисленные сохранившиеся в архивах документы. Например, среди бумаг основателя известной династии иркутских купцов Басниных Тимофея Максимовича находится датированная январем 1754 г. расписка о возврате занятых им денег, в которой говорится: «...принял я, Матвей Токмоков, у илимского посацково Тимофея Баснина по векселю по записке восем[ь] рублев два[д]цать копеек, оного векселя у меня, Токмокова, с собой нонече нету, и когда оной будет сюда... то отдам ему, Баснину, а других денег не спрашивать, никаких убытков и проторей не наводить...» (ОПИ ГИМ, 1754–1797, л. 37). В другом крупном рукописном собрании, сформированном в сибирской купеческой среде, отложился вексель на 50 руб., данный С.Ф. Ларионовым иркутским купцам Н.П. Мельни-

кову и П.Ф. Ларионову в 1790 г. (ГАКК, 1790, л. 1). Неоднократные упоминания о векселях можно встретить и в купеческой переписке. В 1797 г. Т.М. Баснин жаловался сыновьям: «Поруки все каются, что поручились, а мне от них житья нету. Мориловской услышал, и тот с векселем ко мне послал: неотменно дай ден[ь]ги 500 ру[б.]. Хочет вексель протестовать» (ОПИ ГИМ, 1754–1797, л. 31).

До появления первых сибирских банков потребовалось еще несколько десятилетий. Только в 1830–1840-е гг. стали учреждаться региональные Иркутского сиропитательного банковские организации: банк Е.М. Медведниковой и Сибирский банк Поповых в Томске. В 1860-е гг. в Сибири насчитывалось уже семь городских банков (кроме двух вышеуказанных, Енисейский, Канский, Курганский, Минусинский и Тюменский), четыре отделения Государственного банка (в Иркутске, Томске, Красноярске, Енисейске), в 1900 г. - 16 городских банков, 9 отделений Государственного банка, 4 филиала столичных акционерных банков, одно общество взаимного кредита, в 1914 г. – 17 городских банков, 10 отделений Государственного банка, 38 филиалов столичных акционерных обществ взаимного кредита, 9 обществ взаимного кредита (Рабинович, 1975, с. 259, 263; Ежегодник Министерства финансов, 1913, сс. 204-319). Развитие банков в регионе на примере Иркутской губернии детально рассмотрела Е.В. Плотникова, подчеркнув важную роль в этом процессе Государственного банка (Плотникова, 2021, с. 20).

Новые коммерческие структуры открыли двери для ранее отсутствовавших возможностей, связанных как с коммерческой сферой, так и с филантропией. Одной из них стало внесение на банковские счета целевых капиталов, на проценты с которых обеспечивалась поддержка тех или иных общественных потребностей. Всего удалось выявить около четырех десятков случаев индивидуального или коллективного участия сибирских купцов в формировании эндаументов. Самый ранний из них относится к 1830-м гг., самым поздний – к 1910-м. Наибольшую активность купцы проявили во второй половине XIX в., когда такие «вечные капиталы» направлялись на самые разнообразные нужды. Это интересное и малоисследованное до сих явление отражает и общественные веяния, и мировоззренческие позиции самих купцов, стремившихся не просто пожертвовать средства, но обеспечить финансирование проекта, в котором они приняли участие, на долгие годы вперед.

Целевые капиталы для поддержки народного просвещения

В подавляющем большинстве отмеченных случаев преследовалась цель помочь воспитанию, образованию сирот и детей из бедных семей. Вырастить сироту, обучить его какому-либо ремеслу, чтобы он смог впоследствии самостоятельно зарабатывать на жизнь, считалось делом богоугодным. Вдова красноярского купца Александра Ларионова Анфиса, прося у деверя денег

для обучения сына, в 1867 г. писала: «Милой тятенька, я надеюсь, что вы поможете дать воспитанье Егорушке, – знайте, что не строить храм, а устроить сироту – повер[ь]те, что вы сделаете великое дело, в том я уверена» (ГАКК, 1867, л. 4).

Покровительство отдельным лицам и целым образовательный учреждениям было широко распространенной практикой: купцы обучали на свой счет нуждавшихся детей, выступали в роли попечителей учебных заведений, жертвовали на их развитие крупные суммы. Именно с заботой о подрастающем поколении связывались чаяния на лучшую жизнь и более справедливое устройство всего общества – такие настроения были заложены еще ссыльными декабристами, оказавшими сильное влияние на умонастроения, в том числе решения многих сибирских купцов.

Характерно, что некоторые купцы на этом поприще проявляли чисто коммерческий подход, активно используя услуги кредитно-финансовых учреждений и направляя предлагавшиеся банками проценты с капитала на благотворительные цели. Так, ишимский купец Николай Максимович Черняковский в 1846 г. предоставил местному приходскому училищу банковский билет на 2 860 руб. серебром с тем, чтобы «процентами обеспечился навсегда нынешний каждогодний его взнос по 400 р. ас.» (Меньшиков, 2013, с. 395). Томский и макарьевский купец Александр Степанович Шушляев в 1859 г. выделил на устройство в Томске женской школы 5 759 руб. «с процентов, состоявших в долгу за компанией Горохова» (Башкатова & Кириллов, 2013, с. 434).

Можно найти немало примеров, когда благодаря эндаументам обеспечивалось долговременное существование, успешное развитие того или иного образовательного учреждения. Якутский купец Николай Иванович Чепалов в 1850-е гг. завещал 10 000 руб., с процентов от которых должен был обеспечиваться всем необходимым Якутский детский приют (Петров, 2013, с. 388). Енисейский купец Аверьян (Аверкий) Козьмич Матонин в 1882 г. пожертвовал городскому обществу 2 000 руб., «чтобы проценты с этого капитала шли в пособие бедным ученикам в городских школах» (Кытманов, 2016, с. 575). Открытое в Томске в 1883 г. ремесленное училище содержалось за счет целевого капитала в 35 000 руб., пожертвованного местным купцом Евграфом Ивановичем Королевым (Бойко, 2007, с. 410; Дмитриенко, 2014, с. 140). С 1884 г. постановлению Енисейской городской думы ежегодные проценты с пожертвованного купцом Матониным капитала в 2 000 руб. шли на снабжение теплой одеждой учащихся одного из местных образовательных заведений (Кытманов, 2026, с. 587). Примерно в те же годы иркутский купец Иван Егорович Семенов оставил по завещанию 18 425 руб. «для учреждения на проценты с этой суммы шести стипендий в иркутские Мариинский и Александровский приюты» (Гаврилова, 2013, с. 248). Томский купец Захарий Михайлович Цибульский с супругой в 1880-е гг. увеличили капитал, за счет

которого существовал местный Мариинский детский приют, до 130 000 руб. (Бойко, 2007, с. 407). Другой томский купец, Николай Львович Родионов, в 1900 г. выделил 20 000 руб. на устройство церковно-приходской школы и 30 000 руб. положил в банк для ее последующего содержания (Гаврилова, Зуева & Кириллов, 2013, с. 214). Читинский купец Эмануэль Георгиевич Труфанов в начале XX в. выступил с инициативой устроить на проценты с капитала приют для сирот (Жеребцов, 2013, с. 334). Иркутский купец Петр Родионович Кравец в 1910 г. пожертвовал 35 000 руб., за счет процентов с которых должно было финансироваться училище для слепых (Гаврилова & Зуева, 2012, с. 367). Тарский купец Михаил Федорович Пятков принял живое участие в обеспечении работы Дома призрения бедных, пожертвовав в конце XIX в. 15 000 руб., проценты от которых шли на «пособие воспитанникам при выходе из приюта и поддерживалось содержание ремесленных мастерских». В 1911 г. его вдова Елизавета Яковлевна (урожд. Немчинова) передала в Тарский общественный банк Я.А. Немчинова 5 000 руб., проценты с которых ежегодно поступали «на нужды сирот» (Жиров, Мамсик & Скубневский, 2013, c. 196).

Наиболее внушительную сумму на формирование эндаумента для учебных заведений выделили наследники иркутского купца Ивана Ивановича Базанова – Юлия Ивановна Базанова и Варвара Петровна Кельх (урожд. Базанова): в 1890-е гг. они внесли в банк 517 000 руб., на ежегодные проценты с которых, достигавших 23 000 руб., должен был содержаться иркутский Базановский воспитательный дом (Зуева, 2007, с. 131; Бочанова, Горюшкин, Ноздрин, 2000, с. 155).

Надо отметить, что в силу различных причин предложения о выделении целевого капитала не всегда принимались заинтересованной стороной. В «Кытмановской летописи» приводится случай, когда попечительный совет енисейской женской прогимназии отверг сделанное в 1876 г. предложение местного золотопромышленника Тарасова «учредить стипендию... в 300 рублей с тем, чтобы проценты с этого капитала выдавались мещанской девице по его назначению, а по смерти его мещанским старостой или членом управы». Совет посчитал это требование – о праве выбора стипендиатки самим Тарасовым – невыполнимым (Кытманов, 2016, с. 527).

Пожалуй, самым ярким и наиболее известным примером эндаумента в купеческой среде Сибири, предназначенного для поддержки народного просвещения и сформированного путем пожертвований многих лиц, был целевой капитал банка при знаменитом Сиропитательном доме Елизаветы Михайловны Медведниковой, который создали в 1836 г. в Иркутске по инициативе ее сыновей – иркутских купцов Ивана и Логина, выполнявших завещание рано ушедшей из жизни матери. Старший из них, Иван Логинович Медведников, как значилось в его формулярном списке за 1843 г., «1837 г. мая 13 дня поступил в службу старшего попечителя Иркутского Сиропитательного Дома и

учрежденного при оном Банка, которую и продолжал безотлучно лично сам по 1840 г.» (РГИА, 1843, л. 68 об.).

Сиропитательное заведение предназначалось для того, чтобы «доставить призрение и образование бедным детям женского пола как благородного звания, так и всех свободных состояний» (Высочайше утвержденный устав, 1845, с. 172). При этом существовать оно должно было за счет средств банка. В утвержденном в 1836 г. Положении об Иркутском сиропитательном доме говорилось: «При выдаче ссуды под залог билета кредитных установлений банк вычитает шесть процентов за год и затем в начале каждого года до истечения срока займу, получает от заемщика таковые же проценты; при выдаче ссуд под залог акций и вещей взимает также шесть процентов по расчету, установленному в ссудных казнах опекунских советов» (РГИА, 1841-1846, л. 8).

Среди тех, кто одним из первых откликнулся на это начинание, стал представитель известной иркутской купеческой династии Василий Николаевич Баснин. В 1837 г. он «вложил безвозмездно в Иркутский банк 6 000 руб. с тем, чтобы на проценты воспитывались сироты». В 1841–1844 гг. он был старшим попечителем, а потом и директором этого учебного заведения (Зуева & Жиров, 2012, с. 61). В 1852 г. на проценты «с капитала, навсегда им пожертвованного», содержались две из 89 воспитанниц (РГИА, 1852, л. 4). Тогда же с капитала советницы Аграфены Басниной и кяхтинского купца Ремянникова содержалось ещё по одной воспитаннице (РГИА, 1852, л. 5–5 об.).

В отчете о деятельности Сиропитательного дома и учрежденного при нем банка за 1840–1841 г. указывалось, что «частный банк имеет целию доставить промышленному классу Сибири возможность получать пособие для своих торговых оборотов, а на счет получаемых от того выгод содержать воспитательное заведение для 24^{\times} сирот женского пола свободных сословий» (РГИА, 1841, л. 26 об.). В 1852 г. «суммами заведения» содержалась уже 41 девочка, а капитал банка возрос до 92 259 руб. 42 ½ коп. (61 292 руб. 95 ¾ коп. – неприкосновенный, 30 966 руб. 46 ¾ коп. – запасной); деньги «имели безостановочный оборот» (РГИА, 1852, л. 4, 15 об., 19).

Надо сказать, что правление банка было ограничено в своих инициативах: соображения по поводу улучшения работы учреждения следовало предоставлять на имя императрицы, и после обсуждения в разных инстанциях и рассмотрения на заседании Государственного совета окончательное решение утверждалось самим главой государства. Например, в июне 1842 г. на общем собрании Государственного совета «по делу о расширении операции учета векселей в банке, учрежденном при Иркутском сиропитательном заведении Медведниковой», было решено: «...убеждаясь причинами, по коим Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице не благоугодно было изъявить согласие на допущение в операциях сего Банка учета векселей иногородних купцов, не имеющих в Иркутске ни оседлости, ни торговли и с своей стороны

мнением положил: ограничиться в настоящем случае одним разрешением Банку Медведниковой производить под учет векселей ссуды вместо прежнего размера 2 т. р. ас[сигнациями] до 2 т. р. серебром на одно лицо» (РГИА, 1841-1846, л. 29–29 об.).

Об успехе этого начинания, сочетавшего филантропические и коммерческие цели, свидетельствуют следующие цифры: за 40 лет капитал банка возрос с 15 000 до 10 867 213 руб., а само кредитно-финансовое учреждение «по количеству и разнообразию оборотов» заняло первое место среди всех сибирских банков (Зуева & Гаврилова, 2013, с. 37). Стоявший у его истоков Иван Логинович Медведников неоднократно удостаивался наград и знаков внимания со стороны высших лиц государства: в 1836 г. – золотой медали на Аннинской ленте с надписью «За полезное», в 1839–1842 гг. (ежегодно) – высочайшего благоволения императрицы «за благоприятные действия Совета по управлению заведением Сиропитательным и Банком», в 1840 г. – «соизволения... на личное его с женою представление к ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ в Четверток на Святой неделе в 18е число Апреля» (РГИА, 1843, л. 68 об., 69 об., 70 об., 71 об.).

Чуть позже пример, поданный иркутянами, был повторен в Томске, где в 1843 г. по инициативе семипалатинского купца Степана Попова, племянника и душеприказчика верхотурского купца Андрея Попова, оставившего значительную сумму на организацию учебного заведения для девочек, открылся Сибирский общественный банк «в пользу Мариинского Сибирского института для воспитания девиц». Согласно уставу банка, ежегодно 2 000 руб. должны были выделяться на содержание в Иркутском девичьем институте 20 пансионерок, а по мере роста внесенного Поповыми капитала (85 000 руб.) следовало открыть девичий институт на 40 учениц и в Томске (Бойко, 2007, с. 403). Впоследствии на средства банка содержались Томская Мариинская и Омская женские гимназии (Дмитриенко, Мамсик & Ноздрин, 2013, с. 179). Специалист по истории банковского дела в Сибири А.К. Кириллов справедливо отмечает двойственный характер создаваемых купцами банков: с одной стороны, благотворительные побуждения, стремление помочь согражданам, с другой - коммерческая направленность, поддержка нуждавшегося в кредитовании купеческого бизнеса (Кириллов, 2003, сс. 28-30). Действительно, благотворительность за счет эндаументов можно считать примером чисто купеческого подхода к делу: и пользу обществу принести, и внакладе не остаться.

В пореформенное время содержание учебных заведений за счет процентов с капитала городских банков стало широко распространенным явлением. В 1860-е гг. созданный в Енисейске по инициативе городского головы купца А.А. Грязнова в ознаменование спасения государя от покушения Д. Каракозова приют для призрения бедных детей содержался «из прибыли городского банка, пожертвований общества и частных лиц» (Кытманов, 2016, с. 438). В 1891 г. Енисейская женская гимназия финансировалась в том числе и

с процентов с капитала, составлявших ежегодно 475 руб. (6,5 % от всех средств учебного заведения, поступавших из разных источников) (2016, с. 655).

Другие сферы назначения эндаументов

Деятельность купцов в сфере народного образования и просвещения включала также покровительство учреждениям высшего образования, музеям, библиотекам, была тесно связана с финансированием различных научных обществ, отдельных ученых и экспедиций. Некоторые представители купечества стремились стимулировать интерес к прошлому и настоящему Сибири. Это выразилось, в частности, в учреждении ими эндаументов для награждения за лучшие научные сочинения о регионе. Так поступили иркутский купец Александр Михайлович Сибиряков и красноярский купец Лев Петрович Кузнецов, которые пожертвовали соответственно 10 и 24 тыс. руб. Томскому университету для премирования с набегавших процентов авторов трудов по истории, антропологии и социологии Сибири. Лауреатами этих премий, присуждавшихся с 1901 по 1918 г., стали двенадцать человек: двое получили премию А.М. Сибирякова (Н.Л. Оглоблин и Д.Н. Беликов) и десять – Л.П. Кузнецова (Дмитриенко, 1998, сс. 129–131; Гаврилова, 2017, с. 82; Зуева, 2007, с. 154).

Еще одним крупным направлением благотворительной деятельности сибирских купцов, в развитии которого отмечено большое число эндаументов, составляли пожертвования на бедных. Приверженность идеалам христианства, забота о спасении своей души через помощь ближнему обусловили широкое распространение среди купечества финансовой поддержки не только сирот, детей из бедных семей, но самых разных слоев неимущих и попавших в трудную жизненную ситуацию людей. Так, например, иркутский и кяхтинский купец Василий Федорович Елезов в составленном в 1848 г. духовном завещании выделил средства для внесения в банк Иркутского сиропитательного дома и сиротского суда для строительства за счет набегавших процентов каменной богадельни и проживания в ней престарелых и «не имеющих возможности к пропитанию» (Зуева, 2012, с. 210). В 1851 г. забайкальский купец А.М. Курбатов пожертвовал в пользу мещанского общества Верхнеудинска 100 акций «Большого каменного гостиного двора» для разнообразной помощи малоимущим горожанам (Паликова, Кальмина & Мишакова, 2007, с. 136). Тобольский и березовский купец Петр Федорович Плеханов в 1860-е гг. за счет процентов с капитала содержал богадельню (Башкатова, Копцева & Разгон, 2013, с. 162). Бийский купец Алексей Викулович Соколов в 1870-е гг. пожертвовал капитал на финансирование с его процентов основанной им больницы (Скубневский, Старцев & Гончаров, 1996, с. 89). Томские купцы Иван Степанович Вильянов и Константин Самсонович Виноградов в 1870–1880-е гг. положили в банк 8 000 руб., на проценты с которых в богадельне содержалось более полусотни человек (Дмитриенко &

Ноздрин, 2012, с. 125). Иркутский купец Александр Федорович Второв в начале ХХ в. завещал городу 25 000 руб. для выдачи с поступавших с него процентов пособий бедным (Зуев & Андрющенко, 2012, с. 141). Страдавший слепотой иркутский купец Петр Осипович Катышевцев в 1881 г. завещал внести в банк 3 000 руб. «до того времени, покуда не скопится капитал в 10 000 руб.», достаточных для строительства «приюта для бедных, одержимых темнотою зрения» (Гаврилова & Зуева, 2012, с. 305). Томский купец Всеволод Иванович Королев в конце XIX в. оставил по завещанию 5 000 руб. в пользу бедняков, которым ежегодно к Пасхе полагалось выплачивать набегавшие с этой суммы проценты (Разумов & Зуев, 2012, с. 356). Щедрый благотворитель пермский и иркутский купец Иван Иванович Базанов (младший) в 1883 г. включил в свое духовное завещание пункт об обращении в капитал 100 000 руб., для того чтобы проценты с них ежегодно шли в помощь беднякам (Шахеров, 2006, с. 142). Варвара Петровна Кельх (урожд. Базанова) в 1890-е гг. внесла 624 000 руб. «в счет будущего капитала иркутской Ивано-Матренинской детской больницы, на проценты с которого она должна была функционировать»; к 1905 г. капитал составлял уже 9 065 000 руб. (Гаврилова & Зимина, 2012, с. 308). Еще один иркутский купец - Иннокентий Михайлович Сибиряков в 1894 г. внес в банк 420 000 руб. для выдачи с процентов пособий получившим увечья приисковым рабочим и семьям, потерявшим на приисках кормильцев (Гаврилова, 2017, сс. 116-117). Датский подданный, занимавшийся предпринимательством в Омске, Серен Христианович Рандруп во время русско-японской войны выделял проценты с капитала в пользу потерявших кормильцев семей рабочих основанного им механического завода (Ваганов & Киселев, 2013, с. 200). К началу XX в. относятся случаи учреждения эндаументов для помощи бедным жителям Верхнеудинска: в 1911 г. Николай Николаевич Второв, исполняя волю покойного отца, выделил на эти цели 10 000 руб.; в 1907 г. Елизавета Ивановна Кукель (Голдобина) пожертвовала на содержание верхнеудинской богадельни имени Ивана Флегонтовича Голдобина 24 000 руб. «неприкосновенного капитала», в 1911 г. – 5 000 руб. «неприкосновенного капитала на ремонт здания» и в 1912 г. – еще 500 руб. на строительство пристройки; она же в 1912 г. дала 500 руб. на ежегодное устройство на проценты с них елки для детей одной из местных церковно-приходских школ (Паликова, Кальмина & Мишакова, 2007, cc. 136–137, 140).

Традиционные мировоззренческие ориентиры купечества, воспитывавшегося на религиозных ценностях, нашли отражение в практике пожертвований на нужды Русской православной церкви. Думая о спасении своей души, купцы делали щедрые взносы на возведение и украшение храмов, содержание причта, поддержку малоимущих, в том числе и используя целевые капиталы. Вот несколько таких примеров. Иркутский купец Петр Николаевич Лаврентьев передал по завещанию 1 000 рублей в банк при Сиропитательном доме Е. Медниковой для выдачи поступавших с него процентов «на нужды Кресто-

воздвиженской церкви, в ограде которой был похоронен» (Гаврилова, Зимина & Зуева, 2012, с. 421). «На проценты с положенного в банк капитала» содержал притч красноярского Христорождественского собора Сидор Григорьевич Шеголев (Гончаров, Кириллов & Комлева, 2013, с. 435).

Наконец, известны случаи, когда эндаументы предназначались для благоустройства городского пространства. Так, енисейский купец Аверьян (Аверкий) Козьмич Матонин в 1894 г. проценты с положенного в банк капитала предназначил употреблять «на общие городские расходы» (Шахматов, 2013, с. 30).

Выводы

Таким образом, практика учреждения целевых капиталов на филантропические цели в среде сибирского купечества берет начало во второй трети XIX в., а наиболее широкое распространение получает уже в пореформенный период, что во многом связано с особенностями становления и развития кредитно-банковской системы региона. Целевые капиталы на самые разнообразные нужды: образование и просвещение, научные исследования, бедных, больных, Православную церковь, благоустройство городов. Особенно много зафиксированных случаев относится к финансированию учебно-воспитательных заведений и больниц. Одним из первых и в то же время наиболее крупных и успешных начинаний, существовавших за счет банковского капитала, стал Сиропитательный дом Е.М. Медведниковой в Иркутске. Делавшиеся пожертвования отражали мировоззренческие позиции купцов, воспитывавшихся на христианских ценностях, а также общественные веяния. Реагируя на ситуацию, на возникавшие потребности государства и общества, купцы вкладывали средства в наиболее необходимые в конкретный момент сферы: в начале XX в. некоторые из них использовали целевой капитал для помощи согражданам в военное время. Целевые пожертвования сибирских купцов сыграли заметную роль в поддержке регионального социума, и каждый такой случай нуждается в более тщательном дальнейшем исследовании. Обращение к опыту прошлого, пропаганда некогда широко распространенной практики эндаументов может послужить хорошим стимулом для ее возрождения в наши дни, когда многие общественные и образовательные учреждения стремятся привлечь неравнодушных состоятельных людей к сотрудничеству (например, Фонд управления целевым капиталом создан при Томском государственном университете) и, как два столетия назад, объединить усилия государства и частного капитала для достижения благих целей.

Список литературы

- Башкатова, З. В. & Кириллов, В. В. (2013). Шушляевы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, с. 434). Академическое издательство «Гео».
- Башкатова, З. В., Копцева, Т. В. & Разгон, В. Н. (2013). Плехановы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, с. 162). Академическое издательство «Гео».
- Бойко, В. П. (2007). Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.: очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Издательство Томского университета.
- Бочанова, Г. А., Горюшкин, Л. М. & Ноздрин, Г. А. (2000). Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX начале XX в. Издательство СО РАН, филиал «Гео».
- Ваганов, А. С. & Киселев, А. Г. (2013). Рандруп Серен (Сергей) Христианович. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, сс. 200–201). Академическое издательство «Гео».
- Высочайше утвержденный устав Иркутского сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой и учрежденного при нем банка. (1845). В Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: Т. XX. Отделение второе. № 19 505 (сс. 172–187). Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- Гаврилова, Н. И. (2013). Семенов Иван Егорович. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, с. 248). Академическое издательство «Гео».
- Гаврилова, Н. И. (2017). Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. Оттиск.
- Гаврилова, Н. И., Бойко, В. П. & Дмитриенко, Н. М. (2012). Базановы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 1, сс. 39–41). Академическое издательство «Гео».
- Гаврилова, Н. И. & Зимина, В. Ю. (2012). Кельх Варвара Петровна. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 1, сс. 308–309). Академическое издательство «Гео».
- Гаврилова, Н. И., Зимина, В. Ю. & Зуева, Е. А. (2012). Лаврентьевы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 1, сс. 420–421). Академическое издательство «Гео».
- Гаврилова, Н. И. & Зуева, Е. А. (2012а). Катышевцевы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 1, сс. 304–306). Академическое издательство «Гео».
- Гаврилова, Н. И. & Зуева, Е. А. (2012b). Кравец Петр Родионович. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: (Т. 1, с. 367). Академическое издательство «Гео».
- Гаврилова, Н. И., Зуева, Е. А. & Кириллов, В. В. (2013). Родионовы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, сс. 214–215). Академическое издательство «Гео».

- Гончаров, Ю. М., Кириллов, В. В. & Комлева, Е. В. (2013). Щеголевы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, сс. 434–436). Академическое издательство «Гео».
- Государственный Архив Красноярского Края (ГАКР). (1790). Ф. 796. Оп. 1. Д. 4429.
- Государственный Архив Красноярского Края (ГАКР). (1867). Ф. 796. Оп. 1. Д. 4497.
- Дмитриенко, Н. М. (1998). Премии Императорского Томского университета за труды по истории, антропологии и социологии Сибири. В Э. И. Черняк (Ред.), Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории: сборник статей (сс. 129–131). Издательство Томского университета.
- Дмитриенко, Н. М. (2014). Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII начало XX в.). Издательство Томского университета.
- Дмитриенко, Н. М., Мамсик, Т. С. & Ноздрин, Г. А. (2013). Поповы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, сс. 179–180). Академическое издательство «Гео».
- Дмитриенко, Н. М. & Ноздрин, Г. А. (2012). Вильянов Иван Степанович. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 1, с. 125). Академическое издательство «Гео».
- Ежегодник Министерства финансов. (1913). Типография редакции периодических изданий Министерства финансов.
- Жеребцов, Г. А. (2013). Труфанов Эмануэль Георгиевич. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, сс. 333–334). Академическое издательство «Гео».
- Жиров, А. А., Мамсик, Т. С. & Скубневский, В. А. (2013). Пятковы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, сс. 195–196). Академическое издательство «Гео».
- Зуев, А. С. & Андрющенко, Б. К. (2012). Второвы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 1, сс. 141–142). Академическое издательство «Гео».
- Зуева, Е. А. (2007). Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII первой половины XIX в. Типография «Полиада про».
- Зуева, Е. А. (2012). Елезовы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 1, сс. 209–210). Академическое издательство «Гео».
- Зуева, Е. А. & Гаврилова, Н. И. (2013). Медведниковы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, с. 37). Академическое издательство «Гео».
- Зуева, Е. А. & Жиров, А. А. (2012). Баснины. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, сс. 60–61). Академическое издательство «Гео».
- Кириллов, А. К. (2003). Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX начало XX века). Офсет.
- Кытманов, А. И. & Бердников, Л. П. (Ред.). (2016). Краткая летопись Енисейского уезда и Туру-ханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Сибирский федеральный университет.

- Меньшиков, В. Н. (2013). Черняковский Николай Максимович. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, с. 395). Академическое издательство «Гео».
- Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). (1754). Φ . 469. Д. 1.
- Паликова, Т. В., Кальмина, Л. В. & Мишакова, О. Э. (2007). Купечество Верхнеудинск Улан-Удэ. Издательский дом «ЭКОС».
- Петров, П. П. (2013). Чепаловы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, с. 388). Академическое издательство «Гео».
- Плотникова, Е. В. (2021). Становление и развитие частных банков Иркутской губернии в первой половине XIX в. 1920 г. [Автореферат кандидата исторических наук]. Иркутский государственный университет.
- Рабинович, Г. Х. (1975). Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX начала XX вв. Издательство Томского государственного университета.
- Разумов, О. Н. & Зуев, А. С. (2012). Королевы. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 1, сс. 355–356). Академическое издательство «Гео».
- Резун, Д. Я. (Ред.). (2012). Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 томах: Т. 1: А–Л. Академическое издательство «Гео».
- Резун, Д. Я. (Ред.). (2013). Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 томах: Т. 2: М-Я. Академическое издательство «Гео».
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1841a). Ф. 759. Оп. 19. Д. 2939.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1841b). Ф. 759. On. 19. Д. 2940.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1843). Ф. 1349. Оп. 6. Д. 176.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1852). Ф. 759. Оп. 19. Д. 2983.
- Скубневский, В. А., Старцев, А. В. & Гончаров, Ю. М. (1996). Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: Энциклопедия. Демидовский фонд.
- Шахеров, В. П. (2006). Иркутск купеческий: История города в лицах и судъбах. Приамурские ведомости.
- Шахматов, А. В. (2013). Матонины. В Д. Я. Резун (Ред.), Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири (Т. 2, сс. 28–31). Академическое издательство «Гео».

References

- Bashkatova, Z. V. & Kirillov, V. V. (2013). The Shushlyaevs. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 2, p. 434). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Bashkatova, Z. V., Koptseva, T. V. & Razgon, V. N. (2013). The Plekhanovs. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 2, p. 162). Geo Academic Publishers. (In Russian).

- Bochanova, G. A., Goryushkin, L. M. & Nozdrin, G. A. (2000). Essays on the History of Charity in Siberia in the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries. Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Geo Branch. (In Russian).
- Boyko, V. P. (2007). Merchants of Western Siberia in the late 18th and 19th centuries: Essays on Social, Sectoral, Domestic, and Mental History. Tomsk University Press. (In Russian).
- Department of Written Sources of the State Historical Museum (DWS of SHM). (1754). F. 469. C. 1. (In Russian).
- Dmitrienko, N. M. (1998). The Imperial Tomsk University Prize for works on the history, anthropology, and sociology of Siberia. In E. I. Chernyak (Ed.), From the History of Siberia. To the 30th Anniversary of the Laboratory: Collection of Articles (pp. 129–131). Tomsk University Press. (In Russian).
- Dmitrienko, N. M. (2014). Tomsk Merchants: Biographical Dictionary (second half of the 18th century early 20th century). Издательство Томского университета. (In Russian).
- Dmitrienko, N. M. & Nozdrin, G. A. (2012). Viljanov Ivan Stepanovich. In D. Ya. Rezun (Ed.), *Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia* (Vol. 1, p. 125). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Dmitrienko, N. M., Mamsik, T. S. & Nozdrin, G. A. (2013). Popovs. In D. Ya. Rezun (Ed.), *Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia* (Vol. 2, pp. 179–180). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Gavrilova, N. I. (2013). Semenov Ivan Yegorovich. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 2, p. 248). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Gavrilova, N. I. (2017). The Sibiryakovs merchant family: pages of history. Ottisk. (In Russian).
- Gavrilova, N. I. & Zimina, V. Y. (2012). Kelch Varvara Petrovna. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 1, pp. 308–309). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Gavrilova, N. I. & Zueva, E. A. (2012a). The Katyshevtsevs. In D. Ya. Rezun (Ed.), *Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia* (Vol. 1, pp. 304–306). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Gavrilova, N. I. & Zueva, E. A. (2012b). Kravets Pyotr Rodionovich. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 1, c. 367). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Gavrilova, N. I., Boyko, V. P. & Dmitrienko, N. M. (2012). The Bazanovs. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 1, pp. 39–41). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Gavrilova, N. I., Zimina, V. Y. & Zueva, E. A. (2012). The Lavrentyevs. In D. Ya. Rezun (Ed.), *Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia* (Vol. 1, pp. 420–421). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Gavrilova, N. I., Zueva, E. A. & Kirillov, V. V. (2013). The Rodionovs. In D. Ya. Rezun (Ed.), *Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia* (Vol. 2, pp. 214–215). Geo Academic Publishers. (In Russian).

- Goncharov, Y. M., Kirillov, V. V. & Komleva, E. V. (2013). Schegolevs. In D. Ya. Rezun (Ed.), *Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia* (Vol. 2, pp. 434–436). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Kirillov, A. K. (2003). City banks in Western Siberia (second quarter of the 19th century and early 20th century). Offset. (In Russian).
- Krasnoyarsk Krai State Archives (KKSA). (1790). F. 796. In. 1. C. 4429. (In Russian).
- Krasnoyarsk Krai State Archives (KKSA). (1867). F. 796. In. 1. C. 4497. (In Russian).
- Kytmanov, A. I. & Berdnikov, L. P. (Eds.). (2016). A brief chronicle of the Yenisei Uyezd and the Turukhan Territory of the Yenisei Province. 1594–1893. Siberian Federal University. (In Russian).
- Menshikov, V. N. (2013). Chernyakovsky Nikolay Maksimovich. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 2, p. 395). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Palikova, T. V., Kalmina, L. V. & Mishakova, O. E. (2007). Merchants Verkhneudinsk Ulan-Ude. EKOS. (In Russian).
- Petrov, P. P. (2013). Chepalovs. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 2, p. 388). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Plotnikova, E. V. (2021). Formation and development of private banks in Irkutsk province in the first half of the 19th century 1920. [PhD Thesis]. Irkutsk State University. (In Russian).
- Rabinovich, G. H. (1975). The Big Bourgeoisie and Monopolistic Capital in the Economy of Siberia in the Late 19th and Early 20th Centuries. Tomsk State University Press. (In Russian).
- Razumov, O. N., & Zuev, A. S. (2012). Korolevy. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 1, pp. 355–356). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Rezun, D. Y. (Ed.). (2012). Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia: In 2 volumes: Vol. 1: A–L. Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Rezun, D. Y. (Ed.). (2013). Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia: In 2 volumes: Vol. 2: M-Ya. Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA) (1841b). F. 759. In. 19. C. 2940. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1841a). F. 759. In. 19. C. 2939. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1843). F. 1349. In. 6. C. 176. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1852). F. 759. In. 19. C. 2983. (In Russian).
- Shakherov, V. P. (2006). Merchant Irkutsk: The History of the City in Persons and Fates. Priamurskie Vedomosti. (In Russian).
- Shakhmatov, A. V. (2013). Matonins. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 2, pp. 28–31). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Skubnevsky, V. A., Startsev, A. V. & Goncharov, Y. M. (1996). Entrepreneurs of Altai. 1861–1917: Encyclopedia. Demidov Foundation. (In Russian).
- Vaganov, A. S. & Kiselev, A. G. (2013). Randrup Seren (Sergei) Khristianovich. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 2, pp. 200-201). Geo Academic Publishers. (In Russian).

- Vysochajshe utverzhdennyj ustav Irkutskogo siropitatel'nogo doma Elizavety Medvednikovoj i uchrezhdennogo pri nem banka. (1845). In *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Second Collection: Vol. XX. Section Two, No. 19 505 (pp. 172–187). Typography of Division II of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).
- Yearbook of the Ministry of Finance. (1913). Printing office of the periodicals of the Ministry of Finance. (In Russian).
- Zherebtsov, G. A. (2013). Trufanov Emanuel Georgievich. In D. Ya. Rezun (Ed.), *Encyclopedic Dictionary* of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 2, pp. 333–334). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Zhirov, A. A., Mamsik, T. S. & Skubnevsky, V. A. (2013). Pyatkovs. In D. Ya. Rezun (Ed.), *Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia* (Vol. 2, pp. 195–196). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Zuev, A. S. & Andriushchenko, B. K. (2012). Vtorovs. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 1, pp. 141–142). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Zueva, E. A. (2007). The Russian merchant family in Siberia in the late 18th century and the first half of the 19th century. Polyad Pro Printing House. (In Russian).
- Zueva, E. A. (2012). Yelezovs. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 1, pp. 209–210). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Zueva, E. A. & Gavrilova, N. I. (2013). Medvednikovs. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 2, p. 37). Geo Academic Publishers. (In Russian).
- Zueva, E. A. & Zhirov, A. A. (2012). Basniny. In D. Ya. Rezun (Ed.), Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia (Vol. 2, pp. 60–61). Geo Academic Publishers. (In Russian).

A Comparative Analysis of the Socio-Demographic Development of the Cities in Siberia and Amazonia in the second half of the 20th century

Ruslan V. Pavlyukevich¹ (a), Natalya V. Gonina (b) & Ekaterina V. Smirnova² (a)

- (a) Krasnoyarsk State Agrarian University. Krasnoyarsk, Russia
- (b) Institute of History, Siberian Branch of RAS. Novosibirsk, Russia. Email: nvg7[at]mail.ru Received: 1 March 2022 | Revised: 15 June 2022 | Accepted: 27 June 2022

Abstract

The article examines the prospects of using a comparative analysis in the study of the socio-demographic processes in the Northeastern regions of Brazil (Amazonia) and Siberia. The authors hypothesize that one of the optimal cases for comparison with Siberia is Amazonia. A comparative analysis suggests that the compared cases (a set of objects, phenomena and processes) should have a number of similar and distinctive features, while at the same time having tangible differences. Despite the seeming heterogeneity, Amazonia and Siberia have many similarities. Among the elements of similarity, the frontier position stands out in the first place. Both Siberia and Amazonia were the regions of European colonization. Throughout the 20th century, Siberia continued to be a relatively undeveloped territory, in fact, still being a frontier. Brazil's Amazon plays a similar role. Both regions have a similar economic profile and act as resource regions that are rich in timber, metals and other minerals as well as having similar energy profiles. The article highlights that the development in both regions peaked in the second half of the 20th century, and also discusses similar phenomena in the demographic processes in these regions. The findings have allowed the authors to formulate the main directions for further comparative analysis of the socio-demographic development of the large urban centers in Siberia and Amazonia.

Keywords

Comparative Analysis; Siberia; Amazonia; the USSR; Russia; Brazil; Frontier; Economic Development; Socio-Demographic Development; City

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

¹ Email: autocrator[at]yandex.ru

² Email: ekaterina_hist282[at]mail.ru

Возможности использования компаративного анализа в исследовании социально- демографического развития городов Сибири и Амазонии во 2-й половине XX в.

Павлюкевич Руслан Витальевич¹ (а), Гонина Наталья Владимировна (b), Смирнова Екатерина Владимировна² (a)

- (а) Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, Россия
- (b) Институт истории Сибирского отделения РАН. Новосибирск, Россия. Email: nvg7[at]mail.ru

Рукопись получена: 1 марта 2022 | Пересмотрена: 15 июня 2022 | Принята: 27 июня 2022

Аннотация

В статье рассматриваются перспективы и возможность компаративного анализа социальнодемографических процессов Северо-Восточных регионов Бразилии (Амазонии) и Сибири. Авторы выдвигают гипотезу, что одним из оптимальных кейсов для сравнения с Сибирью выступает именно Амазония. Компаративный анализ предполагает, что сравниваемые кейсы (совокупность объектов, явлений и процессов) должны обладать рядом ярко выраженных схожих, родственных черт, в то же время иметь ощутимые различия. Лишь в таком случае возможно выделение как общих закономерностей развития, так и ключевых отличий. Несмотря на кажущуюся разнородность, Амазония и Сибирь имеют множество родственных черт. Среди элементов сходства в первую очередь выделяется фронтирное положение. Как Сибирь, так и Амазония были регионами европейской колонизации. На протяжении ХХ в. Сибирь продолжала оставаться сравнительно малоосвоенной территорией, по сути все еще являясь фронтиром. Подобную роль в Бразилии играет Амазония. Оба региона обладают схожим экономическим профилем. И Амазония, и Сибирь выступают в рамках России и Бразилии как ресурсные регионы, богатые лесом, металлами и прочими полезными ископаемыми, обладают схожим топливно-энергетическим профилем. В статье отмечается, что пиком освоения обоих регионов стала 2-я половина XX в., а также рассматриваются схожие явления в демографических процессах. Данные аспекты позволили авторам сформулировать основные направления для последующего компаративистского анализа социо-демографического развития крупных городских центров Сибири и Амазонии.

Ключевые слова

сравнительный анализ; Сибирь; Амазония; СССР; Россия; Бразилия; фронтир; экономическое развитие; социо-демографическое развитие; город

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная</u>

¹ Email: autocrator[at]yandex.ru

² Email: ekaterina_hist282[at]mail.ru

Введение

Актуальность демографических исследований сегодня ни у кого не вызывает сомнений. Особенно это важно для нашей страны, учитывая ее демографическую ситуацию. Востребованность работ, изучающих динамику народонаселения, касается и исторической демографии, которая призвана выявить корни современных проблем.

Согласно статье В.Н. Владимирова, Д.Е. Сарафанова и А.С. Щетининой (Владимиров, 2016, с. 29–53), сегодня развиваются два направления исторической демографии – классическое отечественное и новое с использованием Від Data. Авторы сами разрабатывают новое направление и не удивительно, что отдают ему приоритет. Однако и традиционной исторической демографии открыты пути обновления. Одним из них может быть использование компаративного анализа. Сам сравнительный метод для отечественной исторической науки не нов, успешно применяется многими учеными. Например, в статье Е.Ю. Баранова проводится сравнительный анализ историографии демографических потерь России в XX в. (Баранов, 2018) Статья Г.Е. Корнилова предлагает использовать компаративный подход применительно к изучению голодовок населения Урала в конце XIX – середине XX вв. (Корнилов, 2016, с. 177–184).

Заметим, что компаративистикой преимущественно называют сравнение между разными странами, что в России ранее было характерно в основном для всеобщей истории. Во многом это связано с советским наследием, в том числе – с ограниченными возможностями провинциальных ученых в плане работы с иностранными литературой и источниками. Однако сегодня ситуация меняется, границы государств уже не являются преградой для исследовательского поиска. Мы все больше рассматриваем человечество и планету как единое целое в формате глобальной истории.

Одним из наиболее показательных проектов в данном направлении является EHPS-NET: создание историко-демографических баз данных в контексте европейских компаративных исследований. Участник проекта О.В. Горбачев в своей статье справедливо заметил, что «...сравнительные исследования с использованием российского материала необходимы для того, чтобы вывести отечественную историко-демографическую науку на новый методологический и содержательный уровень» (Горбачев, 2014, с. 107).

Сравнительный анализ является одним из удобнейших инструментов для определения особенностей и закономерностей протекания тех или иных процессов и явлений в мировой истории. Он позволяет историку посмотреть на объект своего изучения с иного ракурса, понять, какие его свойства общие, а какие следует назвать исключительными. Так же с его помощью можно исследовать не какое-либо одно состояние объекта, а те видоизменения, которые он претерпел за все время своего развития, чтобы понять, какие из них закономерны, а какие аномальны.

По мнению И.Д. Ковальченко, сравнительно-исторический метод наиболее эффективен при изучении общественно-исторического развития, как в широком пространственно-временном аспекте, так и при рассмотрении «камерных» локальных процессов, суть которых не может быть раскрыта путем непосредственного анализа ввиду их сложности, противоречивости и незавершенности (Ковальченко, 2003, с. 184).

В данной работе мы выдвигаем гипотезу о возможности проведения сравнительного анализа развития Сибири и бразильской Амазонии как фронтирных регионов. Они обладают целым рядом схожих, если не сказать родственных черт, которые позволят соотнести процессы социально-демографического развития Сибири и Амазонии, глубже понять особенности социальных аспектов урбанизации в Сибири. В статье мы приведем аргументы в пользу сравнения данных кейсов, сформируем задачи для компаративистского анализа процессов урбанизации и социального развития этих двух фронтирных регионов для последующего исследования.

Следует заметить, что в зарубежной научной литературе при широком распространении компаративного анализа присутствует определенная регионалистская традиция. Страны Нового света сравниваются преимущественно между собой. Другой вариант – это бывшие колонии или так называемые «страны третьего мира» (Riley, 2003). Однако в XXI в. интерес к России и ее регионам значительно вырос, во многом благодаря открывшимся для исследователей границам. В 2006–2008 гг. антропологи и социологи Оксфорда и Кембриджа реализовывали проект по изучению коренных народов Сибири и Амазонии, в рамках которого были проведены две международных конференции (Байтман, 2010, с. 437–438).

В отечественной научной литературе сравнительный анализ России и Бразилии в рамках БРИКС осуществили экономисты в конце XX – начале XXI в. В лаборатории сравнительных социальных исследований Высшей школы экономики был реализован проект, поддержанный РГНФ «Социальная структура и социальные институты регионов центра и фронтира России: качество жизни и потенциал модернизации», № 13-33-01319. Руководители исследования Роберт Фоа и Анна Немировская сравнивали сходство, различие мышления фронтирных территорий России и Бразилии (Foa & Nemirovskaya, 2019).

В современной исторической науке сравнение Сибири и Амазонии не проводилось, за исключением нескольких тезисов в статье П.Р. Джозефсона (Джозефсон, 2021, с. 88–96).

Одна из основных сложностей компаративного метода состоит в том, чтобы подобрать правильные кейсы (то есть объекты сравнительного анализа). Как отмечает один из ведущих специалистов в этой области М.М. Кром, с одной стороны, сравниваемые объекты должны быть в достаточной степени схожи (то есть обладать схожими условиями существования), но в тоже время

не идентичны и не аналогичны, дабы отметить не только закономерности, но и специфику (Кром, 2015, с. 145–148). Только в этом случае можно получить достаточно репрезентативный результат. СССР и Россия в силу своих колоссальных размеров и уникальной истории вообще представляют достаточно сложный объект для сравнительного анализа. Можно предположить, что логичнее для компаративистского анализа брать не весь СССР в целом, а отдельные его части. Это будет справедливо, учитывая, что Советский Союз представлял собой сложную экономическую систему.

Как уже говорилось выше, для анализа экономических, социальных и демографических процессов Сибирского макрорегиона вторым объектом сравнительного анализа могут выступать крупные фронтирные территории Южной Америки.

Обоснование гипотезы

Одним из факторов формирования государства и общества является территория. Как отмечает Д.С. Панарина, организация и оформление границы, правила ее пересечения, представления о ней отражают внутренние характеристики обществ, которые эта граница «обрамляет» (Панарина, 2015, с. 29). В связи с чем в первую очередь следует отметить, что как Сибирь, так и Амазония являются территориями европейской колонизации. Оба региона стали целью активного проникновения европейцев в конце XVI – начале XVII столетий. Причем появление первых испанских и португальских колоний лишь на несколько десятилетий опередило появление первых русских поселений в Сибири. В обоих случаях процессы освоения фронтирной зоны растянулись вплоть до XIX в., а с позиции хозяйственного освоения продолжаются и сегодня. Проникновение русских в Сибирь шло с Запада на восток, параллельно тому, как португальская корона осваивала бассейн Амазонки. В обоих случаях крупные поселения появлялись на доступных естественных путях.

С получением Бразилией независимости в 1822 г. фактор фронтира никуда не ушел. Более того, он продолжает играть активную роль в жизни региона и сегодня. Таким регионом для Бразилии стали внутренние районы страны, в частности Амазонас (Северная часть), а также центр и запад страны. Эти регионы принято называть Амазонией. В этом плане Сибирь особенно сильно коррелируется со штатом Амазонас, обладая всеми классическими чертами фронтира. Оба региона практически равно удалены от политических центров страны (2 860 км и 2 821 км) и практически одинаково мало заселены (3,8 человека на км² и 3,76 человека на км²) (Немировская & Фоа, 2013).

Другим фактором сходства является то, что под влиянием процессов колонизации местное аборигенное население, за исключением ряда отдельных территорий, оказалось в меньшинстве по сравнению с пришлыми

европейцами и с большим трудом вписывалось в новую систему хозяйствования. В случае с коренным населением Бразилии их положение в стране несколько отличается от положения сибирских народов в России. Сегодня идет процесс создания резерваций для них.

Еще одним фактором, определяющим возможность осуществления компаративистского анализа, мы можем назвать тяжелый и нетипичный, для пришлого европейского населения, климат обоих регионов.

По мнению группы ученых-географов из МГУ во главе с А.Н. Пилясовым, представляет собой в определенной степени экстремум», бросающий вызов его покорителям, но и открывающий новые возможности для развития (Замятина & Пилясов, 2020). Колонисты в Сибири и Амазонии были вынуждены к нему привыкать и подстраиваться, особенно важной оказалась необходимость адаптации привычной хозяйственной европейских поселенцев. Если рассматривать деятельности природно-климатических факторов на развитие того или иного региона, стоит отметить, что данные аспекты имеют большое значение для развития не только экономики, но и общества в целом. Например, как отмечает В.И. Цуриков, окружающая среда, помимо социума, оказывает значительное влияние на формирование характера человека и менталитета народа (Цуриков, 2016, с. 19). Пришлое население с течением времени приобретает совершенно нетипичные для них ранее черты характера. Это может наблюдаться не в первом поколении, но со временем произойдет непременно. Человека «трансформирует» окружающая среда, этого нельзя отрицать (Якушенков & Якушенкова, 2016). Как отмечает А. Хоцей (Хоцей, 2020), суровость климата, о которой было заявлено в начале, оказывает одно из самых сильных влияний на развитие региона. Климат в Сибири и в Амазонии очень отличается. Однако, если оценивать его с точки зрения экстремальности (низкие температуры в Сибири, до минус 50-60° C, высокие – в Гран-Чикаго¹, до плюс 49-50° C), есть основания для проведения сравнения. В таких условиях человек оптимизирует свои ресурсы, в том числе и трудовые, чтобы успеть выполнить тот или иной объем работы в определенный срок. Природный экстремум как фактор фронтира до сих пор играет в обоих регионах ключевую роль.

Важнейший фактор – место регионов в глобальной экономической системе. Сибирь на протяжении всей своей истории выступала в качестве сырьевой периферии для центральной России. Особенно в советское время, когда поставляла множество полезных ископаемых, ресурсов. Впрочем, такая ситуация сохраняется и сегодня. Штат Амазонас играет ту же роль. Он является крупнейшим по площади штатом Бразилии (занимая более чем 18 % территории страны) в наименее освоенной части бассейна реки Амазонки, заросшей вечнозелёными экваториальными лесами. Амазонас больше, чем Германия,

¹ Unique Geo. Климат Латинской Америки. URL: http://www.uniquegeo.ru/unigos-107-1.html

Франция, Италия и Великобритания вместе взятые². Как и в Сибири, основным занятием в регионе остается добыча сырья, которое впоследствии вывозится по Амазонке за пределы страны.

Совпадает и ресурсная база. В Амазонии в XX в. (особенно в годы Второй мировой войны и во второй половине XX в.) добывались и добываются сейчас нефть, золото, железная руда, серебро, медь, бокситы, глинозем и алюминий. В обоих случаях одним из важнейших секторов экономики выступают колоссальные лесные ресурсы. Тайга и сельва – крупнейшие лесные массивы в мире. В обоих регионах добыча древесины – один из важнейших элементов внутренней экономической системы.

Оба региона обладают похожей энергетической базой. Имеющиеся в наличии крупные и мощные речные системы толкают как Сибирь, так и Амазонию на путь развития гидроэнергетики. В 1966 г. была запущена в строй на тот момент крупнейшая в мире Братская ГЭС, следом за которой в строй вошли Красноярская и Саяно-Шушенская. В скором времени гидроэнергия стала основой для региона, что позволило начать развитие энергоемких предприятий. Первая гидроэлектростанция в Южной Америке была построена в 1968 г. на реке Аркарай, затем началось сооружение ГЭС по всему региону. В скором времени гидроэнергия здесь также стала основой для экономики, что позволило создать ряд производств, в том числе по выработке алюминия.

История хозяйственного освоения периферийных районов Бразилии имеет ряд ярко выраженных схожих черт с процессом освоения Сибири. Вовлечение природных ресурсов Амазонии в капиталистическое производство, как и в Сибири, датируется второй половиной XIX в. В России эти процессы были обусловлены развитием транспорта, в первую очередь строительством транссибирской железнодорожной магистрали, в Бразилии – каучуковым бумом. Возникший в это время Манаус в короткие сроки превратился в крупный город – в связи с массовой миграцией населения из других регионов. Здесь был построен театр, проведен телефон, пущен трамвай. Подобная картина быстрого возникновения и роста города наблюдалась в Сибири во время превращения Ново-Николаевска в Новосибирск.

Однако с окончанием в 1920-е гг. каучукового бума Амазония быстро пришла в упадок. К 1960-м гг. здесь, на 60 % территории страны, проживало лишь 8 % населения. Средняя плотность населения составляла всего 1,5 человека на 1 км², большая часть территории была необитаемой¹. В Сибири в 1920-е гг. в результате Первой мировой и гражданской войн также наблюдалась кризисная ситуация. В последующие годы сталинской индустриализации Сибирь не являлась местом приоритетного развития.

² Rusobras. Проект МЭПИ посвященный русско-бразильским отношениям. http://www.russobras.com/AMstate.php

¹ Там же.

Для обоих регионов этапом нового рывка индустриальной модернизации стала вторая половина XX в. В Сибири это было связано не только с результатами эвакуации промышленности в годы войны, но и с долгосрочными планами развития страны. В Амазонии новый виток индустриализации реализовывался в рамках политики «расширения ресурсных рубежей». Промышленное освоение региона происходило под полным контролем государства, создавшего Главное управление развития Амазонии, с многочисленными научными институтами. Проект предусматривал не только включение огромных минеральных, гидроэнергетических, лесных и других природных ресурсов региона в оборот, но и его заселение. Здесь нельзя не провести параллели с советской государственной политикой в отношении Сибири. В частности, схожие задачи ставились в ходе научной конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири 1958 г.1

На данном этапе индустриальной модернизации Бразилия в значительной степени опиралась на высокую роль государства, страна делала ставку на неокейнсианскую модель развития². Тем не менее, мы должны констатировать, что к сегодняшнему дню для региона Амазонии (как, впрочем, и для Сибири) характерна очаговая территориальная структура хозяйства, которая сложилась в предыдущие годы. Нельзя не признать и важное отличие: несмотря на возрастание роли государства в экономическом развитии страны, Бразилия все же оставалась страной со смешанной экономикой, в то время как в СССР господствовала командная экономическая система (Джозефсон, 2021, с. 88–96).

На протяжении XX в. продолжалось освоение Сибири и Амазонаса, их покорение нуждам Советского и Бразильского государства. Этот фронтир, по мнению правителей, знаменовал столкновение цивилизации и дикой природы. Советское руководство бросало стихии вызов, стремясь обуздать ее, подчинить воле человека, перестроить под экономические нужды общества. В этих условиях продвижение фронтира представляло собой хозяйственное освоение огромных просторов Сибири. В самом дискурсе строительства ГЭС и транспортных линий, геологической разведки территорий постоянно присутствовала тема покорения природы и ее преобразования (Бочкин, 1978).

Теперь обратим внимание на демографические характеристики. В обоих регионах наблюдаются низкая плотность населения и ярко выраженная неравномерность его размещения. Население притягивают большие города. Пиковые показатели в Бразилии наблюдались на протяжении 1950–1970-х годов, когда около 20 миллионов человек переехали из сельских районов в городские. Городское население Бразилии (по официальному определению) росло примерно на 5 % в год и составляло 56 % от общей численности насе-

¹ Общие вопросы развития производительных сил: труды Конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири, 18–26 августа 1958 г. / ред. кол. И.П. Бардин (глав. ред.), ... и др. М., 1960.

² Бразилия и другие страны Латинской Америки. URL: https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-01/braziliya-i-drugie-strany-latinskoj-ameriki

ления в 1970 г., 68 % в 1980 г. и 75 % в 1991 г. В Амазонии перевес городского населения над сельским был достигнут в 1980-е гг. В течение большей части послевоенного периода в результате постепенной миграции быстрее всего росли крупнейшие города, в том числе Манаус в Амазонии (см. таблицу 1.) В тоже время в 1980-е гг. в Бразилии сформировалась новая модель перераспределения населения, выявленная переписью 1991 г. Она включала меньшую межрегиональную миграцию, причем больше людей оставалось в своих регионах происхождения или переезжало в крупные города поблизости, а не в мегаполисы².

	прирост				
Период	всего	доля естественного прироста	доля механического прироста		
1950 / 1960	60,24	39,86	20,38		
1960 / 1970	79,71	43,54	36,17		

Таблица 1. Прирост населения Манауса в периоды 1950/60 и 1960/70 гг. (%) (Fonseca V., Corrêa C. M. A evolução da população de Manaus – 1950 a 1970. I-Evolução da população e dos padrões de mortalidade // Acta Amazonica. 1972. T. 2. P. 63)

Table 1. The population growth of Manaus in the periods 1950/60 and 1960/70. (%) (Fonseca V., Corrêa C. M. A evolução da população de Manaus – 1950 a 1970. I-Evolução da população e dos padrões de mortalidade // Acta Amazonica. 1972. T. 2. P. 63)

В Сибири преобладание городского населения установилось в 1950-е гг., притяжение крупнейших городов наблюдалось в период 1960–1970-х гг., время наиболее активного промышленного строительства и интенсивного миграционного движения (см. таблицу 2.)

^{1 &}lt;a href="https://cidades.ibge.gov.br/brasil/am/manaus/panorama">https://cidades.ibge.gov.br/brasil/am/manaus/panorama

² OOH. http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkGld %2FPPRiCAqhKb7yhsmPYo5NfAsNvhO7uZb6iXOQdFNDtOvpPf551bqodmYoN80hHhzCRk29%2FlT0EaLu27r4gK 4orZ%2BDvmtc9cGP0re5Yrkiu5Gwtq2UZtZiKqbfz

	-	Городское население (в % к общему количеству)			Население крупнейших городов (в % к городскому)		
	1959	1979	1989	1959	1979	1989	
РСФСР	52,8	69,3	73,6	33,9	37,9	36,9	
Сибирь	52,3	67,7	72,5	30,6	40,2	37,9	

Таблица 2. Динамика городского населения РСФСР и Сибири в 1959–1989 гг.

(Составлено по: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59 reg2.php;
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79 reg2.php;
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89 reg2.php)

Table 2. Dynamics of the Urban Population of the RSFSR and Siberia in 1959-1989 (Compiled from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89 reg2.php)

Как справедливо заметил П.Р. Джозефсон, «...с точки зрения советского руководства, фронтирные территории были ресурсными кладовыми и одновременно пустыми пространствами, требовавшими заселения» (Джозефсон, 2021, с. 88-96). Советская власть, искусственно организуя зоны притяжения населения в одних местах (например, молодые города Норильск, Ангарск, Братск), в тоже время принимала меры для ограничения доступа и укоренения в других (Москва, Ленинград, Красноярск). Насколько удалось скорректировать миграционные процессы и их результирующую в Сибири, покажет сравнительный анализ.

Как в Амазонии, так и в Сибири большой приток мигрантов не был обеспечен развитой инфраструктурой, в результате города обрастали самостроем, а переселенцы должны были заниматься самообеспечением. Итогом явился относительно низкий уровень благоустройства и качества жизни, что вместе с тяжелыми климатическими и трудовыми условиями давало слабую закрепляемость мигрантов в городах (Опыт решения..., 2008; Стась, 2017).

Теперь обратим внимание на продолжительность жизни. В Бразилии подъем показателя стал наблюдаться после Второй мировой войны. Так, средняя продолжительность жизни увеличилась с 42,7 лет в 1940 г. до 52,7 лет в 1970 г. и 67,1 лет в 1995 г. Территориально самые низкие показатели характерны для северо-востока (65,4 лет в 1995 г.), а самые высокие для юга (69,4 лет в 1995 г.), что несколько выше, чем на юго-востоке. Важно отметить, что, как и в России, здесь продолжительность жизни у женщин примерно на семь лет больше, чем у мужчин, но разница уменьшается¹. Средняя продол-

¹ Перепись населения. Данные за 2000 год были взяты из краткого обзора. Фонд БИГС. URL: http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d

жительность жизни в Сибири близка к этим данным – 69,2 лет, и она также меньше общероссийских показателей¹.

Далее обратимся к вопросам смертности. В прошлом основными причинами смертности – как по всей Бразилии, так и в штате Амазонас – были инфекционные и заразные заболевания, особенно диарея и кишечные паразиты у младенцев, а также туберкулез, корь и респираторные заболевания. Во второй половине XX в. к ним добавились дегенеративные заболевания, в том числе болезни сердца и сосудов, различные виды онкологии, а также смертность от внешних причин, включая насилие и дорожно-транспортные происшествия (см. таблицу 3).

Причина	Коэффициент смертности на 100 000 населения		
•	1960	1970	
Инфекционные и паразитарные заболевания	223,8	317,8	
Онкология (новообразования)	56,8	60,8	
Заболевания системы кровообращения	149,2	162	
Заболевания дыхательной системы	49,9	56,7	
Заболевания пищеварительной системы	433,9	34,2	
Беременность и послеродовые осложнения	25,3	0,3	
Ранние детские заболевания	148,6	125,8	
Старость	29,3	75,8	
Аварии, отравления и насилие	55,7	64,1	

Таблица 3. Коэффициенты смертности в г. Манаус по основным причинам смертности, 1960 и 1970 годы

Table 3. Mortality rates in Manaus by major cause of death, 1960 and 1970

В Сибири благодаря холодному климату инфекционные и паразитарные болезни развиты меньше. Кроме того, в рассматриваемый период больших успехов достигли советская медицина и санитария. Если в 1950-е гг. инфекционные заболевания занимали значительное место, то в 1960–1980-е гг. на первый план выходят сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. Заметим, что смертность от нечастных случаев, алкоголя, насилия в Сибири была выше, чем в Европейской части России (Демографическая история..., 2017, с. 260–272).

 $[\]underline{\%2FPPRiCAqhKb7yhsmPYo5NfAsNvhO7uZb6iXOQdFNDtOvpPf551bqodmYoN80hHhzCRk29\%2FlT0EaLu27r4gK}\\ \underline{4orZ\%2BDvmtc9cGP0re5Yrkiu5Gwtq2UZtZjKqbfz}$

Демографический ежегодник Российской федерации. 1997. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1998. С. 164.

Во второй половине XX столетия в СССР шло бурное развитие медицины, которое поддерживалось ведомственным финансированием. Поэтому в городах-новостройках Сибири снабжение товарами и качество медицинских услуг часто были выше, чем в крупнейших городах региона и лучше, чем в центре страны (Гонина, 2020). В Амазонии же и общегосударственная и ведомственная социальная политика получили развитие только в конце XX в. и не достигли значительных успехов. Также следует отметить неравномерность развития городов региона: успешнее росли те, что имели доступ к активным транспортным линиям – Манаус, например (Da Costa, Brondizio, 2009, р. 211-234).

Похожие процессы наблюдаются и в динамике рождаемости сравниваемых регионов. В городах Амазонии и Сибири за рассматриваемый период рождаемость снизилась в 2 раза и достигла границы простого воспроизводства В Сибири общий коэффициент рождаемости у городского населения за 1960–1985 гг. снизился с 24 до 14,5 (Гонина 2015а; Гонина 2015b; Демографическая история..., 2017, с. 248). В крупных странах такое быстрое и повсеместное снижение рождаемости ранее наблюдалось только в Китае, где официальная политика (требование иметь только одного ребенка) оказывала сильное давление на семейные пары.

Заключение. Постановка новых исследовательских задач

Амазония и Сибирь, безусловно, являются фронтирными регионами, что во многом определило их сходство. Города Манаус, Новосибирск, Красноярск в XX в. являлись центрами гигантских слабо освоенных, но экономически перспективных территорий, были организационными центрами освоения природы в условиях индустриального общества, узлами активных миграционных процессов.

В обоих сравниваемых регионах в развитии городов большую роль играл ведомственный фактор, что подчеркивает, например, П.Р. Джозефсон, называя их «корпоративными городами» (Джозефсон, 2021, с. 88–96). Однако это происходило при разных экономических системах. Исследование может помочь оценить эффективность советской экономики и управления в социально-демографическом плане. Здесь можно говорить о развитии и благоустройстве городской территории, о качестве жизни горожан, о том, как организовывали решение возникающих у населения проблем.

В течение всего советского периода широко декларировались успехи социальной политики и ее передовое состояние относительно других стран. В частности, борьба с младенческой и детской смертностью, поддержка мате-

Мировой атлас данных. URL: <a href="https://knoema.ru/at-las/%D0%91%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B8%D0%B8%D1%8F/%D0%9A%D0%BE%D1%8D%D1%84%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D1%82-%D1%80%D0%BE
 %D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8

ринства, социальная защита пожилых и др. На материалах компаративного анализа городского населения Амазонии и Сибири можно оценить эффективность реализации социальных программ через их отражение в динамике рождаемости и смертности.

Рассматриваемое время – эпоха демографического перехода, который в регионах шел различными темпами и имел местную специфику. В Амазонии и Сибири разнятся климатические зоны, расовые, национальные и культурные параметры населения. Насколько эти несовпадения влияют на динамику городского населения? Или же в условиях крупнейших городов они нивелируются?

Количество вопросов, которые можно поставить, благодаря компаративному анализу, достаточно велико. Более того, мы предполагаем, что их число будет расти в процессе погружения в материал и сопоставления данных. Представленный вариант применения компаративного анализа в социально-демографическом исследовании имеет большие перспективы.

Очевидно, что социально-демографические процессы в городах Сибири и Амазонии имеют достаточно много общих черт, что позволяет говорить о второстепенности их расположения на геополитической карте. Главную роль, безусловно, играют урбанизационный и демографический переход. Хотя указанные процессы имеют ярко выраженную специфику. В частности, это высокий уровень урбанистической концентрации, значительная миграционная активность, сохранение экзогенных причин смертности, сильное сокращение рождаемости.

Отличия в социально-демографической ситуации городов Сибири и Амазонии обусловлены спецификой социальной политики. Ведомственный подход к обеспечению населения индустриальных городов в СССР, а также зарплат в районах нового освоения создавали повышенный уровень комфортные условия, привлекавшие большое количество желающих. Результаты сравнения в данной сфере позволяют оценить как эффективность разных форм социальной политики, так и возможности самообеспечения населения. Кроме того, представляют интерес оценка качества жизни и связанные с ней процессы социальной дифференциации городских жителей. Это позволит определить реальную социальную цену, которую руководство Бразилии и России платило за освоение фронтира. Не менее важно выявление общих и особенных черт развития городов на фронтире.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ / РНФ, Правительства Красноярского края и Краевого фонда науки в рамках научного проекта № 19-49-240002.

Список литературы

- Chauvin, J. P. (2017). What is different about urbanization in rich and poor countries? Cities in Brazil, China, India and the United States. *Journal of Urban Economics*, 98, 17–49. https://doi.org/10.1016/j.jue.2016.05.003
- Da Costa, S. M. F., & Brondizio, E. (2009). Inter-urban dependency among Amazonian cities: Urban growth, infrastructure deficiencies, and socio-demographic networks. REDES: Revista do Desenvolvimento Regional, 14–3, 211–234.
- Foa, R. & Nemirovskaya, A. (2019). Frontier settlement and the spatial variation of civic institutions. Political Geography, 73, 112–122. https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2019.05.013
- Riley, G. (2003). Land, Breaking Land: Women Colonizing the American West and Kenya, 1840-1940. UNM Press.
- Skidmore, T. (1993). Bi-racial U.S.A. vs. Multi-racial Brazil: Is the Contrast Still Valid? *Journal of Latin American Studies*, 25(2), 373–386. https://doi.org/10.1017/S0022216X00004703
- Баранов, Е. Ю. (2018). Исследовательские подходы к оценке демографического урона России в XX в. Genesis: исторические исследования, 11, 92–100. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.11.27958
- Бочкин, А. Е. (1978). С водой как с огнем. Воспоминания гидростроителя. «Советская Россия».
- Брайтман. (2010). Личность и «приграничная территория» в современных Амазонии и Сибири. Laboratorium, 2, 437–438.
- Владимиров, В. Н. (2016). Новая историческая демография» в России: Эволюция или скачок в развитии? Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки, 18 (3), 29–53. https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.3.042
- Гонина, Н. В. (2015а). Влияние урбанизационных процессов на динамику рождаемости городского населения Красноярского края во второй половине 1950-х начале 1980-х гг. Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ, 2, 131–142.
- Гонина, Н. В. (2015b). Динамика рождаемости в городах Иркутской области как показатель региональной специфики демографического перехода (вторая половина 1950-х-начало 1980-х годов). В Иркутский историко-экономический ежегодник (сс. 536–544). Байкальский государственный университет.
- Гонина, Н. В. (2020). Демографические процессы в экстремальных условиях. Норильск в 1950–1960-х гг. Манускрипт, 13–6, 16–20. https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.2.
- Горбачев, О. В. (2014). Историко-демографические базы данных в контексте европейских компаративных исследований: Проект EHPS-NET. Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании, 2–3, 4–9.
- Демографическая история Западной Сибири (конец XIX-XX в.). (2017). ИИ СО РАН.
- Джозефсон, П. (2021). Строительство империи и фронтир советской / постсоветской эпохи. Уральский исторический вестник, 4, 88–96.
- Замятина, Н. Ю. (2007). Норильск город фронтира. Вестник Евразии, 1, 167–192.
- Замятина, Н. Ю. & Пилясов, А. Н. (2020). Российская Арктика: К новому пониманию процессов освоения. URSS (Lenand).

- Ковальченко, И. Д. (2003). Методы исторического исследования. Наука.
- Конрад, С. (2018). Что такое глобальная история? Новое литературное обозрение.
- Корнилов, Г. Е. (2016). Компаративный анализ истории голодовок населения Урала в конце XIX середине XX в.: направления изучения. Историко-педагогические чтения, 20–1, 177–184.
- Кром, М. М. (2015). Введение в историческую компаративистику. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Моргачёва, Е. Н. (2016). Сравнительно-исторический метод: Обзор подходов к классификации в общественных науках. Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 2, 102–114. https://doi.org/10.28995/2073-6398-2016-2-102-114
- Немировская, А. В. & Фоа, Р. (2013). Социокультурные особенности регионов центра и фронтира: Компаративные исследования на базе WVS. В Третья международная научно-практическая конференция «Продолжая Грушина» (сс. 454–461). ВЦИОМ.
- Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX начале XXI вв. Сборник научных трудов. Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории. (2008). Издательство Параллель.
- Панарина, Д. С. (2015). Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны. История и современность, 1, 15–41.
- Стась, И. Н. (2017). Урбанизация самостроя: трущобы в нефтедобывающих районах советской Сибири (1960–1980-е гг.). Сибирские исторические исследования, 2, 80–99. https://doi.org/10.17223/2312461X/16/6
- Хоцей, А. С. (б. д.). Теория общества. Библиотека материалиста. http://www.library-of-materialist.ru/theory_of_society/theory_of_society-1.htm
- Цуриков, В. И. (2016). Влияние географических и природно-климатических факторов на русский менталитет. Человек и культура, 4, 15–32. https://doi.org/10.7256/2409-8744.2016.4.20350
- Якушенков, С. Н. & Якушенкова, О. С. (2016). «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронтира. Журнал Фронтирных Исследований, 1 (1), 9–21.

References

- Baranov, E. Y. (2018). Research Approaches to the Assessment of Russia's Demographic Damage in the 20th Century. *Genesis: historical studies*, 11, 92–100. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.11.27958 (In Russian).
- Bochkin, A. E. (1978). With water as with fire. Memories of a hydraulic engineer. Soviet Russia. (In Russian).
- Brightman. (2010). Identity and "frontier territory" in modern Amazonia and Siberia. *Laboratorium*, 2, 437–438. (In Russian).
- Chauvin, J. P. (2017). What is different about urbanization in rich and poor countries? Cities in Brazil, China, India and the United States. *Journal of Urban Economics*, 98, 17–49. https://doi.org/10.1016/j.jue.2016.05.003
- Conrad, S. (2018). What is global history? New Literary Review. (In Russian).

- Da Costa, S. M. F., & Brondizio, E. (2009). Inter-urban dependency among Amazonian cities: Urban growth, infrastructure deficiencies, and socio-demographic networks. REDES: Revista do Desenvolvimento Regional, 14–3, 211–234.
- Experience in solving the housing problem in the cities of Siberia in the 20th early 21st centuries. Collection of scientific papers. Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History. (2008). Izdatel'stvo Parallel'. (In Russian).
- Foa, R. & Nemirovskaya, A. (2019). Frontier settlement and the spatial variation of civic institutions. Political Geography, 73, 112–122. https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2019.05.013
- Gonina, N. V. (2015a). The Influence of Urbanization Processes on the Dynamics of Urban Population Birth Rate in Krasnoyarsk Krai in the Second Half of the 1950s and Early 1980s. Socio-Economic and Humanitarian Journal of Krasnoyarsk State Agrarian University, 2, 131–142. (In Russian).
- Gonina, N. V. (2015b). Fertility Dynamics in Irkutsk Oblast Cities as an Indicator of Regional Specifics of the Demographic Transition (Second Half of the 1950s Early 1980s). In Irkutsk Historical and Economic Yearbook (pp. 536–544). Baikal State University. (In Russian).
- Gonina, N. V. (2020). Demographic processes in extreme conditions. Norilsk in the 1950s-1960s. *Manuscript*, 13–6, 16–20. https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.2. (In Russian).
- Gorbachev, O. V. (2014). Historical and Demographic Databases in the Context of European Comparative Studies: EHPS-NET Project. Historical informatics. Information technologies and mathematical methods in historical research and education, 2–3, 4–9. (In Russian).
- Historical informatics. Information technologies and mathematical methods in historical research and education. (2017). Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Hotsei, A. S. (n. d.). A theory of society. The Materialist's Library.

 <a href="http://www.library-of-materialist.ru/theory_of_society/th
- Josephson, P. (2021). The Construction of Empire and the Frontier of the Soviet/Post-Soviet Era. *Ural Historical Herald*, 4, 88–96. (In Russian).
- Kornilov, G. E. (2016). A Comparative Analysis of the History of Hunger Strikes among the Urals Population in the Late 19th Middle 20th Century: Directions for Study. Historical and pedagogical readings, 20–1, 177–184. (In Russian).
- Kovalchenko, I. D. (2003). Methods of historical research. Nauka. (In Russian).
- Krom, M. M. (2015). *Introduction to Historical Comparativism*. Publishing house of the European University in St. Petersburg. (In Russian).
- Morgacheva, E. N. (2016). The Comparative–Historical Method: A Review of Classification Approaches in the Social Sciences. Bulletin of the Russian State University of Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education", 2, 102–114. https://doi.org/10.28995/2073-6398-2016-2-102-114 (In Russian).
- Nemirovskaya, A. V. & Foa, R. (2013). Sociocultural Characteristics of Center and Frontier Regions: Comparative WVS-Based Research. In The Third International Scientific and Practical Conference "Continuing Grushin" (pp. 454–461). VCIOM. (In Russian).
- Panarina, D. S. (2015). The Border and the Frontier as a Factor in the Development of a Region and/or a Country. History and Modernity, 1, 15–41. (In Russian).

- Riley, G. (2003). Land, Breaking Land: Women Colonizing the American West and Kenya, 1840-1940. UNM Press.
- Skidmore, T. (1993). Bi-racial U.S.A. vs. Multi-racial Brazil: Is the Contrast Still Valid? Journal of Latin American Studies, 25 (2), 373–386. https://doi.org/10.1017/S0022216X00004703
- Stas', I. N. (2017). Urbanization Through Samostroy: Slums in Oil-Producing Regions of Soviet Siberia in the 1960s to the 1980s. Siberian Historical Research, 2, 80–99. https://doi.org/10.17223/2312461X/16/6 (In Russian).
- Tsurikov, V. I. (2016). The influence of geographical and natural-climatic factors on the Russian mentality. *Human and Culture*, 4, 15–32. https://doi.org/10.7256/2409-8744.2016.4.20350 (In Russian).
- Vladimirov, V. N. (2016). "New Historical Demography" in Russia: Evolution or Leap Forward? Izvestia Ural Federal University. Series 2, Humanities, 18 (3), 29–53. https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.3.042 (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. & Yakushenkova, O. S. (2016). "Power of land": formation of new otherness in the conditions of frontier. *Journal of Frontier Studies*, 1 (1), 9–21. (In Russian).
- Zamyatina, N. Y. (2007). Norilsk City of the Frontier. Eurasia Bulletin, 1, 167–192. (In Russian).
- Zamyatina, N. Yu. (2020). The Russian Arctic: Toward a New Understanding of Development Processes. URSS (Lenand). (In Russian).

On the Far Frontiers: the Modern Realities of Life in the Chukchi Village of Meynypilgyno

Oxana P. Kolomiets

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N.A. Shilo Far East Branch, RAS. Anadyr, Russia. Email: okkolo[at]mail.ru

Received: 6 July 2021 | Revised: 23 June 2022 | Accepted: 1 July 2022

Abstract

The author describes an ethnic Chukchi village of Meynypilgyno, located on the border of the Chukchi and Kamchatka Peninsulas. In recent decades, the ethno-linguistic picture of this village has significantly deteriorated: there are no speakers of the Kerek language left. According to the 2010 census, there was one person in Meynypilgyno who considered himself a Kerek. Over 90% of the villagers are Chukchi. The Chukchi language remains the language of communication for the older generation. The newcomers tend not to settle in this remote area. So far, the inhabitants have preserved some elements of traditional nomadic reindeer breeding and sedentary coastal cultures: they hold annual holidays, such as Kilway, the day of reindeer birth, and Vylgyk'oranmat, the day of fine-wool reindeer slaughter, continue to perform some rites and rituals, such as the burning of the dead, as well as go fishing and hunting for small pinnipeds.

The work provides a description of the phenomena occurring in the life of the village: its rapid renovation of the infrastructure, including the construction of a new school, new houses and a modern floating fish processing plant; its changes in everyday life; the formation of new lifestyles, including the "revival" of marine mammal hunting and the creation of deer farming; and, finally, its adaptation to the market conditions, including an attempt to create private farms as well as develop trade and services.

Keywords

Chukotka; Ethnic Village; Indigenous People; Language; Traditional Culture; Economy; Market; Rural Economy; Daily; Social Changes

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

На дальних рубежах: современные реалии жизни чукотского села Мейныпильгыно

Коломиец Оксана Петровна

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН. Анадырь, Россия. Email: okkolo[at]mail.ru

Рукопись получена: 6 июля 2021 | Пересмотрена: 23 июня 2022 | Принята: 1 июля 2022

Аннотация

Автор описывает национальное чукотское село Мейныпильгыно, расположенное на границе Чукотского и Камчатского полуостровов. В последние десятилетия этно-языковая картина села значительно обеднела: не осталось ни одного носителя керекского языка. Согласно переписи населения 2010 г. в Мейныпильгыно проживал один человек, считающий себя кереком. Свыше 90 % жителей села – чукчи. Чукотский язык остается языком общения для старшего поколения. Приезжее население закрепляется на этой отдаленной территории весьма слабо.

До настоящего времени жители сохраняют некоторые элементы традиционной кочевой оленеводческой и оседлой береговой культур: проводят ежегодные праздники, такие как праздник рождения оленят – Килвэй, день убоя тонкошерстного оленя – Вылгык'оранмат, продолжают исполнять некоторые обряды и ритуалы, например, сожжение умерших, занимаются рыболовством и охотой на мелких ластоногих животных.

В работе дается характеристика явлений, происходящих в жизни сельчан: стремительное обновление инфраструктуры поселка – строительство новой школы, новых домов, установка современного плавучего рыбоперерабатывающего завода; изменения в повседневной жизни; формирование новых укладов – «возрождение» морского зверобойного промысла, создание оленеводческого крестьянско-фермерского хозяйства; приспособление к рыночным отношениям – попытка создания частных хозяйств, развитие торговли, услуг.

Ключевые слова

Чукотка; национальное село; коренное население; язык; традиционная культура; хозяйство; рынок; сельская экономика; повседневность; социальные изменения

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная</u>

Введение

В национальном чукотском селе Мейныпильгыно Анадырского района Чукотского автономного округа автору статьи довелось поработать трижды – в 2003, 2005 и 2021 гг. Благодаря длительному пребыванию среди жителей я получила возможность изучить изнутри современную жизнь отдаленного поселка, проанализировать общественное мнение по вопросам, касающимся социальной жизни, культуры, экономики региона и своего села. Именно там я впервые в полной мере смогла ощутить значимость для этнографа «поля» и метода «включенного наблюдения». «Поле» – место, в котором живет исследователь и осуществляет «полевую работу», т.е. «поле» – это предполагаемое пространство, в котором пребывают другая культура или общество (Гупта, 2013, с. 4). Метод включенного наблюдения позволяет исследователю фиксировать происходящие события, восприниматься сообществом как лицо постороннее, но допущенное к участию в действе. Контролируемое и опекаемое членами социума, которые помогают ему разобраться в происходящем... – позволяет понять многое и оценить увиденное довольно точно (Харитонова, 2010, с. 11).

Также в исследовании использован массив статистических материалов, документов и интервью с жителями с. Мейныпильгыно, проведенных в период с 2003 по 2021 гг.

Нам близко мнение О.А. Шаглановой, размышляющей о методах полевой этнографии: «если этнограф только записывает материал в блокнот, умножая тем самым признаки "чужого", то он рискует остаться без внимания людей, а в итоге и без понимания темы исследования. Для этнографа важно также не исследовать "чужую" культуру с позиции "другого", а найти в себе внутреннее желание быть "в ней": прожить какое-то время вместе с людьми, наблюдая их жизнь, вникая в их будни, чтобы хоть как-то понять незнакомую культуру» (Шагланова, 2010, с. 25).

Изучать жизнь людей «изнутри» задача непростая, тем более, что параллельно идет процесс изучения самого исследователя. В век информационных технологий любое изыскание в той или иной форме возвращается и оказывает влияние на исследуемую группу. В результате продукты нашей собственной дисциплины в виде публикаций нередко становятся достоянием этих групп и могут возвращаться к нам в виде «возрожденных традиций» (Бучатская, 2013, с. 204). Поэтому представляется важным критически подходить к собранным в полевых условиях материалам, внимательно отнестись к личности собеседника, его образованию, социальному статусу, образу жизни. Этнографические материалы, собранные в селе составляют важную часть моего личного полевого архива – это видеозаписи праздника молодого оленя, дня кита, рыбалки, посиделок в яранге, прогулок по тундре; фотографии экспонатов музея этнографии и быта при школе искусств, фотографии сельчан; описания музейных предметов, в том числе семейных реликвий; записи бесед с жителями. Многие

события и явления, увиденные или подмеченные во время жизни в селе, осмысливаются спустя годы. И приходит понимание того, как быстро и безвозвратно меняется жизнь людей, их взгляды, устои.

Половина года, проведенного мной в Мейныпильгыно, дала возможность вникнуть в жизнь села и в какой-то мере стать ее частью, хотя бы на время.

Краткая история села

Село Мейныпильгыно (Мейныпилгын – с чукотского «большая горловина, устье») расположено на берегу Берингова моря, на живописной косе недалеко от лагуны Ваамъечгын (с чукотского «собрание рек»).

История поселений в Мейныпильгынской тундре начиналась со стойбищ оленеводов Вэлкыльвээм, Каканаут, Ныкэпэкыль, Ваамычгын, Кэйгитгин, Эльгынмываам, Рытгыльгын. Стойбище Вэлкыльвээм в начале 30-х годов ХХ в. было одним из самых крупных в мейныпильгынской тундре, в нем насчитывалось более десятка яранг (Коравье, 2021).

Мейныпильгынская группа чукчей называется телькэпыльыт «старинные люди». Начальный период ее формирования относится к первой половине XVIII в. и связан с первыми проникновениями чукчей-оленеводов с северного на южный берег Анадырского лимана в прибрежные тундры р. Алькатваама, оз. Пекульнейского. Частично эти чукчи продвинулись к устью р. Хатырки, где в середине XIX в. смешались с чукчами ваежско-хатырской группы. Более половины мейныпильгынских чукчей являются прямыми потомками четырех братьев, возглавивших в середине XVIII в. борьбу оленных чукчей с оленными коряками за эти пастбищные территории. В середине XIX в. в состав мейныпильгынских чукчей влилась новая волна мигрантов с севера. Это были чукчи, кочевавшие на южном берегу Анадырского лимана, около устья р. Великой (Симченко, Лебедев, 1985, с. 167).

Кроме чукчей, побережье Корякского нагорья и южный берег Анадырского залива издавна освоили кереки, древние палеоазиаты. Основным источником пищи для кереков, а позже коряков и чукчей стали неисчерпаемые ресурсы ценных лососевых рыб, в основном кеты и нерки, а также обширные колонии морских птиц, удобные для сбора яиц и отлова подросших птенцов. Высокая численность кольчатой нерпы обеспечивала удачный лов ее сетями, а существовавшие в недалеком прошлом береговые лежбища моржей давали возможность проводить регулярные поколы зверя. Коренные жители этого района вели лодочный промысел морского зверя от случая к случаю, а китов добывали изредка, хотя их численность была значительной. Рыболовство, отлов морских птиц и сбор их яиц, сетной лов нерпы и покол моржей – энергетически менее затратные и более безопасные виды природопользования, чем активный лодочный промысел морского зверя на воде среди дрейфующих льдов (Богословская, 2007, с. 16).

Таким образом, оседлое и кочевое население издавна облюбовали территории, которые впоследствии стали селом Мейныпильгыно. В начале 30-х гг. XX в. на базе нескольких керекских стойбищ было образовано первое товарищество. В него входили всего 27 человек. Позже возникли еще несколько товариществ, на основе которых в 1935 г. в Мейныпильгынской тундре был образован колхоз «Керек». В него входили оленеводы, рыбаки и охотники.

В 1937–1938 гг. было реквизировано личное стадо оленей у Раглята, оленевода Мейныпильгынской тундры, а самого его осудили и дали большой срок за неподчинение властям. Стадо Раглята стало основой для создания первой оленеводческой бригады совхоза «Дружба», который организовался в 1939 г. Кроме того, в 30-е гг. на территории села находился рыбоконсервный завод (Носков, 2011, сс. 415, 419, 422).

В 1954 г. началось строительство поселка на том месте, где он находится и сейчас. На 1957 г. в Мейныпильгыно еще существовало пять стойбищ, в которых жили многие колхозники артели. Колхоз довольно быстро стал лидером сельского хозяйства Чукотки, рентабельными стали все отрасли хозяйства. В 1957 г. колхоз от реализации мяса получил 526,7 тыс. руб., около 115 тыс. руб. дало артели рыболовство и улучшение переработки рыбопродукции, 8,6 тыс. руб. получил колхоз от морского зверобойного промысла. В путину 1958 г. заготовили 3 т копченого балыка, 3 т кетовой икры. И это был не предел. Силами колхоза уже в те годы заготавливали до 10 т икры и огромное количество высококачественной рыбной продукции, а также много дикоросов – ягод, грибов (Носков, 2011, с. 430).

В 1967 г. село состояло из 118 домохозяйств. Главными занятиями жителей были оленеводство и рыбалка. Колхозники прилично зарабатывали – по 270-300 руб. в месяц. Летом, когда начинали рыбачить в селе, требовались сезонные рабочие. Поголовье оленей насчитывало 11 250 голов, при определенной оленеемкости пастбищ колхозу «Дружба» в 10 500 голов; 1 500 животных находились в личном пользовании оленеводов. К 1980-му г. совхозное стадо состояло из 18 800 оленей.

Успешная деятельность колхоза, а позже совхоза дала мощный импульс для развития социальной инфраструктуры села: в нем были детский сад, школа, клуб, столовая на 50 мест, коровник, банно-прачечный комплекс. Принципиально изменился быт оленеводов, которые стали жить в домах, пользоваться электричеством, современной техникой. В конце 1960-х – начале 70-х гг. каждая семья мейныпильгынцев выписывала по четыре-пять газет и журналов ежегодно. Росло число местной интеллигенции – молодежь охотно получала средне-специальное и высшее образование. При этом молодые специалисты возвращались в село для дальнейшей жизни и трудоустройства.

В 1980 г. в селе проживало 680 чел. Село развивалось, начали функционировать детская школа искусств и сельский музей.

С распадом социалистической экономики в начале 90-х гг. произошел развал сельского хозяйства и снижение уровня жизни сельчан. В 1991–1992 гг. еще трудились оленеводческие бригады совхоза «Дружба», но работали уже на условиях хозрасчета. При этом в 1991 г. в хозяйстве было заготовлено почти 3 ц. оленьих пантов. Выручка от их реализации составила 75 000 долларов (Носков, 2011, с. 466). Дальнейшая реорганизация хозяйства и смена форм собственности привела к тому, что в 1998 г. в товариществе с ограниченной ответственностью (ТОО) «Дружба» числилось всего 463 оленя. Таким образом, в Мейныпильгыно к концу 90-х гг. ХХ в. оленеводство как важнейшая отрасль хозяйства и жизнеобеспечения села прекратило свое существование. Начался отток приезжего населения.

Этнодемографические характеристики

Свыше двадцати лет численность жителей Мейныпильгыно стабильно снижается. До конца 90-х - начала 2000-х гг. в селе проживало около 500 чел. Например, в 2002 из 461 постоянного сельского жителя, 401 чел. - были представители коренных малочисленных народов Чукотки (КМНЧ). В 2010 г. насчитывалось 424 постоянных жителя, в 2014 - 391 чел., в 2017 - 339 чел., в 2019 -327 чел., в 2020 г. - 316 чел., в 2021 г. - 310 чел. Более 90 % населения - чукчи (Чукотка, 2009, с. 345; Численность населения, 2019; Население Чукотского автономного округа). Также в Мейныпильгыно проживают представители самой малочисленной этнической группы народов Севера - кереки. Их численность значительно упала вследствие войн между чукчами и коряками, а позже - из-за эпидемий, сокращения численности морского зверя. В течение XX в. кереки были практически ассимилированы чукчами (Кереки). В 60-70-е гг. XX в. насчитывалось порядка 100 кереков. Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г. в России насчитывалось 8 кереков, по переписи 2010 - 4 (Основные итоги, 2012, с. 43). В настоящее время потомки этого народа живут в с. Мейныпильгыно и Хатырке. Есть опасения, что текущая перепись населения покажет еще менее утешительную динамику численности.

Начало «новой» жизни

Период конца 90-х – начала 2000-х гг. был для мейныпильгынцев, как и для всех жителей, проживающих на периферии, крайне тяжелым. Возрождение региона и села началось с приходом на Чукотку команды Р. Абрамовича. Экономисты, политологи неоднозначно оценивают его деятельность на посту губернатора. Жители же едины во мнении, что он спас Чукотку от голода. Началось стремительное развитие региона, в округе стали реализовывать ряд социальных программ. В рамках одной из них в 2000 г. в адрес села поступило 32 т соли и 30 т комбикормов для развития подсобных промыслов.

Соль предназначалась для заготовки рыбы, комбикорм – для желающих заняться птицеводством в порядке частного предпринимательства (Носков, 2011, с. 470).

Жители села Мейныпильгыно в глазах чукотских земляков прослыли людьми гордыми, своенравными, стойкими. И, действительно, поселок и живущий там народ производят сильное впечатление. Например, в апреле все село от мала до велика отмечало Кельвей - праздник молодого оленя. Люди вышли к берегу реки, разожгли костры, варили рыбу, готовили и пили чай; дети от души веселились, играли; уважаемые старики провели обязательные в таких случаях обряды задабривания духов тундры. К сожалению, в некогда богатом оленеводческом селе к тому моменту не было ни одного оленя. Данная ситуация - печальный итог реорганизации совхозов и колхозов, перехода к фермерским хозяйствам (Ивкев, 1994, с. 2). Об утрате довольно приличного по размерам стада люди говорили с неохотой, горько подметив, что «из оленеводов превратились в оленеедов» (ПМА, 2003). Так, в местном совхозе «Дружба» в 1983 г. насчитывалось 14 886 оленей (Пантин, 1984, с. 10), в 1995 г. – 2 385, а в 1998 г. – осталось всего 463 оленя (Материалы...). Бывшие бригадиры и пастухи с надеждой ждали возрождения хозяйства и поголовья, как это случилось в соседнем селе Хатырка. Там оленеводы смогли в течение нескольких лет сохранить около 300 голов оленей, в 2002 г. при поддержке Правительства Чукотского автономного округа стадо было пополнено, существует до настоящего времени.

Мейныпильгынцам повезло меньше. Только В 2016 г. Окружной конкурсной комиссией принято решение о выделении грантовой поддержки в размере 1,5 млн руб. для создания и развития фермерского оленеводческого хозяйства, утерянного во второй половине 1990-х годов (Омрувье, 2016, с. 7). Финансирование проекта позволило закупить предпринимателю оленей. Общий объем стада, приобретенный в МУП СХП «Канчалан» и «Хатырское», насчитывал 619 голов. На полученные средства были закуплены: меховая палатка, снаряжение для четырех оленеводов, горюче-смазочные материалы, снегоход и квадроцикл. К большому сожалению, представителей старшего поколения, которые могли бы передать молодежи навыки выпаса, отбивки и перегона оленей, выступить в роли наставников, сейчас в селе Мейныпильгыно уже фактически нет. Данное обстоятельство привело к тому, что за три года существования КФХ фермер практически утратил стадо (в 2020 г. стадо насчитывало 301, в 2021 г. - 192 оленя). Кроме того, оленеводы испытывают постоянные трудности с доставкой продуктов питания на перевалбазу, так как в селе нет свободного транспорта. Переданная фермеру в безвозмездное пользование техника находится в нерабочем состоянии.

Несмотря на опыт А. Чейвытегина, жители соседнего села Алькатваам хотят организовать свое крестьянско-фермерское оленеводческое хозяйство. Для односельчан наличие пусть и маленького оленьего стада означает надежду

на возрождение промысла предков. Некоторые жители ездят к месту кочевья А. Чейвытегина, чтобы «посмотреть на оленей, попить чаю и порадоваться за него» (ПМА, 2021).

Несколько стариков каждой весной ставят на берегу реки недалеко от села 5–7 яранг и до осени живут там, кто один, кто с внуками. Эти яранги и маленькие хозяйственные постройки на берегу получили название «дачи». На «дачах» летом кипит жизнь. Во время путины заготавливают рыбу – кету и нерку, солят и вялят, квасят рыбьи головы, некоторые солят красную икру. Позже занимаются сбором и заготовкой ягод – морошки, княженики, шикши, брусники, а также различных трав.

Самая большая и гостеприимная яранга была у Елены Ивановны Кытгаут (Тынетегиной) (1941–2014 гг.). Елена Ивановна – чукчанка телькепского (туманского) рода, истинный хранитель родного языка и культуры, скромный и в то же время открытый человек. Она много лет собирала фольклорные материалы: пословицы, считалки, сказки, легенды жителей села; была руководителем народного ансамбля «Дружба». В 2016 г. опубликована рукопись Е.И. Кытгаут «Фольклор Беринговского района» (Кытгаут-Тынетегина, 2016). Благодаря знакомству с Еленой Ивановной удалось увидеть повседневный быт чукотской женщины, наблюдать взаимоотношения нескольких поколений в одной семье, прикоснуться к «живой» чукотской традиционной культуре.

Мне посчастливилось увидеть в Мейныпильгыно Екатерину Хаткану (1923–2006), единственного человека, владеющего керекским языком. Летом 2003 г. она сильно болела, я в основном общалась с ее детьми и внуками. Этнограф В.В. Леонтьев в 1970-е работал с ней, она рассказывала о своей жизни, помогала ему с переводом фольклора. По словам исследователя, «знание трех языков (керекского, чукотского, русского), а также обычаев керекского и чукотского народов сделали ее хорошим и ценным информатором» (Леонтьев, 1976, с. 138). К великому сожалению, согласно Переписи населения 2010 г. на Чукотке проживает только один керек, нет ни одного носителя языка (Российская, 2016, сс. 153, 202).

Летом 2003 г. я стала невольным свидетелем нескольких интересных событий – строительства новых домов (а фактически – поселка, так как все старые дома сжигали), школы и внедрения морского зверобойного промысла в жизнь и быт мейныпильгынцев. Село одним из первых в округе попало в программу по строительству новых и капитальному ремонту старых жилых домов. Жилищный фонд (дома в основном построены в 1960-е гг.) сильно обветшал, не соответствовал современным требованиям (Чукотка, 1995, с. 241). За три года Мейныпильгыно изменилось до неузнаваемости. Жители получили вместо старых «балков» (так они называли свои дома) новые яркие коттеджи; вместо снесенных хозяйственных построек и старых гаражей каждой семье выделили контейнер для бытовых нужд. Жители приспособились к новым

домам, тем более что те оказались довольно просторными, с удобствами, с необходимой мебелью.

Однако вместе со сносом старых домов стремительно стирался привычный, родной культурный ландшафт. Особенно горевали старики. Их волновали вопросы: «А куда теперь добытую нерпу нести?! Раньше в доме были холодные сени. А теперь на новую кухню? Где хранить юколу?» (ПМА, 2003) и т.п. Предлагали оставить хотя бы один старый дом, чтобы использовать его под местный музей. Но генеральным планом такая инициатива не была предусмотрена. При строительстве домов не учли розу ветров (это хорошо видно при наложении старого и нового планов застройки села), теперь зимой у каждого дома наметает огромные сугробы.

Параллельно с возведением домов канадская компания «Ferguson Simek Clark» начала строительство нового образовательного центра, который включал в себя школу и детский сад. Действующая основная школа находилась в аварийном здании, из-за чего некоторые классы в полном составе вывезли на учебный год в г. Омск. Педагогический коллектив Мейныпильгынской школы составлял не более 10 человек, в основном из местной интеллигенции. Учителей-предметников не хватало. На тот момент из приезжих педагогов в школе была только я. Коллектив встретил меня очень тепло. Одним самых сложных предметов для детей оказался родной язык: лишь изредка в классных журналах можно было увидеть отличные оценки; учитель пояснила, что такая ситуация – результат потери интереса у детей и их родителей к родному языку, культуре.

Когда я приехала в село в 2005 г., учебная жизнь преобразилась. уже функционировала новая школа, сменился во-вторых, приехал целый десант педагогов из центральных районов страны коллектив увеличился вдвое. И это стало проблемой - к такой «конкуренции» местные учителя оказались не готовы. Думается, кадровая политика, связанная с привлечением молодых и перспективных специалистов в маленькие национальные села, должна быть более аккуратной, учитывать этно-социальную специфику региона. Большинство молодых учителей по разным причинам покинуло село в первый отпуск «с дорогой» (работникам в районах Крайнего Севера один раз в два года государством оплачивается проезд к месту отдыха и обратно). Кто-то был недоволен зарплатой, кто-то условиями труда, у кого-то не сложились взаимоотношения в коллективе. Несмотря на государственную поддержку педагогов, огромные средства, потраченные на оплату дороги к месту работы, зарплаты, подъемные и т.п., удержать их в национальных селах крайне проблематично. Для того чтобы жить и работать на таких территориях, нужно всей душой любить и место, и людей, там живущих.

В настоящее время в основной школе обучается всего 46 чел., в 2005 было более 90 учеников. Значительное снижение численности школьников связано с поступлением многих детей после 7 класса в Чукотский окружной

профильный лицей, а также с переездом семей из отдаленных сел в более благоприятные для жизни поселки и города.

мейныпильгынцы занимаются рыболовством Современные хариуса, гольца, корюшку, камбалу, нерку, кету), охотой на нерпу, сбором птичьих яиц (в основном чаячьих). В начале 2000-х гг. в селе решили начать промысел китов; до этого времени в оленеводческом селе на китов никто не охотился. В муниципальном унитарном предприятии «Пекульнейское» была создана промысловая бригада, ее обеспечили необходимым снаряжением и обучили морские охотники из с. Лорино. Летом 2003 г. я была свидетелем того, как добывали китов и распределяли трофеи между жителями. Значительная часть китового мяса и жира оказалась невостребованной сельчанами. Жителям этих мест присуща система питания, соответствующая рыболовно-оленеводческой культуре. Инициаторы добычи об этом не подумали, а люди, взяв попробовать морской деликатес после первой охоты, в следующий раз от него отказались. Китовый жир также оказался не нужен, хранить его было негде - ле́дников в селе не оказалось. В итоге МУП «Пекульнейское» исключили из квоты на добычу китов, история с морской охотой закончилась через два года.

В связи с «возрождением» китового промысла, было решено проводить в Мейныпильгыно День кита. Первый праздник морских охотников, Полъа, в селе прошел в августе 2003 г. По этому случаю туда прибыли губернатор Р. Абрамович, представители окружной и районной администраций; гостей было много. Охотники добыли кита. Елена Ивановна Кытгаут и участники ансамбля «Дружба» провели обряд – «задобрили» духов моря и тундры, «поблагодарили» их за удачную охоту, совершили ритуал очищения огнем. Отмечу, что День кита в Мейныпильгыно – это праздник не возрожденный, как о нем пишут в книгах и интернет-ресурсах (Чукотка..., 2009, с. 346; Сельское..., 2017), а совершенно новое явление в жизни села, которое не прижилось, как и сам китовый промысел. Это скорее постановочный микс из обрядов оленеводов и морзверобоев, который не имеет исторической связи с территорией и людьми (Коломиец, 2017, сс. 131–136).

Современная сельская жизнь

В настоящее время в селе числится 310 постоянных жителей. Фактически около 10 % зарегистрированных граждан проживают в других местах, но не выписываются и не сдают в администрацию поселения муниципальное жилье. Данная ситуация обостряет жилищный вопрос – дома пустуют, но вселить в них нуждающихся не могут.

Главная причина миграции сельского населения – отсутствие работы. В поселке есть три организации, в которых числится основная масса трудоспособного населения: ГП ЧАО «Чукоткоммунхоз», МБОУ «Центр образования

с. Мейныпильгыно», рыбзавод «Вилей», на котором в сезон путины число сотрудников достигает 40 чел. (Вилей).

Ахиллесова пята всего региона, особенно отдаленных сел, состояние транспортной инфраструктуры и связи. В условиях отсутствия дорожной сети единственно возможный круглогодичный вид транспорта – воздушный. Из-за неблагоприятного климата авиасообщение отличается нерегулярностью рейсов. Есть примеры, когда вертолетные рейсы в Мейныпильгыно задерживались на месяц и более. Характерная черта интернет-связи на Чукотке – крайняя дороговизна, неустойчивость, низкое качество Спутникового Интернета.

В селе функционируют два магазина – частный и муниципальный. Несмотря на сложную транспортную схему, жители отмечают, что ассортимент продуктов и товаров значительно расширился. Основную массу груза привозят в летнюю навигацию, остальные товары доставляют вертолетными рейсами или вездеходами.

Сельская экономика держится на рыбной ловле, охоте, сборе грибов и ягод. Излишки продукции обмениваются или продаются односельчанам. Муниципальный магазин принимает у населения рыбу, дикоросы, грибы. Например, весной 2021 г. корюшку принимали по 150 руб. за кг. Многие семьи заготавливают для продажи красную икру, стоимость которой достигает 3,5 тыс. руб. за кг.

У населения в эксплуатации более 50 единиц транспортной техники: снегоходы, квадроциклы, автомашины, вездеходы, лодки.

Официальная предпринимательская деятельность развивается крайне слабо, оформлены в качестве индивидуальных предпринимателей только 3 чел. При этом по факту в селе есть специалисты, занимающиеся переработкой рыбы, ремонтом квартир, техники, оказывающие парикмахерские и иные услуги (ПМА, 2021).

В селе работает музей культуры и быта с. Мейныпильгыно, библиотека и Дом культуры. Некоторые жители всерьез планируют создание турпредприятий, так как сейчас есть интерес к этническому и экологическому туризму, как со стороны иностранцев, так и со стороны соотечественников. Ежегодно село посещают зарубежные гости, путешествующие на круизных кораблях.

До сих пор знатоки проводят праздники Кильвэй – праздник рождения оленят и Вылгык'оранмат – дословно «день убоя тонкошерстного оленя», порусски этот праздник называют День молодого оленя.

В Мейныпильгыно функционирует филиал региональной общественной организации «Чычеткин вэтгав» (Родное слово). Члены организации занимаются популяризацией чукотского языка, сбором и публикацией фольклорных материалов, подготовкой методических пособий по их изучению. В селе 16 членов организации, в основном это люди старшего поколения. Им небезразлична судьба чукотского языка. Инициативной группой также создан сель-

ский чат, в котором пишут по-чукотски о праздниках, обрядах, интересных событиях, историях из жизни.

Результаты

Чукотское село Мейныпильгыно – по-своему уникальное место, в котором продолжают сосуществовать традиционный и современные уклады жизни. Его жители, потомки охотников на морского зверя и оленеводов, попрежнему живут благодаря рыбному промыслу и надеждой на скорое возрождение оленеводства.

В последние десятилетия этно-языковая картина села значительно обеднела: не осталось ни одного носителя керекского языка. Свыше 90% жителей села – чукчи. Чукотский язык остается языком общения для старшего поколения. До настоящего времени жители сохраняют некоторые элементы традиционной кочевой оленеводческой и оседлой береговой культур: проводят ежегодные праздники, такие как праздник рождения оленят – Килвэй, день убоя тонкошерстного оленя – Вылгык'оранмат, продолжают исполнять некоторые обряды и ритуалы, например, сожжение умерших, занимаются рыболовством и охотой на мелких ластоногих животных.

Характеризуя современную жизнь сельчан, можно отметить, что, несмотря на все изменения, жители продолжают чувствовать свои корни и связывают их, прежде всего, с оленеводческой культурой.

Отдаленность, изолированность чукотских сел, особенности менталитета коренных жителей, выражающихся в коллективизме и «общинности» мышления, не дают современным рыночным механизмам в полной мере функционировать на данных на территориях.

Благодарности

Работа выполнена при частичной поддержке НОЦ «Север: территория устойчивого развития» (технологический проект № 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России», подпроект «Коренные малочисленные народы Северо-Востока Российской Федерации в условиях глобальных вызовов XXI века: ГИСтехнологии в оценке потенциала устойчивости системы жизнеобеспечения и этнических культур»).

Список литературы

- Богословская, Л., Слугин, И., Загребин, И. & Крупник, И. (2007). Основы морского зверобойного промысла. Институт Наследия.
- Бучатская, Ю. В. (2013). Полевая этнография: Размышления о главном методе нашей дисциплины. В X конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 2–5 июля 2013 года. Тезисы докладов (с. 204). ИЭРАН.
- Гупта, А. & Фергюсон, Д. (2013). Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии. Этнографическое обозрение, 6, 3–44.
- Ивкев, И. (1994). Одним росчерком пера. Крайний Север, 13-14, 2.
- Кереки. (2005). http://raipon-b.nichost.ru/peoples/kereks/kereks.php
- Коломиец, О. П. (2017). Экспедиция в Мейныпильгыно, или Мое первое чукотское поле. В Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН (сс. 130–139). Нестор-История Москва. Санкт-Петербург.
- Коравье, И. Н. (2021). История моего поселения. Мейныпильгыно (рукопись).
- Кытгаут-Тынетегина, Е. И. (2016). Фольклор Беринговского района. Издательство «Лема».
- Леонтьев, В. В. (1976). По земле древних кереков. Записки этнографа. Магаданское книжное издательство.
- Материалы В.Н. Нувано по оленепоголовью в Чукотском АО в советский период и после реорганизации (рукопись) (б. д.).
- Население Чукотского автономного округа: Численность, крупные города 30.03.2021 (б. д.). <u>http://www.statdata.ru/naselenie/chukotskogo-ao</u>
- Николаева, М. (2020, май 22). Вилей готов взяться за лосося. Крайний Север. http://ks87.ru/20/28/11436.html
- Носков, А. (2011). В краю, где море Беринга. Серия «История Чукотского автономного округа». Москва.
- Омрувье, И. (2016). Фермер-оленевод получит грант. Крайний Север, 23, 7.
- Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (в 11 т.) (т. 11). (2012). Чукотстат.
- Пантин, О. А. (1983). Итоги работы оленеводческих совхозов Магаданской области в 1983 г. Магаданский оленевод, 36, 9–10.
- Полевые материалы автора, собранные в селе Мейныпильгыно Анадырского района ЧАО, собранные 2003–2021 гг. (б. д.).
- Сельское поселение Мейныпильгыно (б. д.). https://anadyr-mr.ru/region/inform/meinipilgino.php
- Симченко, Ю. Б. & Лебедев, В. В. (1985). Смешанные браки у южных и восточных чукчей. В Этно-культурные процессы у народов Сибири и Севера: Сборник статей (сс. 158–175). Наука.
- Терехина, А. Н. (2016). Российская Арктика: Коренные народы и промышленное освоение (В. А. Тишков, О. П. Коломиец, Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова & Е. А. Пивнева, Ред.). Нестор-История.
- Харитонова, В. И. (2010). Работа с сакральными знаниями и практиками: Методико-методологический аспект. Этнографическое обозрение, 3, 7–21.

- Численность населения Чукотского автономного округа за период с 1990 по 2010 гг. (из личного архива) (б. д.).
- Численность населения Чукотского автономного округа по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года (б. д.). https://habstat.gks.ru/folder/66945
- Чукотка в прошлом и настоящем (т. 11). (2009). Серия «Наследие народов Российской Федерации».
- Чукотка: природно-экономический очерк. (1995). Арт-Литекс.
- Шагланова, О. А. (2010). Диалог «своих» и «чужих» в этнографическом поле. Этнографическое обозрение, 3, 21–31.

References

- Bogoslovskaya, L., Slugin, I., Zagrebin, I. & Krupnik, I. (2007). Fundamentals of the marine fur seal fishery. Heritage Institute. (In Russian).
- Buchatskaya, Y. V. (2013). Field ethnography: Reflections on the main method of our discipline. In X Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia. Moscow, July 2–5, 2013. Theses of reports (p. 204). Institute of Ethnology, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Chukotka in the Past and Present (Vol. 11). (2009). Heritage of the Peoples of the Russian Federation series. (In Russian).
- Chukotka: Natural and Economic Sketch. (1995). Art-Litex. (In Russian).
- Coravier, I. N. (2021). History of my settlement. Meynypilgyno (manuscript). (In Russian).
- Gupta, A. & Ferguson, D. (2013). Discipline and practice: the "field" as place, method, and locality in anthropology. Ethnographic Review, 6, 3–44. (In Russian).
- Ivke, I. (1994). With the stroke of a pen. Far North, 13-14, 2. (In Russian).
- Kereki. (2005). http://raipon-b.nichost.ru/peoples/kereks/kereks.php (In Russian).
- Kharitonova, V. I. (2010). Work with Sacral Knowledge and Practices: Methodological Aspect. Ethnographic Review, 3, 7–21. (In Russian).
- Kolomiets, O. P. (2017). Expedition to Meynypilgyno, or my first Chukchi field. In *The Field as Life*: On the 60th Anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS (pp. 130–139). Nestor-History Moscow. St. Petersburg. (In Russian).
- Kytgaut-Tynetegina, E. I. (2016). Folklore of the Beringovsky District. Lem Publishers. (In Russian).
- Leontiev, V. V. (1976). On the Land of the Ancient Kereks. Notes of an Ethnographer. Magadan Book Publishers. (In Russian).
- Main results of the 2010 All-Russian Population Census (in 11 volumes) (Vol. 11). (2012). Chukotstat. (In Russian).
- Materials of V. N. Nuvano on reindeer herding in Chukotka AO in the Soviet period and after reorganization (manuscript). (n. d.). (In Russian).
- Nikolaeva, M. (2020, May 22). Viley is ready to take on salmon. Far North. http://ks87.ru/20/28/11436.html (In Russian).

- Noskov, A. (2011). *In the land where the Bering Sea.* Series "History of the Chukotka Autonomous District". Moscow. (In Russian).
- Omruvier, I. (2016). A reindeer farmer will receive a grant. Far North, 23, 7. (In Russian).
- Pantin, O. A. (1983). Results of work of reindeer breeding state farms of the Magadan Region in 1983. *Magadan reindeer herder*, 36, 9–10. (In Russian).
- Population of Chukotka Autonomous District: Population, major cities 30.03.2021. (n. d.). http://www.statdata.ru/naselenie/chukotskogo-ao (In Russian).
- Population of Chukotka Autonomous Okrug by municipalities as of January 1, 2019. (n. d.). https://habstat.gks.ru/folder/66945 (In Russian).
- Population of the Chukotka Autonomous District from 1990 to 2010 (from personal archive) (n. d.). (In Russian).
- Shaglanova, O. A. (2010). Dialogue of "ours" and "the others" in the ethnographic field. Ethnographic Review, 3, 21–31. (In Russian).
- Simchenko, Y. B. & Lebedev, V. V. (1985). Mixed marriages among southern and eastern Chukchi. In Ethnocultural Processes among the Peoples of Siberia and the North: Collection of Articles (pp. 158–175). Nauka. (In Russian).
- Terekhina, A. N. (2016). The Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Development (V. A. Tishkov, O. P. Kolomiets, E. P. Martynova, N. I. Novikova, & E. A. Pivneva, Eds.). Nestor-History. (In Russian).
- The author's field materials collected in the village of Meynypilgyno, Anadyr District, ChAD, collected in 2003–2021. (n. d.). (In Russian).
- The rural settlement of Meynypilgyno. (n. d.). https://anadyr-mr.ru/region/inform/meinipilgino.php (In Russian).

The Mechanisms of Constructing the Image of the Far Eastern Provincial City in the Soviet and Post-Soviet Periods

Galina A. Shusharina¹ & Zhanna V. Petrunina²

Komsomolsk-na-Amure State University. Komsomolsk-na-Amure, Russia

Received: 23 September 2021 | Revised: 26 June 2022 | Accepted: 1 July 2022

Abstract

The article presents an analysis aimed at identifying an axiological strategy of forming a positive image of Komsomolsk-on-Amur in different historical periods. When creating a positive image of a provincial city, a regional identity is formed, which contributes to solving one of the most pressing problems for the Russian Far East, related to the need to preserve human resources.

The paper examines the modern stage of forming a positive image of the city based on the example of the electronic version of the newspaper "Far East Komsomolsk-on-Amur", since the media have different functions in the modern society, including the informative and ideological functions. The identified ways of creating a positive image include building a new model of life during the construction of the city, aimed at a bright future of the city which is full of cultural events, spreading information about happy life in the city by fixing and informing the whole country about the achievements of Komsomolsk-on-Amur residents and updating information about the heroic past of the city. So far, the methods influencing the image of Komsomolsk-on-Amur have not undergone significant changes since the Soviet times. Therefore, the analysis of the texts taken from the city's newspapers has made it possible to determine the leading dominants in the axiological strategy of creating a positive image of Komsomolsk-on-Amur.

Keywords

Axiological Strategy; Media Resources; Image; Regional Identity; Values; Provincial City; Dominant of Self-Presentation; Country Leadership; Economic Development; Cultural Events

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

¹ Email: galinalmk[at]yandex.ru

² Email: petrunina71[at]bk.ru

Механизмы формирования имиджа Дальневосточного провинциального города в советский и постсоветский периоды

Шушарина Галина Алексеевна¹, Петрунина Жанна Валерьяновна²

Комсомольский-на-Амуре государственный университет. Комсомольск-на-Амуре, Россия Рукопись получена: 23 сентября 2021 | Пересмотрена: 26 июня 2022 | Принята: 1 июля 2022

Аннотация

В статье представлен анализ, направленный на выявление аксиологической стратегии формирования позитивного имиджа Комсомольска-на-Амуре в различные исторические периоды. При создании положительного имиджа провинциального города формируется региональная идентичность, которая может способствовать решению одной из самых актуальных проблем для Дальнего Востока России, связанной с необходимостью сохранения человеческих ресурсов.

Современный этап формирования положительного имиджа города можно исследовать на примере электронной версии газеты «Дальневосточный Комсомольск», поскольку в современном обществе СМИ выполняют различные функции, в том числе информационные и идеологические.

Выявленные пути создания положительного имиджа включают построение новой модели жизни при строительстве города, нацеленной на светлое будущее и насыщенной культурными событиями; распространение информации о счастливой жизни в городе путем фиксации и информирования всей страны о достижениях жителей Комсомольска-на-Амуре; обновление информации о героическом прошлом города.

Методы, влияющие на имидж Комсомольска-на-Амуре, не претерпели существенных корректировок с советских времен. Анализ текстов городских газет позволил определить ведущие доминанты, входящие в аксиологическую стратегию создания позитивного имиджа Комсомольска-на-Амуре.

Ключевые слова

аксиологическая стратегия; медиаресурсы; имидж; региональная идентичность; ценности; провинциальный город; доминанта самопрезентации; руководство страны; экономическое развитие; культурные мероприятия

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0</u> Всемирная

¹ Email: galinalmk[at]yandex.ru

² Email: petrunina71[at]bk.ru

Introduction

Today, the Russian Federation at the state level pays great attention to the creation and promotion of a positive image of the country, which consists of the image of its large and small cities. Creating a regional image has become very popular among both the representatives of power structures and the population of Russia. In a large country, this allows not only to solve many economic problems, but also contributes to preserving the rich national, cultural and linguistic traditions that indicate the identity of the Russian regions. By creating a positive image of the city, a regional identity is formed, which can facilitate a solution to one of the most pressing problems for the Russian Far East related to the need to preserve human resources. The present study shows that the geographical factor is not always the main one when describing the life in a provincial city. The city located at a considerable distance from the capital can retain the characteristics of a capital city. At the same time, a definition, clarifying the term "capital", should be added. In this regard, the economic and sociocultural characteristics of the city life will be of interest to its population. A striking example of the city which has retained the features of the capital for many years is the city of Komsomolsk-on-Amur.

Materials and methods

In order to study the processes of creating a positive image of the city and regional identity, an analysis of materials published in the Komsomolsk-on-Amur newspaper "Far East Komsomolsk" was made. The newspaper was created on the initiative of the city administration in 1932. It mainly publishes official information. In the modern society where information is of great importance, the media have various functions, including the informative and ideological functions. In the era of the information society, perhaps there is no institution that has a greater impact on public opinion than mass media. The media are generally accessible, socially oriented and easy to understand, and the wide audience allows them to influence a significant part of the society. The role of media and communications in contributing to development of countries in different spheres is discussed in the works of the Russian and foreign scientists (Vasilyeva, 2010; Dzialoshinskiy, 2005; Dzialoshinskiy & Dzialoshinskaya, 2015; Dobrosklonskaya, 2005; Fedorov & Levitskaya, 2018; Levy, 2018; Seidov, 2016; Stier, 2018). More people can now connect and make meaning through media which provide an important resource for new movements for justice and social progress (Couldry & Rodriguez, 2018). In addition, the fact that a newspaper possesses its own website makes it possible to expand the newspaper audience of different ages, status, place of residence, etc., to quickly publish relevant information, and use various visual content. All this significantly transforms the modern communicative space and influences the image of a region (Graber, 1997, pp. 5-9).

The research methods used in this study include interpretation (inference of implicit meanings), linguistic and axiological analysis. The article involves hypothetical-deductive and inductive methods, observation, description, analysis, synthesis, and comparison.

To address issues affecting the history of Komsomolsk-on-Amur, the traditional methods of historical research were used, including the comparative-historical and problem-chronological methods.

Results

In the recent years, the Russian leadership has been striving to develop the Far Eastern territories (the state program "Social and Economic Development of the Far Eastern Federal District," 2019). However, the successful economic development of the Russian Far East is practically impossible without preserving and increasing the human capital in a region remote from the center (Oleinik, Shmidt, & Karp, 2019).

The most important tasks of the Russian leadership at all levels are to significantly improve the image of the Russian Far East, to shape the worldview of the inhabitants of the Far Eastern territories, reflecting the love for their small homeland, and, therefore, to stop the outflow of people from the territories of the Russian Far East.

In modern science, the image has become a subject of research in history, journalism, psychology and linguistics, etc. (Dagayeva, 2017).

In linguistics, major studies on the image belong to E. S. Kubryakova. Analyzing actual examples of the use of the word "image", E. S. Kubryakova describes which structure of knowledge is behind this word and how it is fixed. Thus, a well-known researcher singles out the constructability of the image: "images are created" (Kubryakova, 2012, p. 182). Creating an image should be in accordance with a certain standard, a stereotype of presentation. According to E. S. Kubryakova, an important characteristic of the image, is its goal-setting. "At the same time, goals and motives can vary widely from the noblest to the lowest" (Kubryakova, 2012, p. 183).

Researchers argue that any sector of life can affect the image if it falls into the sphere of wide attention (Petkova, 2016, pp. 277–281). However, there are basic spheres and factors that traditionally underlie the image of a region or a state. Such components of the image include 1) achievements of region inhabitants in the field of sports, culture, science and art; 2) history of the region development; personalities in politics; economic and industrial spheres; political sphere (Ibid.).

One of the ways to create a positive image is to use axiological strategies. In the present study we follow the definition of the axiological strategy proposed by the researcher N. E. Togoshieva: "a set of speech actions aimed at achieving a specific illocutionary goal through the transformation of the value model of

the addressee's world in the direction that is desirable for the speaker" (Togoshieva, 2010, p. 100).

In the public opinion, the concept of a city positive image as actively developing and providing opportunities for career and creative growth for its residents, is stereotyped. In today's realities, these characteristics are typical largely to metropolitan cities. In the dictionaries, the capital is defined as the political, administrative and economic center of the state, where not only political institutions are concentrated, but also socio-economic and cultural life is actively developing (Ushakov, n.d.). The high level and quality of life in the capital is attractive to a significant part of the country's population.

The opposite of the metropolitan life is the life of a provincial city. Traditionally, the province is a territory located far from the capital and major cultural centers (Dahl, n.d.). The stereotype was fixed in the minds of the population that the life in a provincial city is less dynamic and lags behind the capital in all respects, which means it does not allow citizens to fully realize their talents and cannot make the life of its population truly happy and comfortable. At the same time, the researchers emphasize that, having local uniqueness and originality, the province is able to play a special socio-cultural function (Voronina, 2012, p. 85) and be the bearer of specific social, mental, spiritual and axiological characteristics (Parshina, 2020).

It seems that such a definition does not fully reflect the specifics of the life in many provincial cities. Not in all cases, the provinciality of the city can be determined only by its distance from the capital (the geographical factor). It is the people living in the city who make the city provincial or non-provincial. A striking example of the city that in the 20th century could not be considered provincial is Komsomolsk-on-Amur.

The heroic and tragic events are closely intertwined in the history of Komsomolsk-on-Amur. Being thousands of kilometers far from the capital, Komsomolsk citizens did not perceive themselves as provincials in the 20th century. The whole country knew about the heroes, the first builders, who, under severe climatic conditions, built a large industrial city in the taiga. The Communist Party journalists, E.V. Dorodnov and G.N. Khlebnikov, wrote the official history of the city. They arrived in Komsomolsk in 1934. Thanks to their reports, the Soviet people gained confidence that there were no insurmountable obstacles for them.

Representatives of culture supported the romance of construction of Komsomolsk-on-Amur. Thus, in 1940 members of the famous Arbuzov studio wrote the play "The City at Dawn", devoted to the first years of the Komsomolsk builders' life. In the post-war period, in 1957, the play formed the basis for the eponymously named youth performance staged by E. Simonov in Moscow Theatre named after E. Vakhtangov.

The image of the young Soviet city was gradually formed. Komsomolsk-on-Amur became attractive for young people who came from different regions of

the USSR. For Soviet citizens, the life in Komsomolsk-on-Amur was associated with a model of a new life of that time with a bright future and saturated with cultural events, with dynamics and the ability to use advanced scientific technologies. One of the first builders, S.I. Smirnov, wrote, "our <...> city arose as a result of the course of the Communist Party and the Soviet government towards the socialist industrialization of the Far East. Komsomolsk-on-Amur woke up from the centuries-old silence of the taiga. The region strode triumphantly"(Dorodnov, 1980, p. 23).

The information about forced labor of camp prisoners during the construction of the city was not mentioned in the publications of the periodical press. The real difficulties that the first builders encountered and those difficulties that made them leave were not mentioned either. This did not correspond to the tasks solved by the country in the Far East. According to the ideology of that time, in the young Soviet city, industrial giants built by the hands of prisoners could not even theoretically appear to ensure the security of the Soviet country.

Gradually, the status of the city of Youth was fixed for Komsomolsk-on-Amur. The residents of the city began to proudly bear the name Komsomolsk citizens. The achievements related to the history of the young city and were broadcast promised the Komsomolsk citizens wealth and honor, thus making Komsomolsk inhabitants heroes of their time in the public opinion of Soviet people. It was assumed that the life of young Komsomolsk residents would not be strikingly different from the life in the capital.

By the middle of the $20^{\rm th}$ century, in Komsomolsk, household issues were mainly resolved, and the daily life of Komsomolsk citizens became more comfortable. Komsomolsk-on-Amur was already a mature and well-established city, which was to solve new tasks set by the state.

The dynamic development of industrial enterprises – the Far Eastern giants, the opening of two universities and the creation of scientific and educational centers, engineering departments and other structures contributed to the growth of intelligentsia in Komsomolsk-on-Amur. High-level specialists from Moscow, Leningrad and other large centers came to work in the city. The social structure of the city began to change. The training level of the city specialists was very high. For example, it was at Komsomolsk-on-Amur aircraft factory, which worked closely with the evening polytechnic college (the future Komsomolsk-on-Amur State University (KNAGU)), where since 1950 the joint work with the engineering department headed by P. Sukhoi, the legend of world aviation, had started. Despite the territorial remoteness from the capital, conditions were created for residents to actively interact with the metropolitan scientific and cultural centers. It was the representatives of the technical and creative intelligentsia who had set the high academic and intellectual standards for city residents, forming a new city image. Komsomolsk-on-Amur became a city not only of glorious labor, but also a major intellectual center of the Far East.

Broadcasting information about a happy life in Komsomolsk-on-Amur was carried out in various ways. The central and city press timely recorded and informed the whole country about the achievements of the Komsomolsk citizens. In Soviet literature, N. Zadornov's novel "Amur-Batushka" ("Amur-Father") about the life of the first settlers in the Far East received high appraisals and popularity. In 1982, the composer S. Tulikov wrote the famous Amur Waltz (the lyrics are from M. Plyatskovskii). This song performed by pop-group "Samotsvety" often sounded at the All-Union song festival "Song of the Year" and was known in different parts of the USSR. Currently, it is an informal anthem of Komsomolsk, uniting the Komsomolsk citizens of different generations.

Updating information about the glorious past of Komsomolsk-on-Amur was not accidental. Komsomolsk again found itself in a whirlpool of events on a national scale. In 1974, a decree of the Council of Ministers and the CPSU Central Committee "On the construction of the Baikal-Amur Railway" was issued, which laid the foundation for the construction of the Baikal-Amur Railway (BAM) (The Central Committee of the CPSU Council of Ministers of the USSR, 1974). Komsomolsk-on-Amur became one of the main stations of BAM. Once again, specialists in the fields of professional activity, representatives of different nations and cultures, headed for the all-Union construction site (Usov, 2019). The comprehensive development of Komsomolsk received an additional impetus.

The image of the city had again undergone adjustments. On the pages of periodicals Komsomolsk-on-Amur began to be more often called the industrial capital of the Far East. Along with honor, this nomination imposed certain obligations on the Komsomolsk citizens. The standard of living in Komsomolsk-on-Amur in all senses should have corresponded to the level of the capital city. For young Komsomolsk citizens, the conditions for the development of creative and sports talents were created; the candidates and doctors of science from different parts of the USSR were involved in teaching work in higher educational institutions of the city, and the graduates of Komsomolsk universities went to post-graduate schools in Moscow universities. In the city's enterprises, breakthroughs began to be introduced and new directions of activity were mastered. Komsomolsk again was discussed in the Soviet media. This high and honorable status corresponded to Komsomolsk, and Komsomolsk residents spoke with honor of themselves as the residents of the Far Eastern industrial capital.

Due to objective circumstances that the country faced at the end of the 20th century, in the Russian realities of the turn of the century, Komsomolsk-on-Amur had to go a path which was already mastered in the Soviet times. Having no additional influx of population and being actually cut off from the central parts of the country, the city faced the need not only to survive, but also to form a new image.

The goals and motives for creating a positive image of Komsomolsk-on-Amur are easily recognizable. Since the beginning of the 21st century, there has been

a decrease in the city population. This situation has been facilitated, firstly, by the excess of the growth of mortality over the birth rate and, secondly, by an active outflow of the population to other cities of Russia and other countries. Therefore, the creation of the regional identity of a resident of Komsomolsk-on-Amur and the maintenance of the previously formed patriotic feelings for their small Motherland among Komsomolsk residents, which can make the population stay in the city, may be considered part of the state's social order. A similar order of the state is fair, because "it is the image of the city, being formed in the minds of people, that affects the perspective of its development" (Lyulko, 2012).

The analysis of the texts of the newspaper "Far East Komsomolsk" (DVK) allowed us to determine the leading strategic dominant that is part of the axiological strategy of creating a positive image of Komsomolsk-on-Amur, namely, the dominant of self-presentation, which is realized with the help of a certain set of language and extralinguistic means that affect the perception. The use of this axiological dominant in the media discourse of a regional city is determined by the addressee's goal to influence the addressee by informing and indirectly form a sense of patriotism, and love for a small homeland in him. By choosing the dominant of self-presentation when constructing a statement, the addressees of the media discourse create texts that inform readers about the latest success of the city residents and the ongoing development of the city.

We will consider some examples of the embodiment of the self-presentation dominant in the texts of a regional newspaper:

"The Komsomolsk citizen became the absolute champion of the Far East in chess (Far East Komsomolsk, n.d.); "Svetlana Vladimirovna became the winner of the municipal competition and prize-winner of the regional stage of "Teacher of the Year" competition. In 2017, the class led by Svetlana Donskaya took 2nd place in the municipal competition "The coolest class". Her students show the results of certification in mathematics consistently higher than the city and regional ones in average and are regular winners and prize-winners of mathematical Olympiads and competitions at various levels" (Far East Komsomolsk, n.d.). Such texts inspire a sense of collective pride by fellow citizens who have earned fame at various levels and in various fields. The key axiologically marked verbal signs are the absolute champion, the winner, the coolest, consistently higher, the prize winner, etc. All the lexico-semantic variants cited are united by the basic meanings of "success" and "victory".

It is important to note that the name and surname of the hero are always mentioned in such messages about the victories of Komsomolsk residents. This is done not only for the accuracy of the information presented in the article, but also to help the readers recognize their friends, colleagues, acquaintances, and neighbors in these people. As a result, the reader is aware of the opportunity to achieve success as an ordinary resident of a city such as Komsomolsk-on-Amur, thereby confirming popular wisdom – Not gods burn pots.

The development of the city is one of the main topics of the articles in the analyzed newspaper. According to the region and city administration, the constant city development will be able to maintain the human potential of Komsomolsk-on-Amur.

The numbers and quantitative indicators given in the articles can be a marker of success: "RN-Komsomolsk Oil Refinery LLC, as part of its energy saving and energy efficiency program, saved over 8 thousand tons of standard fuel, in monetary terms, 33.25 million rubles in 2019. This is 52% more than in 2018. This work will continue this year" (Far East Komsomolsk, n.d.).

The development of the city can be traced in the use of "world", "international", the magnitude of events happening in the city is emphasized: "An appropriate personnel reserve is already being prepared for a world-class project"; "The international boxing tournament takes place in Komsomolsk-on-Amur" (Far East Komsomolsk, n.d.).

The use of the self-presentation dominant can be signaled by the mention in the article of a successfully implemented project outside the regional territory, which most residents of the city know about. Along with the nomination of a positive example, there is an idea of implementing such a project in a regional city. For example, "Sirius" is the name of the modern educational center in the city of Sochi, created in 2014 based on a number of Olympic venues on the initiative of the President of Russia. Therefore, such a center may appear soon in Komsomolsk-on-Amur (Far East Komsomolsk, n.d.). In such texts, a projection on the desired future is traced, which consists in signifying the goal.

The formation of regional identity can be seen on the pages of the column "Family of the Khabarovsk Territory". This project is being implemented jointly with the city administration and informs the city residents about the labor dynasties of Komsomolsk-on-Amur, their successes and their significant role in the city's public life. In addition, one of the goals of the column is to revive family traditions and strengthen ties between generations: "At the Komsomolsk Oil Refinery, a subsidiary of Rosneft, many glorious dynasties work. One of them is the Burba-Nikitina dynasty: Such families are the pride of the enterprise, its support and confidence in the future" (Far East Komsomolsk, n.d.). The authors of the articles in the column are trying to convince the youth of Komsomolsk to stay in their hometown on the example of such families, since you can successfully live and work in this small (by the standards of Russia) city.

It is worth mentioning the column "Planet Taiga". Khabarovsk Territory is rich in tourist attractions, many of which can become the sought-after symbol of the region and country. The activists of this project are convinced that the disclosure of tourism potential can become one of the new points of the economic growth in the Khabarovsk Territory, and the social function of tourism will help to reduce the outflow of the population. The pages of this column emotionally describe scenic spots in the vicinity of the city: "Komsomolsk-on-Amur is generally located

in a unique place, only few of us are aware of this. Within 3 hours, we can find ourselves in real mountains with a height of over 1200 m, and during the day get to unique natural monuments, such as the Amur Pillars" (Far East Komsomolsk, n.d.). The main idea of the Planet Taiga project is to help residents discover the uniqueness of the place where they live. By instilling a love for native places and active studying of the territory, you can raise a patriot of your native land.

The newspaper in question deliberately forms the image of an advanced industrial city. We can prove it by frequent use of such lexical and semantic variants as *plant*, *enterprise*, the names of city-forming enterprises (Komsomolsk Oil Refinery, Amurmetall, Komsomolsk aircraft factory, Komsomolsk ship-building plant, etc.), production sphere vocabulary, as well as current clichés (competitive industry, modernization of production facilities, energy-saving programs, etc.). Thus, the image of the city - "Komsomolsk is a working city" – is formed in the media.

Conclusions

Creating a positive regional image allows to tackle many modern geostrategic issues, both economic and sociocultural, for example, the development of new industries, the preservation, attraction of the population, the improvement of the quality of life of the region's population and some others.

A large role in the formation of a positive image belongs to the leadership of the country, territory and city, which is able to form a state order for strengthening and developing the region.

The axiological strategy of creating a positive image is updated through certain strategic dominants of the various stages of the city's existence, including building a new model of life during the construction of the city aimed at a bright future which is full of cultural events; broadcasting information about a happy life in Komsomolsk-on-Amur which was carried out in various ways by recording and informing the whole country about the achievements of Komsomolsk residents; and, finally, updating information on the heroic past of Komsomolsk-on-Amur. These strategic dominants are identified in the central and city press, since the media are designed not only to inform the population, but also to indirectly exert a suggestive impact on it.

The state order can form the social composition of the urban population, which is constantly changing over time. The image of the city is affected by the general cultural level of that part of population that is involved in the educational, scientific, and technical process. In the case of a decrease in the general cultural level of this part of the city population (which is smaller in number), the overall level of the population of the entire city decreases, and, consequently, the image of the city changes.

The methods that influence constructing the image of modern Komsomolskon-Amur have not undergone significant changes since the Soviet times. The anal-

ysis of the texts of the newspaper "Far East Komsomolsk" has helped determine the leading strategic dominant in the axiological strategy of creating a positive image of Komsomolsk-on-Amur, namely, the dominant of self-presentation, expressing the stereotypical image of the city as a constantly developing city, a working city, and a city where successful people live, a city where the prevailing system of upbringing and education form the conditions necessary for self-realization not only in their small homeland, but also in other regions.

This study opens up prospects for further research on the methods of constructing the city image.

References

- Couldry, N., & Rodriguez, C. (2018). Media, Communication, and the Struggle for Social Progress. Global Media and Communication, 14(2), 173–191. https://doi.org/10.1177/1742766518776679
- CPSU Central Committee USSR Council of Ministers Decree of July 8, 1974, No. 561. (n. s.). https://docs.cntd.ru/document/901853768 (In Russian).
- Dagaeva, E. A. (2017). Jevoljucija metodologicheskih podhodov k analizu ponjatija "Imidzh". Vestnik Taganrogskogo instituta upravlenija i jekonomiki, 2(26), 84–87. (In Russian).
- Dal'nevostochnyj Komsomol'sk. (n.d.). http://dvkomsomolsk.ru (In Russian).
- Dal', V. I. (n. d.). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. https://www.slovardalja.net (In Russian).
- Dobrosklonskaya, T. G. (2005). Issues in the Study of Media Texts. A Study of Modern English Media Speech. Editorial URSS. (In Russian).
- Dorodnov, E. V. (1980). Guidebook. Knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Dzialoshinsky, I. M. (2005). Manipulative Technologies in Mass Media. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, 2, 56–75. (In Russian).
- Dzialoshinsky, I. M., & Dzialoshinskaya, M. I. (2015). From Information Support to the Information Partnership. Theoretical and Practical Issues of Journalism, 4(4), 349–365. https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4(4).349-365 (In Russian).
- Fedorov, A., & Levitskaya, A. (2018). Comparative analysis of the development of mass media education in the Commonwealth of Independent States (CIS) countries. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 58(3), 39–62. https://doi.org/10.13187/me.2018.3.39
- Graber, D. A. (1997). Mass media and American politics. A division of congressional quarterly Inc.
- Kubryakova, E. S. (2012). In Search of the Essence of Language: Cognitive Studies. Znak. (In Russian).
- Levy, H. (2018). Disrupting the Old Periphery: Alternative Media, Inequality and Counter-Mapping in Brazil. Westminster Papers in Communication and Culture, 13(2), 61–76. https://doi.org/10.16997/wpcc.287
- Lyulko, A. N. (2012). Konceptual'nye aspekty formirovanija imidzha goroda. Sibirskij Mezhdunarodnyj, 14, 68–74. (In Russian).

- Oleynik, E. B., Schmidt, Y. D., & Karp, D. B. (2019). Outflow of Population from the Regions of the Russian Far East: Trends and Reason. *Jekonomicheskie nauki*, 12(181), 300–305. https://doi.org/10.14451/1.181.300 (In Russian).
- Parshina, O. D., & Ivanyan, E. P. (2020). Axiology of the Province Phenomenon in Russian Mass Media of the Beginning of the 21st Century. *Nauchnyi Dialog*, 8, 123–140. (In Russian).
- Petkova, O. V. (2016). Imaging the Country in Crisis Conditions. In L. V. Ostapenko & I. A. Subbotina (Eds.), Ethnosociology Yesterday and Today (pp. 277–281). Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Seidov, V. G. (2016). The place and role of mass and communication media in the system of international relations. Russian Journal of Regional Studies, 2(95), 107–116. (In Russian).
- State program "Social and Economic Development of the Far Eastern Federal District". (2019, November 10). http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/ (In Russian).
- Stier, S. (2018). Election Campaigning on Social Media: Politicians, Audiences, and the Mediation of Political Communication on Facebook* and Twitter. Political Communication, 35(1), 50–74. https://doi.org/10.1080/10584609.2017.1334728
- Togoshieva, N. E. (2010). Axiological Strategies of Argumentative Discourse (on the Material of Political Rhetoric). *Bulletin of BSU*, 11, 98–102. (In Russian).
- Ushakov, D. N. (n. d.). Ushakov's Dictionary. https://ushakovdictionary.ru (In Russian).
- Usov, P. (2019). City at the Origin of the Mainline: Komsomolsk-on-Amur Starting Point of the Bamsk Branches. https://gudok.ru/content/bam/1461282/ (In Russian).
- Vasilyeva, L. V. (2010). Rol' i funkcii SMI v sovremennom obshhestve. Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 50, 109–112. (In Russian).
- Voronina, N. I. (2012). Culture of Province in the Space of Contemporary Politics. Russian Journal of Philosophical Sciences, 12, 80–88. (In Russian).
- * Social network recognized as extremist in Russia

Список литературы

- Couldry, N. & Rodriguez, C. (2018). Media, Communication, and the Struggle for Social Progress. Global Media and Communication, 14 (2), 173–191. https://doi.org/10.1177/1742766518776679
- Fedorov, A. & Levitskaya, A. (2018). Comparative analysis of the development of mass media education in the Commonwealth of Independent States (CIS) countries. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 58 (3), 39–62. https://doi.org/10.13187/me.2018.3.39
- Graber, D. A. (1997). Mass media and American politics. A division of congressional quarterly Inc.
- Levy, H. (2018). Disrupting the Old Periphery: Alternative Media, Inequality and Counter-Mapping in Brazil. Westminster Papers in Communication and Culture, 13 (2), 61–76. https://doi.org/10.16997/wpcc.287
- Stier, S. (2018). Election Campaigning on Social Media: Politicians, Audiences, and the Mediation of Political Communication on Facebook* and Twitter. Political Communication, 35 (1), 50–74. https://doi.org/10.1080/10584609.2017.1334728
- Васильева, Л. В. (2010). Роль и функции СМИ в современном обществе. Вестник Амурского государственного университета, 50, 109–112.

- Воронина, Н. И. (2012). Культура провинции в пространстве современной политики. Философские науки, 12, 80–88.
- Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа. (2019, ноябрь 10). http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/
- Дагаева, Е. А. (2017). Эволюция методологических подходов к анализу понятия «Имидж». Вестник Таганрогского института управления и экономики, 2 (26), 84–87.
- Даль, В. И. (б. д.). Толковый словарь живого великорусского языка. https://www.slovardalja.net
- Дальневосточный Комсомольск. (n.d.). http://dvkomsomolsk.ru
- Дзялошинский, И. М. (2005). Манипулятивные технологии в масс-медиа. Вестник Московского университета, 2, 56–75.
- Дзялошинский, И. М. & Дзялошинская, М. И. (2015). От информационного сопровождения к информационному партнерству. Вопросы теории и практики журналистики, 4 (4), 349-365. https://doi.org/10.17150/2308-6203.2015.4(4).349-365
- Добросклонская, Т. Г. (2005). Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. Editorial URSS.
- Дороднов, Е. В. (1980). Путеводитель-справочник. Книжное издательство.
- Кубрякова, Е. С. (2012). В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. Знак.
- Люлько, А. Н. (2012). Концептуальные аспекты формирования имиджа города. Сибирский Международный, 14, 68–74.
- Олейник, Е. Б., Шмидт, Ю. Д. & Карп, Д. Б. (2019). Отток населения из регионов Дальнего Востока России: Тенденции и причины. Экономические науки, 12(181), 300–305. https://doi.org/10.14451/1.181.300
- Паршина, О. Д. & Иванян, Е. П. (2020). Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века. Научный диалог, 8, 123–140.
- Петкова, О. В. (2016). Имиджирование страны в кризисных условиях. В Л. В. Остапенко & И. А. Субботина (Ред.), Этносоциология вчера и сегодня (сс. 277–281). Институт этнологии и антропологии РАН.
- Сеидов, В. Г. (2016). Место и роль средств массовой информации и коммуникации в системе международных отношений. Регионология, 2 (95), 107–116.
- Тогошиева, Н. Е. (2010). Аксиологические стратегии аргументативного дискурса (на материалах политической риторики. Вестник Бурятского государственного университета, 11, 98-102.
- Усов, П. (2019). Город у истоков магистрали: Комсомольск-на-Амуре отправная точка бамовских ответвлений. https://gudok.ru/content/bam/1461282/
- Ушаков, Д. Н. (б. д.). Толковый словарь Ушакова. https://ushakovdictionary.ru
- Центральный комитет КПСС Совет Министров СССР Постановление от 8 Июля, 1974, No. 561. (б. д.). https://docs.cntd.ru/document/901853768
- * Социальная сеть, признанная в России экстремистской.

The Far Eastern Frontier of the 1990s: From "Fortress Territory" to New Forms of Regional Development

Angelina S. Vashchuk¹ & Nikolay S. Vorontsov²

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the RAS. Vladivostok, Russia

Received: 22 July 2022 | Revised: 19 October 2022 | Accepted: 26 October 2022

Abstract

The article analyzes the process of changing the content of the frontier over time, under the influence of radical liberal reforms. The development of the borderlands in dynamics is shown, taking into account the foreign policy factor. The vector of changes is revealed within the framework of the economic component and the mission of the Far East in modern national history and in the history of the development of Asia-Pacific Region (APR). A complex of political factors in the transformation of the frontier is revealed. It was concluded that the main feature of this process was various forms of reducing Russia's military presence in the region, partial demilitarization and the destruction of the military-industrial complex in the 1990s, and the acquisition of new characteristics by the Far Eastern borderlands. The authors come to the conclusion about the dominant role of the political factor in the transformation of the character of the Far Eastern frontier. Conversion and market reforms led to a rapid degradation of the material and social infrastructure of the frontier territories, where in the 1990s the military-industrial complex enterprises were city-forming. The ways of adapting the region to market relations turned the border area into a kind of trading factory; various flows of labor and different forms of organization of enterprises were involved. The first attempts to organize Free Economic Zones and joint ventures, as well as to implement the initial stage of the project of international transport corridors, contributed to the genesis of new features of the Far Eastern frontier.

Keywords

Frontier; Asia-Pacific Region; Russian Far East; Conversion; Border Areas; Demarcation; Demilitarization; Armed Forces; Migration; Socio-Economic Crisis

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

¹ Email: va_lina[at]mail.ru

² Email: nsv91[at]yandex.ru

Дальневосточный фронтир 1990-х годов: от «территории-крепости» к новым формам развития региона

Ващук Ангелина Сергеевна¹, Воронцов Николай Степанович²

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Владивосток, Россия

Рукопись получена: 22 июля 2022 | Пересмотрена: 19 октября 2022 | Принята: 26 октября 2022

Аннотация

В статье анализируется процесс смены содержания дальневосточного фронтира под влиянием радикально-либеральных реформ; в динамике показано развитие приграничья с учетом внешнеполитического фактора; вектор изменений раскрывается в рамках хозяйственно-экономической составляющей и миссии Дальнего Востока в современной отечественной истории и в истории развития Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Установлен комплекс политических факторов в трансформации фронтира; сделан вывод о том, что главной чертой данного процесса стали разные формы сокращения военного присутствия России в регионе, частичная демилитаризация и разрушение военно-промышленного комплекса в 1990-е гг., а также последующее приобретение дальневосточным пограничьем новых характеристик. Авторы приходят к выводу о доминирующей роли политического фактора в трансформации характера дальневосточного фронтира. Конверсия и рыночные реформы привели к быстрой деградации материальной и социальной инфраструктуры фронтирных территорий, где в 1990-е гг. предприятия ВПК были градообразующими. Способы адаптации региона к рыночным отношениям превращали приграничье в разновидность торговой фактории; были задействованы различные потоки рабочей силы и разные формы организации предприятий. Первые попытки использовать свободные экономические зоны и совместные предприятия, а также реализовать начальный этап проекта международных транспортных коридоров способствовали генезису новых признаков дальневосточного фронтира.

Ключевые слова

фронтир; Азиатско-Тихоокеанский регион; Дальний Восток России; конверсия; приграничные территории; демаркация; демилитаризация; вооружённые силы; миграция; социально-экономический кризис

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная</u>

¹ Email: va_lina[at]mail.ru

² Email: nsv91[at]yandex.ru

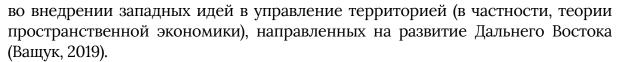
Введение

Понятие «российский Дальний Восток», учитывая временное пространство, сложное территориальное образование, не было статично: менялись его административные границы и управление. Еще более неоднозначным по своему содержанию является понятие «дальневосточный фронтир». Мы не будем останавливаться на истории инкорпорации данного термина в отечественную историческую науку, трактовках содержания этого концепта, так как об этом уже много написано в трудах российских исследователей (Бостан & Кузнецов, 2018; Крупенкин, 2018; Агеев, 2005), лишь обозначим главные признаки, которые учитываются в статье.

Под «фронтиром» понимается периферийная территория, подавляющая часть которой является пограничной. Важнейшей характеристикой дальневосточного фронтира на протяжении XIX–XX вв. являлась его специфическая роль в российском и советском цивилизационном комплексе: прежде всего – быть территорией, обеспечивавшей военную безопасность государства, и предоставлять стране природные ресурсы. В конце XX – начале XXI в. регион был и остается не только территорией контактов разных народов и культур, но и площадкой, где «встречаются» разные хозяйственные и социальные системы.

Дальневосточный регион примыкает к государственной на протяжении более 23 тыс. км и граничит с ведущими странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Свыше 60% муниципальных образоявляются приграничными, на территории которых проживает 2239,4 тыс. чел., или 36% численности населения соответствующих дальневосточных субъектов Российской Федерации. В целом в зону фронтира входит около 80% населения Федерального округа, 1329 населенных пунктов, в том числе 17 городов, 45 поселков городского типа и 1144 сельских поселения. На дальневосточных приграничных территориях расположено 43 пункта пропуска через государственную границу Российской Федерации, в том числе 29 из них размещено на российско-китайской, а 13 на российско-монгольской государственной границе; есть также один железнодорожный пункт пропуска на российско-северокорейской государственной границе (Сидоров, 2014).

В региональной истории военный фактор оказывал определяющее влияние на социальные, политические, экономические и культурные процессы на территории, что признается многими исследователями, в том числе и зарубежными (Ващук, 2015). В 1990-е гг. ХХ в. трансформация дальневосточного фронтира происходит под влиянием радикально-либеральных реформ. Важно подчеркнуть, что включение социально-экономической составляющей в содержательную трактовку понятия «фронтир» заставляет нас дополнить методологию изучения заявленной проблемы элементами исторической регионалистики, а также теории глобализации. Последняя позиция отражается

Российский Дальний Восток периода XX в. (до 1990-х гг.) характеризуется как территория-крепость (Каракин, 2014). Предшественники уже воссоздали историю Тихоокеанского флота, специфику создания укрепрайонов в приграничье в XX в., представлена также история военной авиации, раскрыты этапы становления и развития военной инфраструктуры в регионе, в том числе и меры по укреплению пограничных застав. Частично проанализировано состояние ВПК в 1990-е гг. на Дальнем Востоке. Большой вклад в историю ВПК внесли В.В. Дятлов (Дятлов, 2006), К.Ю. Колесниченко (Колесниченко, 2012). Е.Н. Чернолуцкая, изучив зарубежные публикации, пришла к что исследователи из других стран анализу военной сферы на Дальнем Востоке уделяли довольно пристальное внимание (Чернолуцкая, 2018). Состояние военной сферы чаще всего изучалось с точки зрения её потенциала и национальной безопасности, что вполне закономерно для такой проблематики. Новизна постановки проблемы заключается в анализе процесса смены характера и содержания дальневосточного фронтира под влиянием региональной политики и радикально-либеральных реформ в этом процессе с учетом внешнеполитического фактора. Ведется поиск ответа на вопрос, что пришло на смену сложившегося на протяжении XX в. содержания дальневосточного фронтира.

Политические импульсы смены статуса «территории-крепости»

Еще в годы «перестройки» М.С. Горбачёвым были предприняты крупные внешнеполитические инициативы в Европе, объединённые в научном и политическом дискурсе понятием «новое мышление». В литературе признается, что многие инициативы советской стороны часто сопровождались уступками США и западным ее партнерам. Такая внешнеполитическая позиция СССР ускорила наступление новой мировой ситуации: произошло снижение военно-политического противостояния Востока и Запада, социализма и капитализма (Дятлов, 2006, c.21).

Практически одновременно М.С. Горбачёв предпринял ряд шагов для улучшения отношений с Китайской Народной Республикой (далее КНР). Исходным рубежом новой политики Советского Союза в отношении КНР стала его речь во Владивостоке в июле 1986 г., положения которой были в дальнейшем дополнены в его выступлении в Красноярске в сентябре 1988 г. В этих речах отчетливо просматривались следующие инициативы: свертывание военного присутствия в Восточной Азии посредством вывода советских войск из Монголии и сокращения численности сухопутных и морских сил в

восточных районах СССР; улучшение советско-китайских отношений; нормализация отношений с Японией; установление дипломатических отношений с Южной Кореей в контексте оздоровления обстановки на Корейском полуострове. Следовательно, советское руководство намеревалось урегулировать региональные конфликты и улучшить двусторонние отношения со всеми странами региона, сократить до минимума или даже полностью свернуть военное присутствие за рубежом и радикально улучшить экономическую ситуацию на советском Дальнем Востоке, а в перспективе также повысить уровень жизни дальневосточников и усилить демографический потенциал. Однако в годы перестройки у правительства уже не было ни материальных, ни организационно-управленческих ресурсов, необходимых для развития территории и улучшения условий жизни дальневосточников.

Руководство СССР заявило об отказе от увеличения в азиатской части страны числа ядерных ударных средств наземного базирования и самолетовносителей ядерного оружия. Отказ от идеи распространения своего контроля на окружающие территории нашел практическое воплощение: из Монголии был полностью выведен советский воинский контингент. Под влиянием СССР к сентябрю 1989 г. Вьетнам вывел свои войска из Камбоджи. Тем самым были устранены препятствия для нормализации советско-китайских отношений с учетом условий, которые исходили со стороны КНР. Советско-китайское соглашение от 24 апреля 1990 г. о руководящих принципах взаимного сокращения вооружённых сил и укрепления доверия в военной области положило начало пересмотру взаимной военной политики и военно-техническому сотрудничеству (Филонов, 1999, с. 36).

Поиск решения внешнеполитических и внутренних задач применительно к Дальнему Востоку продолжался и после разрушения СССР, с приходом к власти либерального правительства и поддерживающего его Президента РФ Б.Н. Ельцина. Новая власть не только унаследовала внешнеполитическую линию М.С. Горбачёва, подтвержденную в ходе официального визита Президента России в Пекин в 1992 г., но и пошла на более радикальные меры. В совместной российско-китайской декларации 1992 г. указывалось, что Россия и Китай берут на себя обязательство решать все спорные вопросы исключительно мирными средствами, не применять силу и не прибегать к угрозе силой. Стороны обязались не участвовать в каких-либо союзах, направленных против другой стороны. Началась подготовка межправительственного соглашения о сокращении Вооружённых сил в приграничном районе до минимального уровня, необходимого для обороны (Казанин, 2008, с. 386).

Важным шагом вперед в деле военного сотрудничества стало заключение в 1996 г. многостороннего соглашения Российской Федерации с Китайской Народной Республикой и государствами Средней Азии об укреплении доверия в военной области в районе границы. Согласно положениям этого документа,

стороны обязались не использовать для нападения друг на друга вооружённые силы, не вести какую-либо военную деятельность, угрожающую другим сторонам и нарушающую спокойствие и стабильность в районе границы. Важным компонентом соглашения, имевшим позитивные последствия, стал принцип обмена информацией относительно численности личного состава, количества войск и военной техники в 100-километровой приграничной зоне (2008, с. 393).

Нормализация межгосударственных отношений с КНР выдвинула на передний план новые задачи в деятельности органов власти и управления, а также пограничных структур. В соответствии с постановлением правительства России от 5 мая 1993 г. были организованы работы по демаркации государственной границы с КНР на её восточном участке, с привлечением представителей Дальневосточного военного округа. Повышенное внимание уделялось проведению демаркационных работ на участках пограничных рек Амура и Уссури, а также расширению контактов по линии контрольно-пропускных пунктов через границу. Работа по демаркации границы предусматривала гидрографические изыскания: определение линии середины главного фарватера рек, распределение островов и наземные работ по установке пограничных знаков. В течение 1994 г. было определено 450 пограничных знаков (то есть 91% от общего объема работ), прорублено 166 км. пограничных просек (32% от общего объема работ), ликвидировано 28 сооружений на линии границы (33% от общего объема работ) (Дятлов, 2006, с. 25).

В июле 1994 г. было заключено российско-китайское межправительственное Соглашение о предотвращении опасной военной деятельности, подписанное главами оборонных ведомств РФ и КНР, П.С. Грачевым и Чи Хаотянем (Лу Сяоин, 2017, с. 114). По результатам визита Председателя КНР в Москву в 1994 г. большая часть границы между нашими странами получила юридическое оформление. Была достигнута договоренность о её проведении по главному фарватеру пограничных рек. 9 декабря 1999 г. в присутствии Б.Н. Ельцина и Цзян Цзэминя министры иностранных дел двух государств И.С. Иванов и Тан Цзясюнь подписали межправительственные Протоколы, содержащие описания линии российско-китайской государственной границы на её Восточном и Западном участках.

Одним из важных последствий российско-китайского сближения для дальневосточного фронтира в 1990-е гг. стала трансформация пограничного пространства Российской Федерации, включающего саму государственную границу, приграничную территорию, воздушное пространство и пункты пропуска через границу, в том числе транспортные переходы. Курс на экономическое сотрудничество с соседними странами АТР обусловил большую по сравнению с предыдущей эпохой открытость государственной границы для международной торговли. В то же время сохранилась необходимость охраны границы как важного элемента национальной безопасности, атрибута террито-

риальной целостности государства, обеспечивающего суверенитет и территориальную целостность страны (Филонов, 1999, с. 36).

Частичное решение в 1990-е гг. территориально-пограничного вопроса с Китаем и переход к политике добрососедства позволили избавить границу от постоянной угрозы вооружённых провокаций со стороны КНР и окончательно положили конец тридцатилетнему периоду тревожного ожидания военного столкновения на дальневосточных рубежах. Благодаря установлению конструктивного сотрудничества с пограничными структурами КНР появилась возможность предотвращать нежелательные происшествия и инциденты, а также вдвое сократить количество нарушений границы к середине 1990-х гг. (1999, с. 36–37).

Вместе с тем, несмотря на то, что соглашения между Россией и Китаем в целом позитивно повлияли на становление добрососедских отношений, в России новые договоренности воспринимались как начало ревизии территориально-пограничных договоров прошлых лет. Поскольку демаркация границы сопровождалась её корректировкой, уже на начальном этапе демаркационных работ в южных районах Приморского края стало очевидно, что фактически речь идёт об уступках спорных участков Китаю. Также эти опасения подтвердились при демаркации границы и определения судьбы спорных территорий в Хабаровском крае.

Хотя окончательное урегулирование проблемы принадлежности двух крупнейших спорных островов (Большого Уссурийского и острова Тарабарова) было отложено до середины 2000-х гг., в ходе более мелких уступок возникли дискуссии о необходимости пересмотра российско-китайских договорённостей и правовой оценке заключенных соглашений (Ткаченко, 1997, с. 207).

Таким образом, во внешней политике на Дальнем Востоке был урегулирован вопрос о демаркации границы с КНР (Ларин, 2006, с. 147–159). Дальнейшие официальные контакты, в частности, визит в 1995 г. Министра обороны РФ П.С. Грачёва в Китай и Южную Корею, также стали импульсами, повлиявшими на изменения военной составляющей дальневосточного фронтира. В ходе переговоров российская делегация предложила создать систему коллективной безопасности в АТР с участием шести государств: России, Китая, США, Японии, Северной и Южной Кореи. Соглашение о демилитаризации приграничной зоны с КНР подписать не удалось, поскольку требование китайской стороны о сокращении на 50 % количества вооружений и военной техники в стокилометровой полосе для России было неприемлемо. Российское правительство и военное командование понимали потенциальные риски.

Хотя рассмотренные основные внешнеполитические инициативы России в 1990-е гг. не были сбалансированы с точки зрения интересов нашей страны, тем не менее, они стали катализатором трансформации исторического характера дальневосточного фронтира. В целом, в 1990-е гг. новой характеристикой фронтира стала трансформация представлений о границе и приграничных

территориях. Теперь они в меньшей степени воспринимались как разделительный барьер, став зоной активных контактов и сотрудничества. Постепенно стал разрушаться имидж Дальнего Востока как преимущественно территориикрепости, начался реальный процесс разрушения ВПК в регионе.

Региональная политика как фактор трансформации Дальневосточного фронтира в 1990-е годы

В 1990-е гг. в дальневосточном приграничье протекало одновременно несколько процессов, которые создавали многослойность дальневосточного фронтира. Приграничные территории захлестнула волна неконтролируемой миграции из КНР (Ващук и др., 2014, с. 99–112), формировался транснациональный криминальный бизнес (Номоконов, 2001, с.139–219; 263–313).

Это проходило на фоне снижения роли военной составляющей в общем комплексе фронтирных характеристик. Данный вектор проявился в реорганизации войск, их сокращении, разрушении военной инфраструктуры в дальневосточном регионе. Попытки реформаторов осуществить программы конверсии, акционирование машиностроительных заводов, относящихся к оборонной промышленности, а затем их банкротство стали вызовом для фронтирного комплекса.

Главным доминирующим фактором оказалась крайне противоречивая и неустойчивая дальневосточная политика Центра после разрушения Советского Союза.

С одной стороны, прослеживалось явное стремление российских реформаторов изменить подход к развитию региона, что проявилось в ряде попыток разработать и реализовать федеральные целевые программы развития Дальнего Востока и его отдельных приграничных районов. В условиях глобализации попытки либералов имели поддержку и со стороны российских интеллектуалов. Отечественные ученые, экономисты и географы в постсоветский период активно поддерживали теорию пространственной экономики (Гранберг, 2009, с. 20), которая стала теоретическим фундаментом для внедрения программно-целевого метода управления территориями (Ващук, 2019, сс. 10-12).

Пик интереса к теоретическим разработкам пространственной экономики по времени совпадает со сменой политического режима в стране и с началом формирования нового поколения российской бюрократии, для которой подготовка разнообразных программ, написание концепций развития восточных районов России, является одной из форм ее существования. Конституционная реформа привела к установлению новой формы государственной власти, разделению полномочий и компетенций между Центром и субъектами РФ. Правительство реформатов провозгласило переход к программно-целевому принципу. Но на практике эта идея также настойчиво продвигалась «снизу»

управленцами регионального звена. В отличие от представителей федерального центра, они использовали её не как регулятор развития Дальнего Востока, а как источник дополнительного бюджетного финансирования для преодоления критических состояний, что достаточно ярко прослеживалось на Сахалине, Курилах (Чернолуцкая, 2020b, с. 116–117) и Северо-Востоке (Ващук, 2020, с. 44).

С другой стороны, советники Президента Б.Н. Ельцина с либеральным мировоззрением, готовившие ему документы и доклады, относились к региону как «бремени». Ярким свидетельством является позиция, отражённая в Президентском послании Б.Н. Ельцина Федеральному собранию 1999 г., в котором Сибири и Дальнему Востоку отведена роль отягчающего фактора в процессе перехода к рыночной экономике (Ельцин, 1999).

Относительному успеху «проталкивания» целевых программ по Дальнему Востоку, то есть приобретению нового имиджа дальневосточного фронтира, в значительной степени способствовал не только геополитический фактор, но и возникшая у Б.Н. Ельцина острая необходимость наладить отношения с региональными руководителями.

В условиях ослабления позиций Центра, усиления региональных элит и обострения социальной напряженности в 1996 г. была принята Президентская целевая программа развития Сибири и Дальнего Востока. Анализ её воздействия на изменения в приграничье показывает, что эту программу трудно назвать реальным механизмом поддержки региона и замещения военнопромышленного характера территории новой моделью. Это был инструмент заигрывания с элитой и населением региона накануне вторых президентских выборов в России. Как справедливо сказал член Совета федерации В.А. Штыров:

«Правительство Ельцина утвердило программу, которую и не собирались выполнять. Это привело к тому, что к началу нулевых годов на Дальнем Востоке сложилась угрожающая ситуация. Вот почему после её анализа президент России в 2006 г. собрал Совет безопасности, на котором им было сказано, что если мы не предпримем мер по закреплению там людей, то мы можем потерять Дальний Восток» (Штыров, 2020).

Программа оказалась провальной и показала наихудший результат среди всех проектов развития Дальнего Востока в XX в. Военно-промышленный комплекс в регионе разрушался еще более активно, чем в конце перестройки, а результаты программно-целевого планирования обернулись для дальневосточного фронтира проявлением деструктивных черт. Заметим, что и позднесоветская программа развития Дальнего Востока, принятая в 1987 г., фактически была провалена (Ващук, Савченко, и др., 2014, с. 106).

Попытка придать дальневосточному фронтиру новый облик подкреплялась господствовавшей в умах политической и либеральной научной элиты того времени идеей «созидательного разрушения» (Савченко, 2018, с. 105).

Её суть можно выразить формулой: чем сильнее разрушится прежняя экономическая структура, выступающая в роли сковывающих цепей, тем легче выстроится рыночная экономика; и чем больше тот или иной регион будет ориентироваться на свои собственные силы, тем значительнее будет его выигрыш в дальнейшем. Наиболее ярко позицию разрушения советской экономической системы отражали политики, проводившие курс на приватизацию. Среди них, помимо А.Б. Чубайса, также выделялись руководитель рабочей группы при председателе Правительства России и будущий министр экономики Е.Г. Ясин, заместитель министра финансов С.В. Алексашенко, а также авторы экспертного доклада, подготовленного в ноябре 1993 г. влиятельной организацией «Российский союз промышленников и предпринимателей», который был рекомендован к изучению региональным администрациям. В докладе Дальний Восток рассматривался как безнадёжная территория с сильными сепаратистскими настроениями и в перспективе «...как зона освоения для соседних государств с незначительными элементами государственного управления на местном уровне» (Савченко, 2018, с. 106).

В реальности решение проблемы сепаратизма на Дальнем Востоке для федерального Центра не было приоритетной задачей вследствие крайне ограниченных масштабов сепаратистских тенденций в регионе, хотя отдельные проявления стремления к суверенитету могли дать повод для беспокойства. С конца 1980-х гг. звучали предложения по уточнению статуса Дальнего Востока в составе СССР и России, возникли инициативные группы по воссозданию Дальневосточной республики. Подобные группы существовали во многих регионах Дальнего Востока, однако не имели поддержки властей и сами располагали лишь незначительной поддержкой и политическим влиянием, недостаточным для осуществления своих идей.

Если возможность получения статуса республики (или близкого к республиканскому) и обсуждалась в областных и краевых органах власти, то в основном не с целью обретения независимости, а вследствие стремления к экономическому суверенитету и бюджетно-финансовой автономии. Так, летом 1993 г. Приморский краевой Совет народных депутатов обсуждал вопрос о приобретении регионом республиканского статуса, однако отложил окончательное решение вопроса, а затем и вовсе отказался от этой инициативы (Ващук, 1997, с. 105–106). Как показали дальнейшие события, «суверенизация» Приморья была остановлена на самом раннем этапе и не представляла угрозы для территориальной целостности страны.

Что же касается работы единых для Дальнего Востока координационных органов, то до создания в 2000 г. Дальневосточного Федерального округа подобных структур, способных управлять политическими процессами и социально-экономической деятельностью, не существовало. Несмотря на попытку консолидации усилий дальневосточных субъектов России, воплотившуюся

в проект Дальневосточной ассоциации, тесная интеграция регионов друг с другом в 1990-е гг. не состоялась (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 50).

Демилитаризация Дальневосточного фронтира

В условиях нарастающего кризиса правительство РФ, оценивая внешнеполитическую обстановку в АТР как относительно стабильную, экономило государственные средства на поддержку ВПК. При этом пропагандировался тезис о необходимости снижения военной составляющей в регионе и возможностью компенсировать позиции России за счет наращивания экономического влияния в АТР. И если наращивание экономического влияния на первых порах натолкнулось на значительные трудности и потребовало длительного времени, то снижение военного присутствия в регионе шло ускоренными темпами.

Как отмечает генерал-лейтенант В.В. Дятлов, масштабная реорганизация и сокращение войск на Дальнем Востоке начались после владивостокских мирных инициатив М.С. Горбачёва 1986 г. (Дятлов, 2006, с. 65). Частичная демилитаризация Дальнего Востока была обусловлена изменением внешнеполитической ситуации, в особенности преодолением советско-китайского раскола и улучшением отношений (как оказалось, временным) с США и их союзниками в Азиатско-тихоокеанском регионе. В связи с этим Центр посчитал, что отпадает нужда держать в пограничных районах почти полумиллионную группировку Вооружённых сил, требующую год от года значительных затрат материальных ресурсов государства.

С другой стороны, даже в предшествующие десятилетия, на пике военной угрозы со стороны соседней КНР, снабжение и обеспечение дальневосточной группировки советских войск и флота необходимой инфраструктурой зачастую не поспевало за темпами наращивания Вооружённых сил. Всё возрастающая концентрация соединений сухопутных войск, авиации и флота в приграничных районах Дальнего Востока и Забайкалья требовала обеспечить им надёжный тыл в виде соответствующей инфраструктуры, путей сообщения, ремонтной и продовольственной базы. Также была отчетливо видна необходимость в расширении сети военных учебных заведений.

Южные районы Дальнего Востока в последние годы существования СССР оставались территорией с высокой концентрацией войск (Костров & Скрипучий, 2014, с. 258). К началу 1990-х гг. все рода войск, включая военновоздушные силы и военно-морской флот, находились в подчинении Главного командования войск Дальнего Востока. Данная структура, созданная еще в 1979 г. в связи с обострением отношений с КНР и возросшей угрозой прямого военного столкновения (Феськов и др., 2013, с. 89), отвечала за руководство Вооружёнными силами на всём стратегическом направлении и объединяла под своим началом Дальневосточный и Забайкальский военные округа, а также Тихоокеанский флот ВМФ СССР (Феськов и др., 2013, с. 41).

На 1990 г. Дальневосточный военный округ располагал 370 тыс. человек личного состава и почти 15 тыс. единиц бронетехники. Кроме того, в начале 1990-х гг. округ пополнился рядом частей и соединений, выводимых из стран бывшего Варшавского договора (2013, с. 585). Соседний Забайкальский военный округ, охватывавший значительную часть территории нынешнего Дальнего Востока, насчитывал в своём составе 260 тыс. человек и более 7 тыс. танков и бронемашин (2013, с. 569).

Необходимо отметить, что в предшествующие годы округ хоть и считался передовым, но, тем не менее, вследствие перенасыщенности войсками, испытывал значительные трудности с военной инфраструктурой и объектами жизнеобеспечения. Наилучшим образом были обустроены войска округа, расположенные на территории соседней Монголии. Что же касается остальных частей и соединений, то многие из них сталкивались с проблемами, вызванными недостатком и несовершенством казарменного фонда, перебоями с топливом и водоснабжением, а также слабой развитостью дорожной сети (Постников, 2004). В 1989 г. на территорию округа были выведены советские воинские соединения из Монголии, тем самым утратившие удобные пункты дислокации. К ним также добавились некоторые воинские части из Восточной Европы. К моменту распада СССР в округе уже прочно вошла в обиход практика расформирования частей и соединений, либо преобразования их в базы хранения военной техники с соответствующим сокращением личного состава (Феськов и др., 2013, с. 569).

Со стороны России были приняты меры по реорганизации органов военного управления. Уже летом 1992 г. произошло упразднение Главного командования войск Дальнего Востока, напоминавшего о грозной и тревожной эпохе советско-китайского раскола (2013, с. 91). Продолжилось сокращение личного состава и вооружений в войсках Забайкальского и Дальневосточного военных округов. В 1998 г. последовала ликвидация Забайкальского военного округа, утратившего к тому времени значительную часть своего прежнего боевого потенциала, и его раздел между Сибирским и Дальневосточным военными округами.

В отличие от приграничных военных округов, усиление которых в 1970-80-е гг. было оправдано сдерживанием угрозы со стороны соседнего Китая, развитие Тихоокеанского флота ВМФ СССР обусловливалось иными стратегическими задачами. Основным вероятным противником СССР в Тихом океане считались военно-морские силы блока НАТО, в первую очередь – ВМС Соединённых Штатов Америки. С середины 1980-х гг. флоту ставилась задача в случае вооружённого конфликта уничтожить наземные объекты и ударные группировки военно-морских сил противника в ответно-встречных ударах (Половинкин и др., 2013, с. 458).

Тихоокеанский флот к концу 1980-х гг. являлся одним из крупнейших стратегических объединений ВМФ СССР как по количеству кораблей и судов

обеспечения, так и по масштабу возлагаемых на него задач. Личный состав Тихоокеанского флота к началу 1990-х гг. достиг 140 тыс. человек (Колесниченко, 2012, с. 121). Корабельный состав Тихоокеанского флота также рос быстрыми темпами, пополняясь новейшими кораблями всех типов, включая тяжёлые авианесущие крейсеры и атомные подводные лодки.

Поскольку значительная часть сил флота находилась в пунктах базирования на территории Приморского края, именно здесь, на Юге Дальнего Востока, сложилась система закрытых поселков и военных городков, существование которых было полностью завязано на обеспечение нужд военнопромышленного комплекса. Базирование значительной группировки осуществлялась в заливах и бухтах Владивостока. Здесь располагался штаб Тихоокеанского флота и военные учебные заведения, готовившие личный состав. Ещё одним местом размещения сил ТОФ стал залив Стрелок, обеспечивающий базирование надводных кораблей и подводных лодок. В Приморье также существовала сеть аэродромов морской авиации. С 1960 г. и до распада СССР для Тихоокеанского флота было введено в строй 75 военных городков (Колесниченко, 2012, с. 120).

Протяжённая береговая полоса также позволила создать систему базирования и тылового обеспечения на территории Хабаровского края, в том числе в заливе Советская Гавань и в Комсомольске-на-Амуре, на Сахалине и Курильских островах, в бухте Нагаево Магаданской области. К 1980-м гг. развитая инфраструктура для базирования подводных сил, способных действовать в отдаленных частях Тихого океана, была успешно создана на Камчатке. Кроме того, корабли флота, несущие боевую службу в Тихом и Индийском океанах, имели в своём распоряжении пункт материально-технического обеспечения во вьетнамском потру Камрань.

Среди объектов военно-промышленного комплекса ведущую роль играли судостроительные и судоремонтные предприятия, работавшие на нужды Тихоокеанского флота. К концу 1980-гг. работало три судоремонтного завода в Приморье, еще два на Камчатке и один в Хабаровском крае, а также три десятка судоремонтных мастерских различного профиля (Семёнов, 2020).

К моменту распада СССР обозначались проблемы, связанные с количественным ростом корабельного состава и береговых частей. В ряде случаев инфраструктура не поспевала за растущими нуждами флота. Так, от отсутствия надлежащей тыловой инфраструктуры и из-за необходимости базирования на открытых рейдах страдали крупнейшие корабли Тихоокеанского флота – тяжёлые авианесущие крейсеры «Минск» и «Новороссийск». Даже во время нахождения на базе они были вынуждены поддерживать в рабочем состоянии котлы и генераторы, расходуя их ресурсы для обеспечения жизнедеятельности экипажа, что отрицательно сказалось на сроке службы кораблей (Заблоцкий, 2004, с. 26).

Судоремонтные мощности Дальзавода лишь отчасти могли поддерживать эти корабли в надлежащем состоянии, а для капитального ремонта «Минска» в 1991 г. был запланирован его переход в Николаев на Черноморский судостроительный завод, не состоявшийся из-за распада СССР. В результате в 1992-1993 гг. оба корабля были разоружены, поставлены на консервацию в Советской Гавани, а вскоре окончательно списаны и проданы в Южную Корею. «Минск» в конечном итоге избежал утилизации, так как был приобретен частной фирмой из Китая, превратившей его в музейно-развлекательный комплекс (2004, с. 27).

С 1990-х гг. бюджет России уже не мог обеспечить должного финансирования флота для поддержания его на прежнем уровне боеспособности. Практически полностью прекратилось строительство новых крупных кораблей. Медленными темпами велась достройка лишь тех из них, что были заложены ещё в советское время. Подобная ситуация катастрофически сказалась на состоянии отечественного военного кораблестроения. Интенсивное сокращение корабельного и личного состава флота усугубилось также прекращением с 1994 г. строительства новых средств технического обеспечения (Половинкин и др., 2013, с. 492).

Процесс разоружения, консервации и утилизации, набиравший обороты в 1990-е гг., коснулся кораблей всех типов. Но особенно заметной и чувствительной стала убыль в крупных надводных кораблях и атомных подводных лодках. Первое значительное сокращение пришлось на конец 1980-х гг., но тогда оно коснулось преимущественно устаревший кораблей. Были выведены из состава ТОФ артиллерийские крейсеры (Бережной, 1995, с. 4) и эсминцы (1995, с. 27) 1950-х гг. постройки. В 1990-е гг. масштабы и темпы разоружения возросли в разы, не пощадив на этот раз даже наиболее «статусные», но чрезвычайно дорогие в эксплуатации корабли. Помимо двух тяжёлых авианесущих крейсеров, боевой состав Тихоокеанского флота в 1990-е гг. покинул единственный числившийся в его составе тяжёлый атомный ракетный крейсер «Адмирал Лазарев» (бывший «Фрунзе») (Половинкин и др., 2017, с. 570) и значительное количество больших противолодочных кораблей (Бережной, 1995, с. 15). Часть крупных надводных кораблей были отправлены на капитальный ремонт, затянувшийся на долгие годы (1995, с. 32). Не менее стремительно шло сокращение подводных сил. К 2005 г. из состава Тихоокеанского флота было выведено 77 атомных подводных лодок, многие их которых затем долгое время ожидали своей очереди на утилизацию (Половинкин & Фомичев, 2012, с. 93).

Губернатор Приморского края Е.И. Наздратенко, обеспокоенный данной ситуацией, в том числе отсутствием финансирования судоремонтных работ на предприятиях края, писал первому заместителю Председателя Правительства РФ А.А Большакову:

«К 2000 году при существующих объемах финансирования флот будет иметь в своём составе всего 11(!) кораблей, способных выполнять поставленные задачи» (ГАПК. Ф. П-1694. Оп. 1 Д. 586. Л. 26).

Прошедшая реорганизация Вооружённых сил в восточных районах страны показала, что она была сориентирована на сдерживание скорее американо-японской угрозы. Россия заявила об отказе от увеличения в азиатской части страны числа ядерных ударных средств наземного базирования и самолетов-носителей ядерного оружия.

Как подчёркивает Л.Н. Гарусова, сокращение военного присутствия России на Тихом океане происходило в условиях сохранения военно-политического доминирования США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Несмотря на то, что американские вооружённые силы подверглись реорганизации и частичному сокращению, тем не менее, к 1995 г. они сохранили крупную боеспособную группировку на Тихом океане, а также все основные пункты базирования в Южной Корее и Японии. Кроме того, сокращение вооружённых сил США было компенсировано привлечением союзных сил Японии, Южной Кореи и Филиппин для поддержания военного превосходства и отстаивания американских интересов (Гарусова, 2001, с. 72).

Расформирование российских воинских частей на Дальнем Востоке в большинстве случаев сопровождалось разрушением всей инфраструктуры военных объектов и военных городков. Показательным примером может служить судьба военных городков Приморского края – Лётно-Хвалынского, Корфовки, Хороля, Барабаша, Ракушки (Ващук, 1993). Часть техники была выведена из боевого состава и фактически брошена на произвол судьбы, другая была утилизирована по контрактам рядом коммерческих фирм и по цене металлолома продана за рубеж, здания были выставлены на аукцион. Покинутые военные городки превращались в руины, усиливая разрушающийся облик дальневосточного приграничья.

Оборонные предприятия включились в новую для них форму деятельности. Тихоокеанский флот в 1994-1996 гг. стал использовать рыночные инструменты. Так, через Центральное управление материальных ресурсов и внешнеэкономических связей Министерства обороны РФ, военные управленцы реализовали 94 списанных корабля водоизмещением 211 тыс. т. Эти корабли продавались иностранным фирмам, которые разделывали их на металлолом. В 1996 г. при поддержке В.С. Черномырдина Правительство РФ устранило таможенные барьеры, препятствовавшие разделке списываемых кораблей на оборонных предприятиях Приморского края и продаже их за рубеж. В крае был создан Дальневосточный региональный центр комплексной утилизации (ГАПК. Ф. П-1694. Оп. 1. Д. 586. Л. 27). В приграничье появились и частные фирмы, которые стали на этом хорошо зарабатывать.

Утилизация зачастую шла примитивными способами и без учета потенциала того или объекта. Расформирование авиачастей в большинстве случаев

сопровождалось разрушением всей инфраструктуры аэродромов и авиабаз. В рамках реформирования вооружённых сил в конце 1990-х годов ВВС и ПВО были объединены, при этом некогда мощная группировка сократилась по численности авиаполков в три раза, а по количеству самолётов почти в шесть раз. На территории Приморского края осталось два истребительных и два штурмовых полка, разведывательный и вертолётный полки, а также один смешанный авиаполк и несколько авиаэскадрилий, имевших на вооружении около 100 самолётов и вертолётов (Колесниченко, 2013, с. 103).

Сокращение состава и численности войск и флота сопровождалось резким ухудшением материального обеспечения войск и прекращением военно-оборонного строительства. Еще 22 января 1993 г. Президентом России Б.Н. Ельциным был подписан Закон РФ «О статусе военнослужащих», призванный смягчить последствия сокращения вооружённых сил и обеспечить гарантии действующим и увольняемым в запас военнослужащим. Однако он, как и большинство нормативных документов из так называемого «пакета военных законов», в условиях внедрения рыночных отношений не выполнялся.

Либеральная политическая элита способствовала ослаблению миссии Дальнего Востока как территории – форпоста России, о чём свидетельствует пример из сферы дипломатии. В 1990 г. между СССР и США в лице Э. Шеварднадзе и Дж. Бейкера было заключено Соглашение по разграничению морской акватории в Беринговом море (Ткаченко, 2008, с. 85). К США отошёл участок 200-мильной советской экономической зоны, чья площадь, по информации В.К. Зиланова, составила 7,7 тыс. кв. км. В СССР данная зона интенсивно использовалась для рыболовства, промысловые суда страны ежегодно вылавливали около 150 тыс. т рыбы ценных видов (Зиланов, 1997). Уступка данного морского района нанесла экономический ущерб интересам СССР и России и фактически на следующие 20 лет определила негативные последствия для трансграничной интеграции.

Кроме того, в 1990-е гг. на Северо-Восток, как на другие территории региона, стали приходить зарубежные компании, которые усиливали позиции иностранцев в приграничье. Самая восточная российская пограничная застава – на Чукотке – пережила реорганизацию и своими силами охраняла побережье длиною почти пять тысяч километров, имея всего два стареньких вертолёта МИ-8 с, несколько вездеходов и ни одного катера. «Хотя еще десятилетие назад побережье Берингова моря напоминало неприступный укрепрайон – гласит источник. – Но сейчас здесь нет ни одного подразделения ПВО. Все северо-восточное побережье Чукотки, а значит, и России полностью открыто для любого самолета-нарушителя». Исследованием на Чукотке в 1990-е гг. в основном занимались американские биологи и археологи. Даже природный парк-заповедник «Берингия» оказался под патронажем США (Мордванюк, 2000).

С начала 1990-х гг. в ряде случаев государственные и муниципальные органы стали воспринимать военных на своей территории как обузу, сдерживающую социально-экономическое развитие. Во Владивостоке, например, стремление к преодолению закрытого статуса города способствовало критике в адрес военных. Еще в 1990 г. Владивостокский городской Совет и исполком, обсуждая вопросы землепользования в черте города, разработали план поэтапного возвращения земель, занимаемых воинскими частями Дальневосточного военного округа и Тихоокеанского флота в муниципальную собственность. По результатам проделанной работы предполагалось предъявить счёт структурам Министерства обороны за пользование землей. Кроме того, обилие военных организации, воинских частей, значительное отчуждение обширных территорий под нужды Министерства обороны и высокий удельный вес оборонного комплекса были признаны факторами, тормозящими развитие приморской столицы. (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 61).

Дискуссии между гражданскими властями и Министерством обороны также были вызваны спорами о судьбе военных аэродромов в Партизанском районе, один из которых («Николаевка» либо «Золотая Долина», впоследствии выбор был сделан в пользу второго варианта) краевые власти и администрация города Находки планировали включить в состав свободной экономической зоны и создать на его базе международный аэропорт. (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1325. Л. 31)

Внедрение рыночных отношений привело к тому, что некоторые ведомства по отношению к военным организациям стали вести себя крайне прагматично и даже жестко.

Например, дальневосточные энергетики отключали от центрального теплоснабжения не только штабы воинских частей И учреждения, но и казармы, где проживал личный состав. Министерство обороны уже в 1992 г. задолжало предприятиям Приморского края 700 млн. руб. (ГАХК. Ф. 2061. Оп. 1. Д. 197. Л. 4) «К осени 1996 г. в плане финансирования в округе сложилась катастрофическая обстановка. По состоянию на 1 сентября 1996 г. задолженность правительства по выплате денежного довольствия военнослужащим и заработной платы гражданскому персоналу ВС превышала 6,1 трлн. руб. Выделенные в августе ассигнования позволили обеспечить лишь 2,3 % потребности войск» (Дятлов, 2006, с. 83). Вследствие тяжелых условий службы, по состоянию на середину июня 1994 г. в округе около 2 тыс. офицеров не подписали контракт о прохождении военной службы. Немалое количество офицеров уходило по организационно-штатным мероприятиям, в связи с расформированием или реорганизацией соединений и частей. Министерство обороны в нарушение Постановления Правительства об оборонном заказе на 1996 г. самовольно уменьшило в договоре с заводом «Вымпел» государственный заказ в три раза (ГАХК. Ф. 2050. Оп. 1. Д. 101. Л. 3).

Важнейшей характеристикой трансформации дальневосточного фронтира стало разрушение предприятий военно-промышленного комплекса в условиях развития рыночной экономики и новой региональной политики Центра. В 1990 г. на Дальнем Востоке доля военно-промышленного комплекса составляла 9% от общего объема промышленного производства. Более 60% предприятий оборонного значения размещалось в Хабаровском крае, 35% в Приморском крае и 4% в Амурской области (Гудкова, 1999, с. 74).

В общем объеме машиностроения доля продукции предприятий ВПК составляла 71%, а в общем выпуске продукции оборонного значения Дальнего Востока – около 50%. Ведущее место в оборонном комплексе края занимало судостроение и авиационная промышленность, на долю которых приходилось 80% производимой продукции.

На предприятиях оборонного комплекса были сконцентрированы современные по тем временам технологии, мощный производственно-технический, кадровый потенциал. В Хабаровском крае на предприятиях ВПК непосредственно было занято более 20% от общей численности работающих в промышленности, а вместе с его обслуживанием – треть трудоспособного населения края.

Новые принципы хозяйствования, подкреплённые переменами во внешней и военной политике, подтолкнули руководство страны к идее конверсии, то есть переориентации оборонной промышленности на выпуск гражданской продукции и производство товаров, не связанных с военными нуждами. Несмотря на то, что идея конверсий активно обсуждалась ещё в годы перестройки, к моменту распада СССР она не была подкреплена нормативноправовой базой, а механизмы осуществления конверсии так и получили апробации.

Федеральные власти России дважды, в 1992 и в 1998 гг., пытались закрыть эту брешь путём принятия законов о конверсии оборонной промышленности. Предполагалось поставить этого процесс под государственный контроль, взяв за основу наработки советского времени. Однако выполнение первой государственной программы конверсии, равно как и двух последующих (рассчитанных на 1993-1995 гг. и 1995-1997 гг.), потребовало значительных капиталовложений из федерального бюджета. Реальный же объем выделенных средств оказался катастрофически низким. В Приморском крае федеральное финансирование сумело покрыть менее 1% необходимых средств, а в отдельные годы деньги не поступали вовсе. В Хабаровском крае первоначально финансирование программ конверсии составляло 15% от необходимого объема средств, но в 1996-1997 гг. средства также перестали поступать. На предприятиях, подвергшихся конверсии, спад производства гражданской продукции шёл опережающими темпами по сравнению с выпуском продукции военного назначения. К 1997 г. конверсионные предприятия Приморского края сохра-

нили лишь 11,5% объема производства гражданской продукции и 14% военного госзаказа от уровня 1992 г (Гудкова, 1999, с. 75).

Как следует из справки «Основные направления деятельности предприятий ВПК Приморского края в 2000-2003 гг. (ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 1010. Л. 2-3), программы конверсии реализованы не были. Конверсия проходила в условиях огромной задолженности предприятиям Дальнего Востока по гособоронозаказу, что поставило их на грань банкротства.

В регионе было проведено акционирование машиностроительных заводов, производивших технику и оборудование для нужд армии. В Хабаровском крае приватизации избежало только Авиационное объединение им. Ю.А. Гагарина (КнААПОО). Ярким примером разрушительных последствия акционирования стал завод «Остон», производивший в последние годы советской власти 11 кораблей в год. В мае 1994 г. завод был преобразован в АООТ «Остон», в октябре 1996 г. АООТ преобразовано в ОАО «Остон-завод имени С.М. Кирова». После акционирования завод постепенно сокращал выпуск продукции и попал в процедуру банкротства. 10 ноября 2000 г. в отношении «должника ОАО «Остон – завод им Кирова» введено внешнее управление. Решением Арбитражного суда Хабаровского края от 6 декабря 2001 г. завод был признан банкротом. К началу 2010-х гг. первый цех, в котором собирались преимущественно рыболовные траулеры и десантные баржи, был заброшен, в 2013 г. он был разобран на металлолом (ГАХК. Ф. Р-1134. Оп. 6 Д.66. Л. 58-70, 60-62).

Таким образом, ослабление российского военного присутствия в 90-е гг. на Дальнем Востоке по сравнению с 60-80 гг. ХХ вело к определенной трансформации роли дальневосточных приграничных территорий в российском пространстве и в АТР. Многие руководители предприятий ВПК видели выход в производстве продукции на экспорт. В 1995 г. были проданы 5 самолетов СУ-27 Вьетнаму, в 1996 г. Китаю планировалось продать 16 самолетов этого типа. Как выразился В.М. Тевелевич: «Амурлитмаш, выпускавший мины, мы похоронили». Военное ведомство за три года заказало мольску-на-Амуре всего 3 самолета, при этом Китай заказал заводу 15 самолетов, что составило 30% загрузки мощностей завода (ГАХК. Ф. 2050. Оп. 1. Д. 362. Т. 1. Л. 6-10). Отношение местных руководителей и Центра к сохранению ВПК на Дальнем Востоке было различным. Региональные лидеры все-таки пытались сохранить многие предприятия.

Дальневосточный фронтир приобретает облик торговой фактории

Так называемая трудовая миграция из КНР стала одним из каналов проникновения в регион китайских потребительских товаров и создания большого числа китайских рынков (Ващук, Друзяка, и др., 2014, с. 125) и рынков,

возникающих на обломках советской распределительной системы, с использованием прежней советской торговой инфраструктуры.

С первой половины 1990-х гг. китайская миграция получила дополнительный импульс вследствие отмены визового режима между Россией и КНР. Занятость мигрантов в России отличалась разнообразием: часть из них была задействована в сельском хозяйстве, лесозаготовках и строительной индустрии. Но все же значительную и наиболее заметную категорию мигрантов из Китая составили лица, специализирующиеся на трансграничной торговле. На фронтирных территориях возникли крупные торговые китайские рынки. Одним из первых городов, где китайские мигранты организовали бойкую торговлю, был Благовещенск. В Уссурийске приезжие китайцы создали огромный рынок с развитой обслуживающей системой, здесь находились общежитие для мигрантов-торговцев, точки питания с китайской кухней и даже отделение банка. Во Владивостоке сначала появилась торговая улица, а затем возник рынок на «Спортивной».

В условиях растущей безработицы, разрушения военных городков население приграничных городов и сел приобретало навыки новой профессии. Бывшие учителя, медицинские работники, рабочие инженеры пополняли ряды торговцев. В повседневности приграничья возникли новые термины, характеризующие социально-культурные изменения в дальневосточном фронтире. Например, вошли в обиход термины «кирпичи» и «челноки» для обозначения людей, занятых в сфере трансграничной торговли.

Экономические отношения между торговцами и населением не просто становятся одной из форм социальных контактов в приграничных городах и населенных пунктах, но и срастаются с социальными реалиями последствий реформ. Таким образом, миграция из КНР сформировала новую черту дальневосточного фронтира и стимулировала создание нового микросоциума на Дальнем Востоке России. Оптовый рынок становился не только местом встречи разных социальных практик, пришедших из КНР, Азербайджана, Армении, но и формой выживания населения.

Попытка властей в 1992 г. предоставить льготу Дальнему Востоку в виде возможности оставлять на территории часть валютной выручки от экспорта товаров виде региональных квот и зачисления её в бюджеты не дала ожидаемого результата, как, впрочем, и другие инициативы по Дальнему Востоку. Полностью было выполнено лишь одно обещание Ельцина – 1 января 1992 г.: Владивосток стал открытым городом (Указ Президента РСФСР «Об открытии г. Владивостока для посещения иностранными гражданами», 1991).

Переход к экономике рыночного типа заметно повысил роль приграничных территорий с высокой долей ресурсодобывающей промышленности. С началом осуществления экономической реформы внешняя торговля Дальнего Востока получила импульс интенсивного роста, что предопределило вектор изменений в дальневосточном фронтире. Если в дореформенный

период среднегодовые темпы роста экспорта составляли порядка 5%, то в пореформенный период превышали 17%. При этом, по мере продвижения реформы, внешняя торговля приобретала особое значение. Такие события государственного масштаба, как принятие Российской Федерации в организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (далее АТЭС) в 1997 г., позволили подписать крупные контракты в военно-технической области с Индонезией, Индией, КНР и Вьетнамом. Однако экономика России явно не отвечала критериям членства в этой организации – на торговлю со странами АТР приходилось лишь 9,6% ее товарооборота, а доля России в суммарном объеме внешней торговли стран АТР была меньше 1%.

Переход России к рыночным отношениям привел к тому, что на её восточной периферии встретились разные системы предпринимательства: России-Китая, России-Японии, России-Южной Кореи и даже России и КНДР. Дальневосточное предпринимательство первоначально развивалось в сырьевых отраслях, например, в рыбной и лесной. Это способствовало развитию теневого сектора. Остальные отрасли экономики и социальная сфера находились в глубокой депрессии, приводя к массовому оттоку населения.

Становление предпринимательства на Дальнем Востоке в новых условиях столкнулось с необходимостью встраиваться в социокультурную среду соседних стран АТР. Однако новая бизнес-среда Дальнего Востока далеко не сразу сумела усвоить зарубежные этические стандарты деловых отношений. Наибольшие трудности заключались в различном понимании ответственности. В этом отношении предприниматели Дальнего Востока зачастую не проявляли деликатности, тем самым отталкивая своих зарубежных коллег и формируя негативной имидж региона и всей России в глазах потенциальных партнеров и инвесторов (Моисеева, 2008, с. 433).

Вместе с тем геополитический фактор стал решающим для принятия специальных мер государственной поддержки ряда пограничных территорий, в частности курильских районов, попыткой придать статус особой экономической зоны и декларации федеральной программы развития Курильских островов. Е.Н. Чернолуцкая, исследуя этот процесс, пришла к выводу, что условиях кризиса, криминальной приватизации, теневой экономики, несовершенства законодательства эти меры были реализованы лишь в малой степени и не обеспечили достижения поставленных целей. Тем не менее, они были единственными источниками получения некоторых преференций бюджетных вливаний, которые помогали районам выживать, а рыбной отрасли подниматься (Чернолуцкая, 2020а, с. 175), то есть сохранить самые минимальные условия жизни.

Зарождение новых черт Дальневосточного фронтира

Специфика исторического момента трансформации дальневосточного фронтира состояла в том, что некоторые процессы были активизированы КНР, и Россия пыталась дать на них свой ответ. Площадкой контактов разных хозяйственных систем в конце XX в. становились международные транспортные коридоры. Надежды на получение нового импульса в развитии Дальнего Востока России связывались с участием транспортной системы региона в осуществление транзитных перевозок.

Для Китая интерес представляли не только крупнейшие Тихоокеанские порты России – Владивосток, Находка и Порт Восточный, но также и относительно небольшие порты Хасанского района: Зарубино, Посьет и Славянка. Их новой функцией должно было стать обеспечение транзита китайских товаров из провинций Хэйлунцзян и Цзилинь к Японскому морю.

Инициативы формирования международных транспортных коридоров в евразийском пространстве относятся еще к 1980-1990 гг. В Северо-Восточной Азии идею МТК очень активно продвигали политики и ученые из КНР. Первоначально осуществление этой идеи продвигалась медленно. Так, строительство железнодорожных соединительных отрезков для сцепки китайских и российских железных дорог с выходом к портам Хасанского района, начавшееся в 1992 г., завершилось лишь в конце 1999 г., причём запоздание произошло по вине российской стороны.

На фоне противоречивой государственной политики в деле обновления приграничной инфраструктуры на маршрутах международных транспортных коридоров представляет интерес недолгий, но яркий эпизод реализации частной инициативы в области межгосударственного транспортного сообщения. В роли инициатора модернизации железнодорожного сообщения в южном Приморье выступила частная железнодорожная компания ОАО «Золотое звено», созданная 3 июня 1992 г. для строительства и эксплуатации российско-китайского участка железной дороги между станциями Камышовая Хасанского района и Хуньчунь китайской провинции Цзилинь. Большая часть акций «Золотого звена» изначально была размещена среди железнодорожников. В июле 1994 г. было получено согласие российских властей на строительство дороги и открытие железнодорожного перехода Махалино-Хуньчунь для грузового и пассажирского сообщения. Администрация Приморского края по согласованию с заинтересованными министерствами, ведомствами и организациями обеспечила проектирование и строительство, благодаря чему строительство первой частной железной дороги в постсоветской России завершилось относительно быстро, и в 2001 г. были начаты перевозки. Однако, как показала практика, первоначальный оптимизм акционеров был не совсем оправдан. Деятельность компании оказалась убыточной и была омрачена конфликтом интересов акционеров и руководства ОАО «РЖД». В итоге желез-

нодорожный монополист одержал победу и поглотил «Золотое звено» (Ващук, 2017, с. 42).

Правительство Китая в 1992 г. официально включило зону «Туманган» в долгосрочный план экономического развития до 2010 г., предоставив ей статус наибольшего благоприятствования. Определенный интерес к проекту со стороны некоторых российских политиков и хозяйственников обозначился также в Приморье (Бурлаков, 2007, с. 130). Но по разным причинам проект «Туманган» был закрыт. В 1995 г. российская политическая элита определила свое участие в проекте «Программа по развитию района реки Туманная». С 2005 г. он стал называться «Расширенная Туманганская инициатива (РТИ)».

Дальнейшее развитие событий показало, что эти начинания подогревали интерес приморской элиты к идее МТК (Ващук, 2016, сс. 17–19). 15 июня 1999 г. во Владивостоке прошла встреча экспертов в рамках концепции «Транспортный коридор с Востока на Запад» (Бурлаков, 2007, с. 214).

Поиск новой модели экономического развития Дальневосточного фронтира во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. привел к появлению проектов создания на Дальнем Востоке свободных экономических зон (СЭЗ). В новых условиях именно они должны были стать эффективным механизмом привлечения иностранных инвестиций и внедрения рыночных принципов в экономике региона (Воронцов, 2018, с. 31–32). На территории Дальнего Востока и Забайкалья были созданы четыре свободные экономические зоны: «Находка» (Приморский край), «Сахалин», «Даурия» (Читинская область) и «Ева» (Еврейская автономная область) (Уваров, 1994, с. 11). При этом СЭЗ «Даурия» и «Ева» располагались на территориях, непосредственно примыкающих к северо-восточным провинциям КНР и были рассчитаны на трансграничное экономическое сотрудничество. Наилучшие перспективы связывались с открытием СЭЗ «Находка», созданной на территории города Находки с его развитой промышленностью, портовой и транспортной инфраструктурой, и соседнего Партизанского района.

Активная стадия реализации проекта СЭЗ первого поколения вскоре была приостановлена в связи с межведомственными разногласиями по поводу необходимости их существования, отсутствием надлежащей законодательной базы, слабой финансовой поддержкой из федерального бюджета, а также снижением интереса иностранных инвесторов. В конце концов проводимая в общероссийском масштабе либеральная экономическая политика в начале 1990-х гг. свела на нет большинство ожидаемых выгод от режима свободной зоны (Иванов & Кожевникова, 2019, с. 168).

В 1990-е гг. в условиях слабости Центра местные власти Приморского края обладали значительными полномочиями для ведения международной деятельности, но они ещё не были готовы к ней. По Конституции 1993 г., международное сотрудничество и внешнеэкономические связи в России были отнесены к сфере совместных полномочий центрального и региональных

субъектов власти, но четкого разделения обязанностей не существовало. Кроме того, в Приморье складывалась специфическая ситуация: власть в большинстве случаев с помощью протекционистских мер стремилась сохранить сложившийся в регионе бизнес вместо работы с иностранными инвесторами и развития внешней торговли (Моисеева & Ващук, 2006, с. 263-314).

С приходом в Приморье нового губернатора С.М. Дарькина линия на приграничное сотрудничество с КНР усилилась. Однако в сфере интеграции в международно-транспортную систему коренных изменений не произошло, и здесь вновь на передний план вышел политический фактор: с начала 2000-х гг. в России начался процесс политической централизации. С одной стороны, укрепление вертикали власти снизило желание региональной элиты использовать проблемы политического диалога России со странами Северной Пацифики в популистских целях; в дальнейшем они уже не высказывались (Ларин, 2006, с. 263-265). Но с другой стороны, российское законодательство сужало полномочия и ресурсы исполнительной власти субъектов РФ. Формальным рубежом определения полномочий российских субъектов федерации стал 1999 г., когда был принят закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Он юридически исключил возможность для субъектов федерации проводить самостоятельную внешнеэкономическую политику и фактически перераспределил полномочия в этой сфере в пользу Центра.

В то же самое время в идеологии оформления МТК происходили важные изменения, которые расширяли формальные основания участия России в РТИ. В 2000 г. международная команда специалистов России, Китая, Монголии, Южной Кореи и Японии под руководством института ERINA (Япония) сформулировала Концепцию коридоров Северо-Восточной Азии. В 2002 г. идею МТК также одобрили на Экономическом форуме стран СВА в Ниигате. С этого момента, пожалуй, можно говорить о признании роли территории края как площадки МТК, включая ее части – «Приморье-1» (Харбин – Суйфэньхэ – Гродеково – порты Владивосток, Находка, Восточный – порты АТР) и «Приморье-2» (Чанчунь – Цзилинь – Хуньчунь – Махалино – Посьет – Зарубино – порты АТР). (Холоша, 2010, с. 40–43). В ноябре 2002 г. прошли первые консультации между правлением ОАО «Морской порт Зарубино» и Канцелярией развития района «Туманган» администрации провинции Цзилинь.

Таким образом, политика усиления Центра в управлении дальневосточными территориями, с одной стороны, придавала значение Приморью в российском пространстве как национальной контактной площадке, но с другой – увеличивала патерналистские настроения у руководства Приморья, что и проявилось в годы подготовки Саммита АТЕС 2012 г. во Владивостоке. В целом активность России в этом направлении международного сотрудничества оказалась до 2010 г. невысокой, ее позицию можно охарактеризовать в качестве тактики намерений, обсуждений, консультаций и опреде-

лить ее содержание как бюрократическое. Усиление бюрократии в 1990-е гг. в формировании дальневосточного фронтира становилось его доминирующей чертой.

Выводы

Таким образом, в конце XX в. коренные изменения в содержании дальневосточного фронтира происходили под доминирующим влиянием трансформационного кризиса в России. Основная фронтирная черта, формировавшаяся в российском и советском цивилизационном комплексе на протяжении XIX – XX вв., «дальневосточная территория как военный форпост государства» в традиционном формате – фактически разрушилась в течение 10 лет. В результате подписанных российско-китайских соглашений и других внешнеполитических документов, снявших с повестки дня угрозу военного столкновения, а также сокращения вооружённых сил в приграничье, военное присутствие России на Дальнем Востоке заметно снизилось, а вместе с ним подверглась пересмотру и роль региона как «территории-крепости».

Значительная часть территории, которая была обустроена в приграничье в формате военных городков, располагавших всей необходимой инфраструктурой для проживания людей, но не имевших рядом объектов, обеспечивавших трудовую занятость, постепенно пришла в запустение. Это отразилось и на повседневной жизни, особенно сельского населения, проживавшего рядом военными гарнизонами. Сокращение численности военнослужащих на Дальнем Востоке меняло облик дальневосточного фронтира. Конверсия и рыночные реформы также привели к изменению в городах, в частности, к быстрой деградации материальной и социальной инфраструктуры в тех местах, где в 1990-е гг. предприятия ВПК были градообразующими. Вхождение института Вооружённых сил РФ и предприятий ВПК в рыночную среду имело для дальневосточного фронтира неоднозначное значение: оно «открывало внедрения новых инструментов развития приграничья, но на практике происходило чаще в обратном, деструктивном направлении. Резкое снижение военной составляющей в дальневосточном приграничье породило разнонаправленную социальную динамику.

Проведённый исторический анализ показал, что доминирующую роль в изменении содержания дальневосточного фронтира сыграл политический фактор, как на уровне региональной политики, так и на уровне первых попыток компенсировать снижение «военной составляющей» новыми модернизационными проектами. В реальности на характере дальневосточного фронтира также сказались и моменты самоорганизации, что прослеживалось в процессе адаптации дальневосточников к рыночным отношениям. Торговля в разных формах с приграничными территориями КНР, создание российских компании

типа рантье благодаря ресурсам территории превращали приграничье в разновидность торговой фактории.

В эти годы в регионе встретились не только разные потоки рабочей силы со своей трудовой культурой, но и разные формы организации предприятий. Первые попытки организовать МТК, СЭЗ и совместные предприятия способствовали генезису новых черт дальневосточных территорий. Новые формы развития приграничья и соразвития со странами АТР в 1990-е гг. с трудом реализовывались, но, тем не менее, отдельные их результаты начинали преображать содержание дальневосточного фронтира.

Список литературы

- Агеев, А. Д. (2005). Сибирь и американский Запад: Движение фронтиров. Аспект пресс.
- Бережной, С. С. (1995). Советский ВМФ 1945-1995: Крейсера, большие противолодочные корабли, эсминцы. Морская коллекция, 1, 1–32.
- Бостан, К. А., & Кузнецов, А. М. (2018). Идея «фронтира»: Выгодное приобретение или опасный «фантом»? Ойкумена. Регионоведческие исследования, 1, 73–84. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-1/73-84
- Бурлаков, В. А. (2007). Проект «Туманган» и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е гг. XX века. Издательство ВГУЭС.
- Ващук, А. С. (1993). Материалы экспедиции Отдела социально-политических исследований. 1993. Дневник. Архив ОСПИ ИИАЭ ДВО РАН.
- Ващук, А. С. (1997). Социально-политические аспекты Дальневосточного региона (середина 80-х начало 90-х годов). Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы международной научной конференции, 102–107.
- Ващук, А. С. (2015). Судьба Дальнего Востока или вклад региона в развитие России: Исследовательский опыт. Диалог со временем, 52, 303–322.
- Ващук, А. С. (2016). Международный транспортный коридор «Приморье-2»: Идеи, проекты, реалии в русле «Тихоокеанского разворота». Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык, 3.
- Ващук, А. С. (2017). Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX начале XXI вв. Региональные проблемы, 20(3), 39–49.
- Ващук, А. С. (2019). Дальневосточный вектор России в контексте диалога власти и научного сообщества (XX в. И современность). Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 22, 9–29. https://doi.org/10.24411/2658-5960-2019-10002
- Ващук, А. С. (2020). Северо-Восток России: Региональная политика и поиски выхода из кризиса (1990-е годы начало XXI в.). Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы X международной научно-практической конференции, 37–45. https://doi.org/10.48344/BSPU.2020.39.82.004
- Ващук, А. С., Друзяка, А. В., Чернолуцкая, Е. Н., Галлямова, Л. И., Ермак, Г. Г., Крушанова, Л. А., Авдеев, Ю. А., & Ушакова, В. Л. (2014). Исторические проблемы социально-политической

- безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX начало XXI в.). Книга 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. ИИАЭ ДВО РАН.
- Ващук, А. С., Савченко, А. Е., Ковалевская, Ю. Н., Крушанова, Л. А., Галенко, Е. В., Герасименко, А. П., Коваленко, С. Г., & Коняхина, А. П. (2014). Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX начало XXI в.). Книга 1. Дальневосточная политика: Стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. ИИАЭ ДВО РАН.
- Воронцов, Н. С. (2018). Нереализованные проекты свободных экономических зон в Приморье: Исторический очерк. Россия и ATP, 3, 31–44. https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-10032
- Гарусова, Л. Н. (2001). Тихоокеанская политика США в 80 90-е годы XX в.: Американские экономические и военно-политические интересы в АТР. Россия и АТР, 4, 62–73.
- Гранберг, А. Г. (2009). Становление в России научного направления «Пространственная экономика». Вестник Университета, 26–2, 18–24.
- Гудкова, Е. В. (1999). Проблемы конверсии оборонной промышленности российского Дальнего Востока. В Перспективы Дальневосточного региона: Население, миграция, рынок труда (сс. 73–76). Московский Центр Карнеги.
- Дятлов, В. В. (2006). Дальневосточный военный округ в условиях военной реформы: 1986—2003 гг. [Диссертация на соискание степени доктора исторических наук]. Комсомольский-на-Амуре гсоударственный технический университет.
- Ельцин, Б. Н. (1999). Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия на рубеже эпох». Интеллектуальная Россия. http://www.intelros.org/lib/elzin/1999.htm
- Заблоцкий, В. П. (2004). Тяжёлые авианесущие крейсеры «Минск», «Новороссийск», «Баку». Морская коллекция, 4, 1–32.
- Зиланов, В. К. (1997). А после Аляски еще одна клякса. Российская газета, 14, 3.
- Иванов, С. А., & Кожевникова, П. А. (2019). Особые экономические зоны Дальнего Востока России: Децентрализованная и централизованная модели управления. Труды ИИАЭ ДВО РАН, 24, 161–176. https://doi.org/10.24411/2658-5960-2019-10034
- Казанин, М. В. (2008). Россия и Китай: Соглашения в военной области. В Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизаций (Пятые Крушановские чтения) (сс. 386–393). Дальнаука.
- Каракин, В. П. (2014). Дальний Восток России обретение границ, имени и специфики в «проблемном поле» страны. Вестник ДВО РАН, 5, 118–131.
- Колесниченко, К. Ю. (2012). Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края). Ойкумена. Регионоведческие исследования, 3, 116–125.
- Колесниченко, К. Ю. (2013). Военная авиация в Приморье в 1980-е 2000-е годы: Военно-политический и социальный аспекты. Ойкумена. Регионоведческие исследования, 3, 95–105.
- Костров, А. В., & Скрипучий, Д. В. (2014). Наращивание военного потенциала СССР на границе с КНР – импульс к развитию дальневосточных территорий. Вестник Иркутского государственного технического университета, 2, 255–261.

- Крупенкин, Е. Н. (2018). Концепция фронтира в современной отечественной литературе: Эвристические возможности и пределы применения. Вестник Брянского Государственного Университета, 2(1), 87–93. https://doi.org/10.22281/2413-9912-2018-02-01-87-93
- Ларин, В. Л. (2006). В тени проснувшегося дракона Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков. Дальнаука.
- Лу Сяоин. (2017). Российско-китайское сотрудничество в военной сфере: Исторический опыт 1992-1996 гг. Современная научная мысль, 6, 112–117.
- Моисеева, Л. А. (2008). Культура предпринимательства как социальная проблема тихоокеанской России и стран АТР (рубеж XX XXI вв.). В Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизаций (Пятые Крушановские чтения) (сс. 430–440). Дальнаука.
- Моисеева, Л. А., & Ващук, А. С. (2006). История предпринимательства на Дальнем Востоке России (конец XX начало XXI в.). Дальнаука.
- Мордванюк, П. А. (2000, октябрь 23). Мы же не просили вашего Беринга нас открывать. Репортаж из штата Чукотка. Новая газета. https://novayagazeta.ru/articles/2000/10/23/7921-my-zhe-ne-prosili-vashego-beringa-nas-otkryvat
- Николаевич, С. В. (2020). Совершенствование инфраструктуры Тихоокеанского флота СССР (1960 1980-е гг.). Наука. Общество. Оборона, 8(4). https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10258
- Номоконов, В. А. (2002). Транснациональная организованная преступность: Дефиниции и реальность. Издательство ДВГУ.
- Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5). (2018). Дальнаука.
- Половинкин, В. Н., & Фомичев, А. Б. (2012). Мировой океан и обеспечение национальной безопасности России в XXI веке. АИР.
- Половинкин, В. Н., Фомичев, А. Б., & Чирков, В. В. (2013). Военно-морской флот и геополитика. АИР.
- Половинкин, В. Н., Фомичев, А. Б., & Чирков, В. В. (2017). Отечественное кораблестроение. АИР.
- Постников, С. И. (2004). В далеких гарнизонах. Милитера. Военная литература. http://militera.lib.ru/memo/russian/postnikov_si/11.html
- Савченко, А. Е. (2018). В поисках ключа. Программный подход к развитию Дальнего Востока в конце XX начале XXI века. Историческая и социально-образовательная мысль, 10(3/1), 104–113. https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-104-113
- Сидоров, С. А. (2014). Политика России по обеспечению национальной безопасности в пограничном пространстве Дальнего Востока в конце XX начале XXI вв. [Диссертация на соискание степени доктора политических наук]. Тихоокеанский государственный университет.
- Ткаченко, Б. И. (1997). Правовые проблемы соглашения между СССР и КНР об изменении линии советско-китайской государственной границы на её восточной части. Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы международной научной конференции, 204–210.

- Ткаченко, Б. И. (2008). Проблемы морской экономической границы между Россией и США. Морской государственный университет.
- Уваров, В. А. (1994). Свободные экономические зоны Востока России. Информ-Этнос.
- Указ Президента РСФСР «Об открытии г. Владивостока для посещения иностранными гражданами», №. 123. (1991). Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, 39, 1244.
- Феськов, В. И., Голиков, В. И., Калашников, К. А., & Слугин, С. А. (2013). Вооруженные Силы СССР после Второй мировой войны: От Красной Армии к Советской. Издательство научнотехнической литературы.
- Филонов, А. М. (1999). Пограничная политика России в Дальневосточном регионе. В Перспективы Дальневосточного региона: Население, миграция, рынок труда (сс. 36–39). Московский Центр Карнеги.
- Холоша, М. (2010). Российский транзит под разными углами зрения. Морские порты, 6, 38-44.
- Чернолуцкая, Е. Н. (2018). Англоязычная историография о состоянии военной сферы на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. Архонт, 3, 103–114.
- Чернолуцкая, Е. Н. (2020a). Курилы в 1990-е гг.: Рыночные реформы и «пограничный вопрос». Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 27, 162–178. https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10027
- Чернолуцкая, Е. Н. (2020b). Федеральная целевая Курильская программа: Хроника, достижения и провалы первого этапа (1994-2005 гг.). Реформы конца XX начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект, 103–119. https://doi.org/10.24411/9999-056A-2020-10010
- Штыров, В. А. (2020). Государственная программа по развитию Дальнего Востока исчезла... http://vestiregion.ru/2020/08/11/vyacheslav-shtyrov-gosudarstvennaya-programma-po-razvitiyu-dalnego-vostoka-ischezla/

References

- Ageev, A. D. (2005). Siberia and the American West: Moving Frontiers. Press Aspect. (In Russian).
- Berezhnoy, S. S. (1995). Soviet Navy 1945-1995: Cruisers, large anti-submarine ships, destroyers. *Maritime Collection*, 1, 1-32. (In Russian).
- Bostan, K. A., & Kuznetsov, A. M. (2018). The idea of the "frontier": A profitable acquisition or a dangerous "phantom"? *Oikumena. Regional Studies*, 1, 73–84. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-1/73-84 (In Russian).
- Burlakov, V. A. (2007). The Tumangan Project and the Game of Geopolitical Interests in Northeast Asia in the 1990s. VGUES Publishing House.. (In Russian).
- Chernolutskaya, E. N. (2018). Anglophone Historiography on the State of the Military Sphere in the Russian Far East in the 1990s. *Archonte*, 3, 103–114. (In Russian).
- Chernolutskaya, E. N. (2020a). The Kurils in the 1990s: Market Reforms and the "Border Question". Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the FEB RAS, 27, 162–178. https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10027 (In Russian).

- Chernolutskaya, E. N. (2020b). The Federal Targeted Kuril Program: Chronicle, Achievements and Failures of the First Phase (1994-2005). Reforms of the late 20th and early 21st centuries in the post-Soviet space: the regional aspect, 103–119. https://doi.org/10.24411/9999-056A-2020-10010 (In Russian).
- Decree of the President of the RSFSR "On opening the city of Vladivostok to foreign citizens", no. 123. (1991). Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation, 39, 1244. (In Russian).
- Dyatlov, V. V. (2006). The Far Eastern Military District in the Context of the Military Reform: 1986-2003. [Doctoral Thesis]. Komsomolsk-on-Amur State Technical University. (In Russian).
- Feskov, V. I., Golikov, V. I., Kalashnikov, K. A., & Slugin, S. A. (2013). Soviet Armed Forces after World War II: From the Red Army to the Soviet Army. Publisher of Scientific and Technical Literature. (In Russian).
- Filonov, A. M. (1999). Russia's Border Policy in the Far Eastern Region. In Prospects for the Far Eastern Region: Population, Migration, Labor Market (pp. 36–39). Moscow Carnegie Center. (In Russian).
- Garusova, L.N. (2001). U.S. Pacific Policy in the 1980s and 1990s: U.S. Economic and Military-Political Interests in the Asia-Pacific Region. Russia and the APR, 4, 62–73. (In Russian).
- Granberg, A. G. (2009). Formation in Russia of the scientific direction "Spatial economy". *University Bulletin*, 26–2, 18–24. (In Russian).
- Gudkova, E. V. (1999). Problems of Defense Industry Conversion in the Russian Far East. In Prospects for the Far Eastern Region: Population, Migration, Labor Market (pp. 73–76). Moscow Carnegie Center. (In Russian).
- Holosha, M. (2010). Russian Transit from Different Perspectives. Seaports, 6, 38-44. (In Russian).
- Ivanov, S. A., & Kozhevnikova, P. A. (2019). Special Economic Zones in the Russian Far East: Decentralized and Centralized Management Models. *Proceedings of the IIAE FEB RAS*, 24, 161–176. https://doi.org/10.24411/2658-5960-2019-10034 (In Russian).
- Karakin, V. P. (2014). The Russian Far East Acquiring Borders, Name, and Specificity in the "Problematic Field" of the Country. Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 5, 118–131. (In Russian).
- Kazanin, M. V. (2008). Russia and China: Agreements in the Military Field. In *Pacific Russia* in the History of Russian and East Asian Civilizations (Fifth Krushanov Readings) (pp. 386–393). Dalnauka. (In Russian).
- Kolesnichenko, K. Yu. (2012). The Military Factor in the Development of the Russian Far East (on the Example of Primorsky Krai). Oikumena. Regional Studies, 3, 116–125. (In Russian).
- Kolesnichenko, K. Yu. (2013). Military Aviation in Primorye in the 1980s and 2000s: Military and Political and Social Aspects. *Oikumena*. *Regional Studies*, 3, 95–105. (In Russian).
- Kostrov, A. V., & Skripuchii, D. V. (2014). Soviet Military Capacity Building on the Border with the PRC: An Impetus for the Development of the Far Eastern Territories. Bulletin of the Irkutsk State Technical University, 2, 255–261. (In Russian).
- Krupenkin, E. N. (2018). The Concept of the Frontier in Modern Russian Literature: Heuristic Possibilities and Limits of Application. *Bulletin of Bryansk State University*, 2(1), 87–93. https://doi.org/10.22281/2413-9912-2018-02-01-87-93 (In Russian).

- Larin, V. L. (2006). In the Shadow of the Waking Dragon: Russian-Chinese Relations at the Turn of the 20th and 21st Centuries. Dalnauka. (In Russian).
- Lu Xiaoying. (2017). Russian-Chinese Cooperation in the Military Sphere: Historical Experience of 1992-1996. *Contemporary Scientific Thought*, 6, 112–117. (In Russian).
- Moiseeva, L.A, & Vashchuk, A. S. (2006). History of Entrepreneurship in the Far East of Russia (late twentieth early twenty-first century). Dalnauka. (In Russian).
- Moiseeva, L.A. (2008). The Culture of Entrepreneurship as a Social Problem in Pacific Russia and the APR Countries (Turn of the 20th 21st Centuries). In Pacific Russia in the History of Russian and East Asian Civilizations (Fifth Krushanov Readings) (pp. 430–440). Dalnauka. (In Russian).
- Mordvanyuk, P.A. (2000, October 23). It's not like we asked your Bering to open us up. Report from Chukotka State. Novaya Gazeta. https://novayagazeta.ru/articles/2000/10/23/7921-my-zhe-ne-prosili-vashego-beringa-nas-otkryvat (In Russian).
- Nikolayevich, S. V. (2020). Improvement of the infrastructure of the USSR Pacific Fleet (1960s-1980s). Science. Society. Defense, 8(4). https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10258 (In Russian).
- Nomokonov, V. A. (2002). Transnational Organized Crime: Definitions and Reality. FEFU Publishers. (In Russian).
- Polovinkin, V. N., & Fomichev, A. B. (2012). World Ocean and National Security of Russia in the 21st Century. AIR. (In Russian).
- Polovinkin, V. N., Fomichev, A. B., & Chirkov, V. V. (2013). The Navy and Geopolitics. AIR. (In Russian).
- Polovinkin, V. N., Fomichev, A. B., & Chirkov, V. V. (2017). Domestic shipbuilding. AIR. (In Russian).
- Postnikov, S. I. (2004). *In distant garrisons*. Militera. Militera Literature. http://militera.lib.ru/memo/russian/postnikov si/11.html (In Russian).
- Savchenko, A. E. (2018). In searching for the key. The Programmatic Approach to the Development of the Far East in the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries. Historical and Socio-Educational Thought, 10(3/1), 104–113. https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-104-113 (In Russian).
- Shtyrov, V. A. (2020). The state program for the development of the Far East has disappeared... http://vestiregion.ru/2020/08/11/vyacheslav-shtyrov-gosudarstvennaya-programma-po-razvitiyu-dalnego-vostoka-ischezla/ (In Russian).
- Sidorov, S. A. (2014). Russia's National Security Policy in the Border Area of the Far East in the Late 20th Early 21st Centuries. [Doctoral Thesis]. Pacific State University. (In Russian).
- Society and Power in the Russian Far East in 1960-1991 (History of the Russian Far East. Vol. 3. Kn. 5). (2018). Dalnauka. (In Russian).
- Tkachenko, B. I. (1997). Legal Problems of the Agreement between the USSR and the PRC on the Change of the Line of the Soviet-Chinese State Border on its Eastern Part. The Russian Far East in the Context of World History: From Past to Future. Proceedings of the International Scientific Conference, 204–210. (In Russian).
- Tkachenko, B. I. (2008). Problems of the maritime economic border between Russia and the United States. Maritime State University. (In Russian).
- Uvarov, V. A. (1994). Free Economic Zones in the East of Russia. Inform-Ethnos. (In Russian).

- Vashchuk, A. S. (1993). Proceedings of the Expedition of the Department of Social and Political Studies. 1993. Diary. Archives of OSPI IIAE FEB RAS. (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (1997). Social and Political Aspects of the Far Eastern Region (mid-1980s to early 1990s). The Russian Far East in the Context of World History: From the Past to the Future. Materials of the International Scientific Conference, 102–107. (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (2015). The Fate of the Far East or the Region's Contribution to Russia's Development: A Research Experience. *Dialogue with Time*, 52, 303–322. (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (2016). Primorye-2 International Transport Corridor: Ideas, Projects, Realities in the Pacific U-turn. *Crede Experto*: Transport, Society, Education, Language, 3. (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (2017). Development of Entrepreneurship in the Railway Transport and Port Industry of Khasansky District of Primorsky Krai at the End of 20th the Beginning of 21st Centuries. *Regional problems*, 20(3), 39–49. (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (2019). The Far Eastern Vector of Russia in the Context of Dialogue between Authorities and the Academic Community (20th Century and Present). Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the FEB RAS, 22, 9–29. https://doi.org/10.24411/2658-5960-2019-10002 (In Russian).
- Vashchuk, A. S. (2020). The North-East of Russia: Regional Policy and the Search for a Way out of the Crisis (1990s beginning of the 21st century). Russia and China: History and Prospects of Cooperation: Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference, 37–45. https://doi.org/10.48344/BSPU.2020.39.82.004 (In Russian).
- Vashchuk, A. S., Druzyaka, A. V., Chernolutskaya, E. N., Galliamova, L. I., Ermak, G. G., Krushanova, L. A., Avdeev, Y. A., & Ushakova, V. L. (2014). Historical Problems of Socio-Political Security in the Russian Far East (Second Half of the 20th Beginning of the 21st Century). Book 2. Migration Challenges and Strategies of Social and Political Security of the Far Eastern Territories. IIAE DVO RAN. (In Russian).
- Vashchuk, A. S., Savchenko, A. E., Kovalevskaya, Y. N., Krushanova, L. A., Galenko, E. V., Gerasimenko, A. P., Kovalenko, S. G., & Konyakhina, A. P. (2014). Historical Problems of Socio-Political Security in the Russian Far East (Second Half of the 20th Beginning of the 21st Century). Book 1. Far Eastern Politics: Strategies of Socio-Political Security and Mechanisms of Implementation. IIAE DVO RAN. (In Russian).
- Vorontsov, N. S. (2018). Unrealized Projects of Free Economic Zones in Primorye: Historical Sketch. Russia and the APR, 3, 31–44. https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-10032 (In Russian).
- Yeltsin, B.N. (1999). Russian President Boris Yeltsin's Address to the Federal Assembly of the Russian Federation: "Russia at the Turn of an Epoch". Intellectual Russia. http://www.intelros.org/lib/elzin/1999.htm (In Russian).
- Zablotsky, V. P. (2004). Heavy aircraft carrier cruisers "Minsk", "Novorossiysk", "Baku". Nautical Collection, 4, 1–32. (In Russian).
- Zilanov, V. K. (1997). And after Alaska, another blot. Rossiyskaya Gazeta, 14, 3. (In Russian).

Cereals in the Agrarian Rites of the Don Cossacks: the Economic Context, Local Versions, and Dynamics of Tradition

Nina A. Vlaskina

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Rostov-on-Don, Russia. Email: nvlaskina[at]gmail.com

Received: 28 August 2021 | Revised: 18 June 2022 | Accepted: 26 June 2022

Abstract

The article is an ethnographic study of the Don region, which for a long time retained the status of a border territory. The issues of estate interaction and the formation of a hierarchy of economy types and their ritual comprehension remained relevant on this territory for a long time. This article examines analytical and descriptive sources concerning Don agriculture and the respective component of the Cossack ritual year, as well as data on the folk calendar from dialectological and ethnolinguistic expeditions.

This work aims to show how ideas about cereals and their cultivation were differentiated and transformed in the Don Region in the late 19th – early 21st centuries and what background existed for the formation of the system of agricultural ritual practices and its dynamics.

The study shows that the Don culture was characterized by symbolization of cereals and fieldwork in general. The author argues that the expanded system of military components in the Cossack folk calendar doesn't exclude the simultaneous presence of the components that determine the agricultural cycle in the system of perceiving and dividing the ritual time at different stages of the Don Cossacks' history. The constant movement of population in the region resulted, on the one hand, in strengthening of agrarian motifs in the calendar, and on the other, in the emergence of competing options for ritual action with the same symbol (ritual porridge) in different settlements.

The article is intended for researchers, students, and lecturers, as well as cultural workers.

Keywords

Agrarian Rituals; Agriculture; Christmas; Don Cossacks; Folk Calendar; Grain; Local Versions; New Year; Ritual Dynamics; Ritual Porridge

This work is licensed under a <u>Creative Commons "Attribution" 4.0 International License</u>

Зерно в аграрной обрядности донских казаков: хозяйственный контекст, локальные варианты и динамика традиции

Власкина Нина Алексеевна

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук. Poctoв-на-Дону, Poccuя. Email: nvlaskina[at]gmail.com

Рукопись получена: 28 августа 2022 | Пересмотрена: 18 июня 2022 | Принята: 26 июня 2022

Аннотация

Статья посвящена одному из аспектов этнографического изучения донского региона, долгое время сохранявшего статус пограничного. На его территории длительно были актуальными вопросы сословного взаимодействия, формирования иерархии типов хозяйственной деятельности и их ритуального осмысления. В работе рассматриваются аналитические и описательные источники о земледелии на Дону и сельскохозяйственном компоненте казачьего ритуального года, а также экспедиционный материал о народном календаре.

Цель работы – показать, как представления о зерне и его возделывании дифференцировались и трансформировались на территории Дона в конце XIX – начале XXI в. и какие предпосылки существовали для складывания системы аграрных обычно-обрядовых практик и ее динамики.

Исследование показало, что для донской культуры была характерна символизация зерна и полевых работ в целом. Выдвигается тезис о том, что развернутая система воинских компонентов в народном календаре казачества не исключает одновременного присутствия в системе членения и осмысления ритуального времени таких составляющих, которые определяли хозяйственный цикл на разных этапах истории донского казачества. Постоянное движение населения в регионе имело следствием, с одной стороны, закрепление аграрных мотивов в календаре, а с другой – появление конкурирующих вариантов действия с одним и тем же символом (кутьей) в разных населенных пунктах.

Статья рассчитана на научных работников, студентов и преподавателей, а также работников культуры.

Ключевые слова

динамика обрядности; донские казаки; земледелие; зерно; календарь народный; кутья; локальные варианты; Новый год; Рождество; хозяйственная обрядность

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная</u>

Введение

Среди задач ритуала, в том числе календарного, есть подтверждение уже существующих в коллективе норм, образа жизни и легитимация новых (Байбурин, 1993, с. 29; Bell, 1997, р. 59). В этом смысле ритуал неотделим от ведущего вида хозяйственной деятельности сообщества и призван утвердить те ценности и доминанты, которые актуальны для него в текущий момент (Чичеров, 1957, с. 16).

Соответственно, изучение специфики аграрных ритуалов и верований казачьего сообщества, частью которых являются обряды с использованием зерна и в целом его символизация, невозможно без обращения к теме роли полеводства в хозяйственной жизни казачества в разные периоды. Поскольку донской регион долгое время обладал статусом пограничного, на его территории длительно сохраняли актуальность вопросы сословного взаимодействия и формирования иерархии типов хозяйственной деятельности и их ритуального осмысления.

В настоящей статье рассматриваются аналитические и описательные источники о земледелии на Дону и сельскохозяйственном компоненте казачьего ритуального года, а также полевой материал о народном календаре, собранный студентами и сотрудниками Ростовского государственного (Южного федерального) университета и Южного научного центра РАН в 1980-2000-х гг. Цель работы – показать, как представления о зерне – неотъемлемом атрибуте календарной обрядности аграрных сообществ (Вјørnstad, 2016; Vermander, n.d.) – и о его возделывании дифференцировались и трансформировались на территории Дона в конце XIX – начале XXI в. и какие предпосылки существовали для складывания системы аграрных обычно-обрядовых практик и их динамики.

Земледелие на Дону и соответствующий раздел народного календаря

В ранний (вольный) период своей истории (в XVI–XVII вв.) средства к существованию донские казаки обеспечивали преимущественно военными походами, охотой и рыболовством. Влияние этого периода на специфику традиционной культуры региона исследовали ростовский этнолингвист Б. Н. Проценко и волгоградский этнограф М. А. Рыблова. Борис Николаевич Проценко, ссылаясь на расспросные речи и войсковую грамоту Фрола Минаева (запрещавшую казакам пахать землю под страхом смерти), широко цитируемые дореволюционными историками (Броневский, 1834, с. 132; Дружинин, 2015, с. 16; Краснов, 1863, с. 54; Номикосов, 1884, с. 11; Сухоруков, 1872, с. 584; Харузин, 1885, с. 2 и др.), писал о том, что в «рыцарский» период на Дону произошел обрыв земледельческой традиции. И уже позже, после петровского

времени, она постепенно и избирательно «восстанавливалась донской казачкой» (Проценко, 1995, с. 50; Проценко, 2001, с. 147). М. А. Рыблова, соглашаясь с тезисом о том, что отсутствие производящих отраслей хозяйства имело следствием невостребованность связанных с ними дат в календарном цикле, говорит о принципиальной невыводимости казачьей праздничной культуры из крестьянской, о том, что казачья обрядность изначально складывалась как воинская и позже, с переходом казаков к сельскохозяйственному труду, формированием патриархальной семьи и поземельной общины (с XVIII в.) (Рыблова, 2006, с. 108), стала дополняться аграрной (Рыблова, 2014, с. 6).

И та, и другая гипотеза предполагают противопоставленность казачьего и крестьянского общества. Однако другой взгляд на факты освоения южнорусских земель позволяет интерпретировать процесс интеграции крестьянземледельцев в казачье сообщество как растянутый во времени, а значит, ставить вопрос об актуальности для донского региона аграрных компонентов календарной обрядности не только на позднем этапе.

Документы свидетельствуют о том, что еще в допетровскую эпоху колонизаторы южной окраины Российского государства занимались обработкой земли. В своем классическом труде «Земля Донская в XVIII веке» А. П. Пронштейн на основе анализа документов того времени приходит к выводу о том, что с началом массовой колонизации Дона, то есть уже в последней трети XVII в., поселенцы приходили на новые земли «с хозяйственным инвентарем, стремясь на новом месте жительства воссоздать привычный уклад хозяйственной жизни» (Пронштейн, 1961, с. 44). И позже, в XVIII в., «крестьяне шли на Дон», где их принимали в казаки¹, «не только в одиночку, но и значительными группами, чаще семьями, со своим имуществом и орудиями сельскохозяйственного труда» (Пронштейн, 1961, с. 47).

Дальнейшие судьбы крестьян, оказавшихся на донской земле, были разными и зависели от множества факторов, среди которых – особенности законодательства в различные периоды, плотность населения в станичных юртах и др. Часть поселенцев оставалась в крестьянском сословии, а другая переходила в казачье².

В целом преобразования XVIII в., когда государство определило задачами казачества охрану границ и самообеспечение, при котором в обмен на право

¹ На состав населения и, соответственно, конфигурацию обычно-обрядовых практик влиял не только приток новых жителей на Дон, но и убыль в старожильческих группах. Упомянем пунктирно: в XVIII в. – карательные акции Петра I в отношении донских городков; в XVIII–XIX в. – колонизацию Предкавказья, куда массово направлялись жители донских станиц; убыль казачьего населения в результате войн, которые вела Россия в XVIII–XX вв.

² Увидеть, насколько проницаемы были сословные границы в рассматриваемом регионе, позволяет локальное культурно-демографическое исследование, проведенное в дельте Дона Т. Ю. Власкиной (Матишов и др., 2012, с. 53–55; Власкина Т., 2013): церковные метрические книги XIX в. демонстрируют, что мещане, крестьяне, отставные солдаты получали статус казаков и в дальнейшем записывались в документах как казаки.

пользования землей «казаки должны были нести военную службу со своим конем, в полном вооружении и обмундировании» (Пронштейн, 1961, с. 112; см. также Броневский, 1834, с. 16), сыграли ключевую роль в складывании хозяйственной системы на Дону. Труд на земле для казака стал необходимым условием выживания, что не могло не найти отражения в обычно-обрядовых практиках. Между тем для донских дореволюционных историков и краеведов, составлявших этнографические описания, было важно противопоставить крестьянское и казачье сословие, наглядно продемонстрировать читателю специфику казачьего быта. Поэтому многие источники XIX в., содержащие обобщающую информацию о календарно приуроченной обрядности на Дону, акцентируют в казачьем ритуальном годе преимущественно воинские компоненты, выпуская сведения о существовавших в то время сельскохозяйственных практиках и поверьях. Так, рассказывая об «общественных пирах и забавах», М. Н. Харузин подробно останавливается на рождественских обходах домов, которые совершали старики во главе с атаманом, упоминает славление Христа детьми и исполнение авсениевых песен («евсеня») девушками (Харузин, 1885, с. 377), но оставляет за рамками повествования традицию щедрования и посевания с исполнением обрядовых песен, о которой не мог не слышать, поскольку обильно цитирует «Донские областные ведомости», где выходили заметки о бытовании этих обычаев в станицах Раздорской на Медведице (Ветров, 1880) и Константиновской (Крылов, 1876). Подобная выборочность в описании народных традиций не дает возможности достоверно представить их динамику на большом отрезке времени.

В то же время изучение специфики развития территории и сопоставление с данными других регионов позволяет предположить, какими были основные векторы культурных трансформаций в последние полтора столетия.

Влияние на обрядовую систему, вероятно, оказывала постоянная динамика населения, взаимодействие этнических культур и локальных вариантов одной этнической культуры, а также то, что мужская часть казачьего сообщества значительную часть времени проводила вне дома – на военной службе. Были и факторы, общие для многих российских регионов, – это технологическое развитие и связанная с ним трансформация способов ведения хозяйства (Мороз, 2009, с. 53); в XX в. – переход от частной к коллективной собственности и регуляция хозяйственной деятельности государством, опиравшимся на атеистическую идеологию.

Обратимся далее к материалу, характеризующему календарные обряды с использованием зерна, совершавшиеся, как свидетельствуют данные сплошного обследования территории бывшей Области войска Донского, в первой половине XX в.

Зерно в календарных обрядах донских казаков

В целом весь зафиксированный по теме материал не выходит за рамки осмысления символики зерна и действий с ним, характерных для восточных славян, а в ряде случаев и для всех групп славян (Усачева, 1999). Представляется важным тот факт, что первоначальная гипотеза Б. Н. Проценко о практически полной утрате донскими казаками «исконной сельскохозяйственной (календарной) обрядности» (Проценко, 1995, с. 48) не находит подтверждения в материале. Хотя, безусловно, последовательное сравнение наполнения сельскохозяйственного календаря (в том числе символизации зерна и его обработки) у казаков и других групп славян показывает меньшую насыщенность казачьей традиции аграрными символами. В частности, у донских казаков крайне редки гадания с зерном об урожае¹, не встречено закладывание зерна в обрядовую выпечку, единичны свидетельства об элементах жатвенной обрядности. Однако о полной редукции речь идти не может.

Подавляющее большинство текстов с упоминанием зерна и его символизации относится к святочному периоду, который в славянских и других аграрных сообществах (см., напр.: Boghici & Boghici, 2014) осмысливался как время, определяющее дальнейшие события в наступившем году (Виноградова & Плотникова, 2009, с. 587), начало сельскохозяйственного года (Токарев, Гроздова & Златковская, 1973, с. 16).

Повсеместно на казачьих территориях девушки гадали с использованием зерна (Vlaskina, 2015, р. 305). На полу (а на Верхнем Дону – на печной загнетке) перед петухом (реже курицей) ставили воду, зерно, зеркало, клали другие предметы. У какой девушки первой петух клюнет зерно, та первой должна была выйти замуж. По тому, к чему подойдет петух, судили о будущем женихе. Зерно предвещало, что муж будет «труженик», «работящий», «хозяйственный», «хороший хозяин», «хлебороб», «колхозник».

Каша из разного зерна приготавливалась в разные дни святочного периода, выступая как поминальное блюдо и обладая значением жертвоприношения (Валенцова, 2004, 69). Причем это блюдо мотивирует название праздников: бабина / бабья каша, кутья, голодная кутья, богатая кутья: «В станице Константиновской день пред Рождеством называется кутьею, потому что в этот день старые люди ничего не едят кроме кутьи» (Крылов, 1876). Для приготовления рождественской и крещенской кутьи (действия с ней будут подробнее рассмотрены ниже) на Дону используется пшеничное или рисовое зерно. На Дону известна также бабина каша – праздник повитух, отмечаемый во второй день Рождества, во время которого повитуха угощает пшенной

Примечательно, что такое гадание встречено в источниках XIX в.: «Чтобы узнать, какой урожай будет в следующем году, гадающий берет под полу хлеб, идет с ним под чье-либо окно и слушает, что говорят в доме. Если хорошее говорят, то и урожай будет хороший; если неблагоприятное говорят, то урожай будет плохой» (Крылов, 1876), то же (Номикосов, 1884, с. 319).

кашей с тыквой женщин, у которых принимала роды (подробно обряд рассмотрен Т. Ю. Власкиной (1998)).

В большинстве обследованных населенных пунктов известны новогодние обходы домов (накануне Нового года и 14 января утром) с рассыпанием зерна и исполнением обрядовых песен, как распространенных у всех славян (с формулой богатого урожая; с мотивом «участие Бога и святых в полевых работах хозяина» (Виноградова, 1982, с. 94–101)), так и обнаруживающих параллели в отдельных славянских (прежде всего украинской – с рефреном «Щедрый вечер, добрый вечер») традициях.

Вечерние обходы совершались как взрослыми, так и детьми обоего пола и включали в себя обрядовое ряжение. Среди сюжетных ситуаций щедровок есть «Бог одаривает хозяина дома хорошим урожаем»:

Под Новый год щедруют. При щедрованьи поют такие стихи: «Ой, пан ты, пан / Бог тебя зовет, / Щедрый вечер, добрый вечер (припев, повторяемый после каждых двух стихов). / Бог тебя зовет, / Дар тебе дает, / Два ляна жита, / Третий пшеницы на паляницы, / Четвертый гречки на варенички / А пятый овса, и щедровка вся» (Крылов, 1876).

В современных записях рассказов о новогодних утренних обходах дома (посевании) упоминаются пшеница, пшено, подсолнечник, овёс, ячмень; ходят по домам преимущественно дети, чаще мальчики², посевают во дворе и в доме, в святом углу. Приведем несколько характерных описаний из разных частей исследуемого региона:

На Новый год сыпали пшеницу, пшено, овес. Часто ряженые вели за собой козу (козла). Для переодевания выворачивали тулупы, шубы, шапки наизнанку, делали маски. Колядующие заходили во двор, пели песни, хозяева выходили, приглашали их в дом, там ряженые посыпали зерном и пели колядки: «Сею, сею, посеваю, / Урожая вам желаю». Хозяева угощали их за столом, взрослым наливали водки, детям давали пряники (прянцы), орехи, яйца, всё, что было в доме. Ряженые складывали гостинцы в свои мешки, благодарили хозяев, желали им ещё урожая и счастья и шли к следующему дому. Колядовать ходили в основном парни (респондент и собиратель не указаны, записан в ст. Вешенской в 1996 г. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета – Южного научного центра Российской академии наук (далее – ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

На Новый год, вот четырнадцатого, это посевають ходють зерно. Заходють: «С Новым годом, с новым счастьем, / Зароди, Боже, / Всего множе: / Житапшеницу». Начинають посыпать зерном, или крупой, или чем-то... В дом заходють и стараются по всёй комнате насыпать (В. И. Долгова, записана Е. Гавриченко в ст. Луковской в 2008 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

¹ Л. Н. Виноградова отмечает, что, хотя новогоднее разбрасывание зерен может трактоваться носителями традиции как имитация посева (1982, с. 222), однако, возможно, «первоначально эти тексты могли принципиально отличаться от коляд, как магические формулы, произносимые с целью "выпроваживания" и очищения дома после посещения гостей "с того света"» (1982, с. 224).

² В одном из дореволюционных описаний роль посевальщиков играли взрослые мужчины – отарщики (казаки, обслуживавшие конные табуны) (Ветров, 1880).

Также на Новый год утром ходять, опять дети, они это на старый Новый год сеють, сеють, посевають, с Новым годом поздравляють. Вот и начинають: «Мать Марыя / У поле ходила. / У поль, у поль / Плужок ходить, / А за тем плужком / Господь ходить. / Мать Марыя / Обедать носила, / Бога просила: / Зароди, Боже, / Жита, пшеницу, / Горох, чечевицу». И специально там это посыпають, заходють и посыпають. Вот на курей, на детей, на маленьких детей, это в смысле того, чтобы Новый год зародил усё (Е. М. Чернышова, записана А. Корытиной в х. Арпачин в 2002 г. ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Мы, пацаны, бегали, мы бегали... посевать под Новый год... Под Новый год когда ходили, это в карманы зерна набирають, ну у кого чего есть: ячмень, пшеница там, пшено, семечки подсолнечник – у кого чего есть. И вот в хату заходить, и говоришь: «Во поле-поле, / Во щистом поле / Мати Мария семена носить, / Бога просить: / Зароди, Боже, / Жита, пшеницы, / Сады, винограду. Здравствуйте, с праздником, с Новым годом». А в это время, пока читають, из кармана беруть зерно и у хате бросають (М. В. Сухарев, записан Е. Муштенко в х. Пухляковском в 2001 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

А четырнадцатого утром идут посыпать, стучать и кричать: «Тётенька, дяденька, пустите посыпать»: «Сею-вею, посыпаю, / С Новым годом поздравляю, / И гопец, и клопец, и севрюжка, / и белужка, осетёрчик с габачком¹, / Поздравляю с праздничком». И обычно посыпают ячменём или пшеницей в святой угол (Е. Ф. Житкова, Е. К. Мирошникова, записаны Е. А. Тер-Абрамян в г. Ростове-на-Дону (ст. Нижнегниловская) в 1998 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Как видно из записей, региональные отличия текстов заключаются в том, что, кроме урожая, становится объектом благопожелания: в юрте известной винодельческими традициями станицы Раздорской – «сады, винограду», в рыболовецкой станице Нижнегниловской – «и севрюжка, и белужка, осетёрчик с габачком».

Посевание зерном нередко выступает частью комплекса других продуцирующих акций, направленных на благополучие семьи в целом, скота и птицы: после произнесения текстов посевальщиков сажали на подушки, чтобы птица неслась, на шубу, чтобы обеспечить здоровье скотины:

На самый новый год мальчики ходят по более зажиточным хозяевам и посыпают их. У каждого мальчика небольшой мешочек с овсом или другим хлебом. Посыпая из горсти хлебными зернами, мальчики приговаривают: «зароди Боже жито, пшеницу и всякую пашницу», а в конце посыпанья добавляют: «торохпоторох, дай бабушка пирог, а ты дедушка курочку». Затем мальчики садятся на пол и подражают квоканью курицы или хрюканью свиньи, чтобы куры и свиньи водились. В награду «посыпальщиков» дарят деньгами и съестными припасами (Номикосов, 1884, с. 319–320).

Зерно, рассыпанное на Новый год, лежало в доме некоторое время, а потом его отдавали птице.

Начало полевых работ чаще не имеет фиксированной даты в календаре (редко указывают, что выходили в поле после дня Сорока мучеников

¹ Возможно, речь о речной рыбе голавль или морской сингиль (черномор. га́ва) (Филин, 1970, 83).

(напр. в ст. Раздорской), но отмечено рядом ритуальных действий, призванных обеспечить богатый урожай зерновых.

До Первой мировой войны вспашкой и севом занимались взрослые казаки, главы семейств (Власкина, 2019, с. 256). На поле с собой брали освященные в храме колосья, выпечку, оставшуюся от дней Сорока мучеников (жаворонки), Средокрестья (крестики), Вознесения (лесенки), Благовещения (просвиры) (Власкина Н., 2013, с. 337–338; Пальгов & Шилкин, 2020, с. 54, 55; Рыблова, 2014, с. 80–82). Обрядовое печение могли закапывать по углам поля, совместно съедать в день сева. Единичны свидетельства о том, что после окончания работ в этот день могли жарить яичницу (ст. Казанская). Встречаются упоминания о проведении молебна перед началом сева (ст. Луковская), освящении семян (Рыблова, 2014, с. 80), «хождении духовенства с иконами» по окончании посева (Номикосов, 1884, с. 315).

Там немного ей, зерно, там узо́лик свяжуть и ходють это в церкву, посветють, а потом с этими семенами её, это святое-то, это зерно мешають и сеють (А. М. Котовская, записана М. Кравченко, Н. Кузьменко, Е. Рогачёвым в пос. Нижний Чир в 1993 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Называли жаворонки это... Наверно, на Евдотьи¹, четырнадцатого марта – ето Евдокия, Дуня, и вот тода пекли жаворонки... Тода божница, были иконы так стояли... и мать заставляла положить жаворонку туда. А потом... под какой-то пекли просферы под какой-то праздник тоже, тоже мать туда просферу, и вот эти вот, кода вот эти вот просферы там, жаворонки, патом яйцо, вот Пасха кода, красить, яйца крашеные, яйцо тоже туда клали. И как только выяжжають в поле, так беруть жаворонку, яйцо беруть это... Они по полю рассыпають там, разминають, рассыпають по полю... Весна, птицы должны вроде как, должен урожай быть (Никулина, записана О. Бондаревой в х. Грачёве в 1995 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

На Средохрестье пякли кресты, Сороки – жаворонки. Дедушка крест тот оставлял до пахоты, потом берёть с собой на поля: первую борозду пролаживаеть и в первую борозду кладёть етот крест (К. Н. Мартынова, записана в ст. Романовской в 1997 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Есть праздник – Сорокомученики. Сорок святых, сорок мучеников. Сороки. Пекуть жаворонки. Месили тесто, сделали жаворонок. Ложать у хлеб. Хлеб пекуть, и жаворонок этот пекли. Крылышки ж так же приделали. Ложуть у зерно. Когда у поле выезжають, беруть вот этот жаворонок. Его ж там разлаживали, чтоб птички клевали, по полям разносили, чтоб был урожай. Раньше ж по полям с иконами священники ходили, освящали (В. Г. Щурова, записана Е. Еритенко в ст. Митякинской в 2003 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Источник XIX в. зафиксировал редкое описание деталей первого сева, которые не встречаются в более поздних материалах:

Если переродится хлеб, то берут семена на заводе за рекой. Первый хлеб сеют в четверг до зори, при этом обойдут сажень 10-ть и оставят горсть зерна, чтобы

¹ О единой символике ранневесенних праздников и привязке одних и тех же ритуальных действий к разным датам марта-апреля см. подробнее (Власкина Н., 2013).

его высыпать в закрома амбара. До зори начинают только первый посев, а потом принято сеять после обеда, в то время, когда ни в одной печи не будет головни (Никулин, 1876).

Далее в годовом цикле заботы об урожае мы видим в представлениях о некоторых датах середины года. Так, названия ряда памятных дней летнего периода (дни Смоленской, Казанской икон Божьей матери, Пантелеймона (Палия)) устойчиво мотивируют запреты на проведение полевых работ и мемораты о пожарах, которые разгораются по вине нарушителей (см. подробнее: Шестак, 2010, с. 155–157; Власкина, Шестак & Терскова, 2012):

Смоленская... на Руси он очень соблюдалси и очень строгий у нас. У нас от раньше говорили и щас все говорять, что очень строгий. Не дай Бог на этот праздник от работать. А щас в это время от обычно раньше возили скошенное зерно с соломой вместе на гумны. И от хто на этот день не празднуеть, а возить, обязательно пожар, загорится (К. Ф. Черкесова, записана Ю. Зуб и В. Ногиной в х. Осиновском в 2002 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

А были ещё и злые праздники – Пантелеймон... Вот люди поедуть у поле, раньше ступицы были деревянные, вот колёса сейщас железные, а раньше деревянные были. Они поедуть, дажы ступицы загорались. Нельзя было у поле ехать, а бывало, и весь воз сгорить. Во какие наказания были (З. В. Виноградова, записана Н. Смородина в х. Крюкове в 1999 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Связь с урожаем прослеживается в этимологизации имен святых Бориса и Глеба как Борис-Хлеб (х. Островянский, ст. Луковская).

Уборка хлеба в большинстве интервью описывалась как не сопровождавшаяся ритуальными действиями. Однако редкие упоминания свидетельствуют о том, что в XIX в., возможно, этот блок обрядности и соответствующих представлений был более насыщенным. Так, в дореволюционной публикации описаны действия с первым снопом:

Для того чтобы водились овцы, всей семьей, от старого до малого, собирают на ниве первый сноп хлеба и берегут его до осени, осенью же, когда спускают баранов с овцами, этот сноп расстилают между ворот и прогоняют чрез него овец (Никулин, 1876).

В пос. Нижний Чир при описании пучка последних несжатых колосьев в поле (осмыслявшегося славянами как жертва святому – покровителю урожая (Терновская, 1995, с. 233)), было отмечено устойчивое выражение «оставить Илье на бороду»:

Ну вот косилкой косють эту зерно, хлеб. Едешь-едешь, быков гонишь, и щё-нибудь, и свярнули в сторону, а ето осталси клощёк там ну вот. И вот это называется «оставили Илье на бороду», это так, приговорки (А. М. Котовская, записана М. Кравченко, Н. Кузьменко, Е. Рогачёвым в пос. Нижний Чир в 1993 г. ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Также некоторые респонденты сообщали о календарной приуроченности жатвы (за неделю до Петрова дня – в ст. Казанской). То же с обмолотом хлеба:

его производили до дня усекновения главы Иоанна Предтечи (Ивана Постного) (ст. Казанская) или до третьего Спаса (ст. Вешенская).

Приведенные материалы свидетельствуют о значимом присутствии темы зерна и полеводства в донском календаре ко второй половине XIX в. – началу XX в. Важная роль мужчин в каждом из упомянутых ритуальных действий позволяет предположить и то, что в хозяйственной обрядности казаки участвовали не в меньшей степени, чем казачки.

Представляется, что специфика аграрной символики донских казаков заключается не столько в содержательном наполнении обрядов (хотя, безусловно, локальную специфику нельзя не заметить), сколько в отборе казаками обрядовых действий из известного славянам репертуара. В отдельных случаях такой отбор становится способом этносословной дифференциации. В качестве иллюстрации рассмотрим обычай носить кутью в Сочельник.

Рождественская кутья известна в большинстве исследованных хуторов и станиц бывшей Области войска Донского. Традиционно ее варили из зерен пшеницы, заправляя сладкой водой, мёдом, изюмом, сухофруктами, орехами. Однако виды действий с этой обрядовой пищей различаются в разных населенных пунктах.

В ст. Мигулинской, Митякинской приготовленную кутью в кастрюле, «опутанной» сеном, ставили в святой угол. В ст. Кривянской рассказывали о приглашении Мороза на рождественский ужин с формулой: «Дед Мороз, дед Мороз, иди с нами кутю йисть». Повсеместно трапезу начинал старший мужчина в семье, остатки кутьи утром отдавали птице и скотине. В ст. Митякинской недоеденную кутью, ложки и хлеб оставляли для покойных родителей.

В станицах и хуторах, расположенных вдоль рек (по Дону, Манычу, Чиру, Хопру – в ст. Раздорской, г. Константиновске, ст. Мигулинской, х. Арпачине, пос. Нижний Чир, ст. Луковской и др.), приготовленную кутью съедали во время вечерней семейной трапезы.

В то же время во многих других станицах и хуторах (чаще более позднего образования) (ст. Манычской, х. Грачеве, ст. Кривянской, пос. Чернышковском, пос. Веселом, пос. Чирском, пос. Зимовники, х. Гундоровском и др.) кутью носили родственникам и крёстным.

Обычай носить кутью распространен на Украине (Гринченко, 1958, с. 143). С. Ю. Пальгов и В. А. Шилкин, собиравшие этнографический материал по календарю в Волжском Понизовье и Подонье, указывают, что кутью носили в тех селах, где проживали малороссы (2020, с. 9). Показательно, что это обрядовое действие считается обязательным в другой переселенческой традиции – кубанских казаков (Бондарь, 2006, с. 38). Однако нельзя сказать, чтобы в формировании населения донских станиц, где этого обычая нет, не принимали участия украинцы (малороссы). Просто здесь кутья произвольно выбира-

ется как этносословный маркер, дающий возможность противопоставить казачье и соседнее крестьянское население:

Кутью – это варять из горновки, пшеницы специально, но сейчас нету, с рису варять. Сейчас под Рожество носють кутю, у нас этого обычая не было вообще. А от приехали кода у пятьдесят втором году, переселили это, людей оттуда, с-под Зернограда, у них обычай, значить, носить кутю. А у нас, как по-казачьи было, ходить это, с праздником поздравлять (Е. М. Чернышова, записана А. Корытиной в х. Арпачине в 2002 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Символизация зерна: основные направления динамики

Безусловно, то, какой перечень ритуальных действий мы видим, во многом зависит от времени фиксации материала. И здесь кажется перейти к обсуждению динамики доступных наблюдению уместным элементов ритуалов и предметных символов. На донской территории глубина масштабных этнографических и этнолингвистических сборов по теме «Народный календарь» не превышает 50 лет. Из дореволюционного периода есть лишь выборочные описания нескольких календарных обрядов, не всегда сопровождавшиеся указанием населенного пункта, а из советского - примеры новых, советских обрядов (Маева и др., 1979). В связи с этим реконструкция символизации зерна и обрядности, связанной с севом и жатвой, ранее чем рубеж XIX и XX вв., базируется на значительных допусках. Показательно, что и Борис Николаевич Проценко в 1990-х - начале 2000-х гг. менял свое мнение о степени редукции аграрных символов в донском календаре от суждения о почти полном их отсутствии до признания вариативности степени их сохранности в разных частях региона.

Что же можно проследить на основе имеющихся данных по донскому региону? Ранее других утрачиваются обрядовые действия, приуроченные к первому севу. В интервью с информантами до 1920-х гг. рождения в станицах Мигулинской, Вёшенской, Казанской, пос. Нижний Чир регулярно встречается описание начала посева зерновых. Причем рассказы об этом обычно описывают время до колхозов, «когда работали единолично». Чем младше респонденты, тем реже упоминается ритуальное оформление первого выхода в поле. Вероятнее всего, на его утрату повлияла механизация труда, замена ручного посева использованием сеялок, а далее – переход крестьянского труда под контроль советской власти.

С течением времени меняется состав рождественской кутьи. Если в более ранних записях ее готовят исключительно из пшеницы, то позднее говорят о кутье из риса как более престижной, поскольку рис нужно было покупать; противопоставляют пшеничную кутью и рисовый поминальный канун; противопоставляют рисовую кутью как современную и пшеничную как ту, что готовили родители; упоминают рис и пшеницу как равноправные варианты.

В последние десятилетия мы наблюдаем вторичную архаизацию символа пшеничного зерна, когда только пшеничная кутья считается правильной.

Дольше других сохраняется новогоднее посевание: рассказы о нем до последнего времени записывались повсеместно от собеседников всех возрастов. При этом только в дореволюционной публикации встречается проведение обряда представителями отдельной профессиональной группы – отарщиков.

В ряде записей можно наблюдать смешение разновидностей ритуальных обходов домов в святочный период. Б. Н. Проценко воспринимал это как свидетельство безразличия казаков к сельскохозяйственной обрядности (Гнутова & Проценко, 2004, с. 49), но, возможно, это связано и с поздней фиксацией, а также с тем, что для всех славян характерно восприятие Святок как единого праздничного цикла с единой терминологией и схожими ритуальными действиями в разные даты в рамках этого периода (Виноградова & Плотникова, 2009, с. 584, 588)¹.

Выводы

Проведенный обзор показал, что еще в середине XX в. для донской культуры была характерна символизация зерна и полевых работ в целом. Разнообразие этнографических фактов позволяет предположить, что гипотеза о «разрыве» или «сломе» земледельческой традиции на Дону требует дополнительных доказательств. Представляется также, что развернутая система воинских компонентов в народном календаре казачества, на которой акцентируют внимание дореволюционные историки и краеведы, а из современных исследователей - М. А. Рыблова и Т. С. Рудиченко (2017), не исключает одновременного возможного присутствия в системе членения и осмысления ритуального времени и составляющих, определяющих хозяйственный цикл, на разных этапах существования донского казачества как этносословной общности. Как справедливо отмечала С. М. Толстая, «в структурном и генетическом отношении календарь представляет собой сложное переплетение многих, относительно автономных (курсив наш. - Н. В.) моделей: распорядка христианских праздников, постов и мясоедов; календарей солнечного, вегетативного; земледельческого, скотоводческого, пчеловодческого и т.д.» (Толстая, 2005, с. 9).

Ряд проанализированных ритуальных действий, среди которых сев ритуальный и фактический, традиционно совершались представителями мужского пола. Безусловно, здесь значима аксиологическая оценка мужского начала как

¹ См. также у Л. Н. Виноградовой: «в течение длительного времени исследователи пытались выявить отличия этих [исполняемых на Рождество и на Новый год] групп песен, однако в последнее время традиция их разграничения окончательно признана безосновательной, так как песни, исполняемые во время колядования (на Рождество) или щедрования (на Новый год), в записях XIX–XX вв. уже представляли собой единый по функциональным, образным и формальным признакам вид творчества» (1982, с. 34–35).

положительного – несущего счастье, удачу, богатство. Но наряду с ней они свидетельствуют, что субъектом, транслировавшим аграрную ритуалистику на Дону, была не только казачка, но и казак. О положительном восприятии мужа-казака как земледельца, хозяина говорит и повсеместное (и самое частотное по количеству фиксаций) распространение новогоднего гадания с петухом, где зерно означает мужа-хлебороба.

Постоянное движение населения в регионе имело следствием, с одной стороны, закрепление аграрных мотивов в календаре, а с другой – появление конкурирующих вариантов действия с одним и тем же символом (кутьей) в разных населенных пунктах.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № государственной регистрации проекта 122020100347-2.

Список литературы

- Bell, C. (1997). Ritual: Perspectives and Dimensions. Oxford University Press.
- Bjørnstad, A. (2016). Wheat its role in social and cultural life. In A. P. Bonjean, W. J. Angus, & M. Ginkel (Eds.), The World Wheat Book. A History of Wheat Breeding (Vol. 3, pp. 1367–1396). Lavoisier–Tec & doc, DL.
- Boghici, C., & Boghici, S. (2014). Pluguşorul ("little plough") and semănatul ("sowing") music categories belonging to carol singing as a folklore genre. Area of Dâmboviţa. Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series VIII: Performing Arts, 7(56), 24–34.
- Vermander, B. (n.d.). *Cereals, rituals, and social structure*. Oxford Research Encyclopedia of Anthropology. https://oxfordre.com/anthropology/view/10.1093/acrefore/9780190854584.001.0001/acrefore-9780190854584-e-522.
- Vlaskina, N. (2015). The types of divination used by the Don Cossacks: Highlighting areas of distribution. In T. Minniyakhmetova & K. Velkoborská (Eds.), The Ritual Year 10: Magic in Rituals and Rituals in Magic (pp. 303–310). ELM Scholarly Press.
- Байбурин, А. К. (1993). Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Наука.
- Бондарь, Н. И. (2006). Хлеб/хлиб: пища и символ (материалы к этнокультурному словарю Кубани). Живая старина, 3, 37–39.
- Броневский, В. Б. (1834). История Донского войска. Описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод. Часть III, IV. Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг.
- Валенцова, М. М. (2004). Кутья. В Н. И. Толстой (Ред.), Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 томах (Т. 3, сс. 69–71). Международные отношения.

- Ветров, М. (1880). Станица Раздорская на Медведице (статистико-экономический очерк. Донские областные ведомости. Часть неофициальная, 61, 2–4.
- Виноградова, Л. Н. (1982). Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. Наука.
- Виноградова, Л. Н., & Плотникова, А. А. (2009). Святки. В Н. И. Толстой (Ред.), Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 томах (Т. 4, сс. 587–589). Международные отношения.
- Власкина, Н. А. (2013). Ранневесенние праздники донских казаков: к вопросу о территориальном варьировании календарной обрядности. Проблемы истории, филологии, культуры, 3(41), 329–341.
- Власкина, Н. А., Шестак, С. А., & Терскова, Н. В. (2012). Тексты о божественных наказаниях за работу в праздник в донской традиции. В Н. И. Бондарь (Ред.), Антропология конфликта и мира в культуре народов Кавказа (юга России): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (сс. 153–164). Традиция.
- Власкина, Т. Ю. (1998). «Бабина каша» в станице Раздорской. Живая старина, 3(19), 47.
- Власкина, Т. Ю. (2019). Структура повседневности казачьих жен в конце XIX начале XX в. Работа по хозяйству. В Е. Ф. Кринко (Ред.), Войны и население Юга России в XVIII начале XIX в.: Историко-антропологические очерки (сс. 252–260). Издательство ЮНЦ РАН.
- Власкина, Т. Ю. (2013). Семейные традиции казаков дельты Дона по данным приходской статистики XIX в. В Семья в традиционном и современном обществе: Этнокультурный и социально-исторический опыт: Материалы международной научно-практической конференции (сс. 150–158). КубГАУ.
- Гнутова, Л. И., & Проценко, Б. Н. (2004). К изучению донской календарной обрядности: празднование Нового года. Традиционная культура, 4, 48–53.
- Гринченко, Б. Д. (Ред.). (1958). Словаръ украинского языка: В 4 томах (Т. 1). Издательство Академии наук Украинской ССР.
- Дружинин, В. Г. (2015). Раскол на Дону в конце XVII века. Исследование. Репринтное издание. Антей.
- Краснов, Н. И. (1863). Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Земля войска Донского. Главное управление генерального штаба.
- Крылов, А. (1876). Святки. Донские областные ведомости. Неофициальная часть, 14, 3.
- Маева, П. И., Новак, Л. А., Фрадкина, Н. Г., & Сухов, Ю. П. (1979). Обряды и праздники на Дону. Очерки, статьи, рекомендации. Книжное издательство.
- Матишов, Г. Г., Власкина, Т. Ю., Венков, А. В., & Власкина, Н. А. (2012). Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской. Издательство ЮНЦ РАН.
- Мороз, А. Б. (2009). Традиционный календарь в современном исполнении. Традиционная культура, 4, 47–56.
- Никулин, А. (1876). Народные поверья, суеверия и предрассудки (продолжение). Донские областные ведомости. Неофициальная часть, 49, 3.
- Номикосов, С. Ф. (Ред.). (1884). Статистическое описание Области войска Донского. Областное правление войска Донского.

- Пальгов, С. Ю., & Шилкин, В. А. (2020). Календарные обряды Волжского Понизовья и Подонья (по материалам фольклорных экспедиций). б.и.
- Пронштейн, А. П. (1961). Земля Донская в XVIII веке. Издательство Ростовского университета.
- Проценко, Б. Н. (1995). Донской обряд плодородия: своеобразие и традиции. Этнографическое обозрение, 1, 45–52.
- Проценко, Б. Н. (2001). Календарно-хозяйственная обрядность и фольклор на казачьем Дону. В Филология в образовательном пространстве донского региона и ее роль в развитии личности: Материалы областной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 24–25.04.2001 г. Ч. 1 (сс. 147–150). б.и.
- Рудиченко, Т. С. (2017). Элементы воинской культуры в православных праздниках на Дону. В С. И. Хватова (Ред.), Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире (сс. 249–263). Магарин О. Г.
- Рыблова, М. А. (2006). Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI первой трети XIX века. Издательство ВолГУ.
- Рыблова, М. А. (2014). Календарные праздники донских казаков. Издатель.
- Сухоруков, В. Д. (1872). Историческое описание Земли войска Донского (Т. 2). Издание Областного войска Донского статистического комитета.
- Терновская, О. А. (1995). «Борода». В Н. И. Толстой (Ред.), Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 томах (Т. 1, сс. 231–234). Международные отношения.
- Токарев, С. А., Гроздова, И. Н., & Златковская, Т. Д. (1973). Введение. В С. А. Токарев (Ред.), Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (XIX начало XX в.). Зимние праздники (сс. 5–17). Наука.
- Толстая, С. М. (2005). Народный календарь в системе традиционной культуры. В С. М. Толстая, Полесский народный календарь (сс. 9–23). Индрик.
- Усачева, В. В. (1999). Зерно. В Н. И. Толстой (Ред.), Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 томах (Т. 2, сс. 324–327). Международные отношения.
- Филин, Ф. П. (Ред.). (1970). Словарь русских народных говоров. Вып. 6: Выросток Гон. Наука, Ленинградское отделение.
- Харузин, М. (1885). Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. Выпуск 1. Типография М. П. Щепкина.
- Чичеров, В. И. (1957). Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI-XIX веков. Издательство Академии наук СССР.
- Шестак, С. А. (2010). Система календарных запретов донских казаков по современным полевым материалам. *Palaeoslavica*, 1(XVIII), 138–163.

References

- Baiburin, A. K. (1993). Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites. Nauka. (In Russian).
- Bell, C. (1997). Ritual: Perspectives and Dimensions. Oxford University Press.

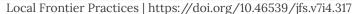
- Bjørnstad, A. (2016). Wheat its role in social and cultural life. In A. P. Bonjean, W. J. Angus, & M. Ginkel (Eds.), The World Wheat Book. A History of Wheat Breeding (Vol. 3, pp. 1367–1396). Lavoisier–Tec & doc, DL.
- Boghici, C., & Boghici, S. (2014). Pluguşorul ("little plough") and semănatul ("sowing") music categories belonging to carol singing as a folklore genre. Area of Dâmboviţa. Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series VIII: Performing Arts, 7(56), 24–34.
- Bondar, N. I. (2006). Bread: Food and Symbol (Materials for the Kuban Ethnocultural Dictionary). *Zhivaya starina*, 3, 37–39. (In Russian).
- Bronevsky, V. B. (1834). History of the Don Army. Description of the Don Land and Caucasian Mineral Waters. Part III, IV. Printing office of the State Paper Procurement Expedition. (In Russian).
- Chicherov, V. I. (1957). The winter period of the Russian folk agricultural calendar of the 16th–19th centuries. USSR Academy of Sciences Publishing House. (In Russian).
- Druzhinin, V. G. (2015). Schism on the Don at the end of the 17th century. Research. Reprint Edition. Antej. (In Russian).
- Filin, F. P. (Ed.). (1970). Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 6: Vyrostok-Gon. Nauka, Leningrad. (In Russian).
- Gnutova, L. I. & Protsenko, B. N. (2004). To the Study of the Don Calendar Rituals: Celebration of the New Year. *Traditional culture*, 4, 48–53. (In Russian).
- Grinchenko, B. D. (Ed.). (1958). Dictionary of the Ukrainian Language: In 4 Volumes (Vol. 1). Publishing house of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. (In Russian).
- Kharuzin, M. (1885). Information about Cossack communities on the Don. Materials for Customary Law. Issue 1. Typography of M. P. Schepkin. (In Russian).
- Krasnov, N. I. (1863). Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. The Land of the Don Army. General Staff Directorate. (In Russian).
- Krylov, A. (1876). Christmas Eve. Donskiye oblastnye vedomosti. Unofficial part, 14, 3. (In Russian).
- Maeva, P. I., Novak, L. A., Fradkina, N. G., & Sukhov, Y. P. (1979). Rites and Feasts on the Don. Essays, articles, recommendations. Book Publishing House. (In Russian).
- Matishov, G. G., Vlaskina, T. Yu., Venkov, A. V., & Vlaskina, N. A. (2012). A Social-Historical Portrait of the Don Delta: A Cossack Hamlet of Donskoi. SSC RAS Publishers. (In Russian).
- Moroz, A. B. (2009). Traditional calendar in modern performance. *Traditional culture*, 4, 47–56. (In Russian).
- Nikulin, A. (1876). Folk beliefs, superstitions and prejudices (continued). Donskiye oblastnye vedomosti, Unofficial part, 49, 3. (In Russian).
- Nomikosov, S. F. (Ed.). (1884). Statistical description of the Region of the Don Army. Regional Board of the Don Army. (In Russian).
- Palgov, S. Yu., & Shilkin, V. A. (2020). Calendar Rites of the Volga Ponizovye and Podonye (based on folk-lore expeditions). n.p. (In Russian).
- Pronshtein, A. P. (1961). The Don land in the 18th century. Rostov University Press. (In Russian).
- Protsenko, B. N. (1995). The Don Rite of Fertility: Peculiarities and Traditions. Ethnographic Review, 1, 45–52. (In Russian).

- Protsenko, B. N. (2001). Calendar and Economic Rituals and Folklore on the Cossack Don. In Philology in the Educational Space of the Don Region and its Role in the Development of Personality: Materials of the Regional Scientific-Practical Conference. Rostov-on-Don, 24-25.04.2001. (pp. 147–150). n.p. (In Russian).
- Rudichenko, T. S. (2017). Elements of Military Culture in Orthodox Holidays on the Don. In S. I. Khvatova (Ed.), Worship Practices and Worship Arts in Today's World (pp. 249–263). Magarin O. G. (In Russian).
- Ryblova, M. A. (2006). The Don Brotherhood: Cossack Communities on the Don in the 16th to the First Third of the 19th Century. VolSU Press. (In Russian).
- Ryblova, M. A. (2014). Calendar holidays of the Don Cossacks. Publisher. (In Russian).
- Shestak, S. A. (2010). The System of Calendar Prohibitions of the Don Cossacks by Modern Field Materials. *Palaeoslavica*, 1(XVIII), 138–163. (In Russian).
- Sukhorukov, V. D. (1872). Historical Description of the Land of the Don Army (Vol. 2). Publication of the Regional Troops of the Don Statistical Committee. (In Russian).
- Ternovskaya, O. A. (1995). "The Beard". In N. I. Tolstoy (Ed.), Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes (Vol. 1, pp. 231–234). Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Tokarev, S. A., Grozdova, I. N., & Zlatkovskaya, T. D. (1973). Introduction. In S. A. Tokarev (Ed.), Calendar customs and rituals in the countries of foreign Europe (19th beginning of the 20th century). Winter Holidays (pp. 5–17). Nauka. (In Russian).
- Tolstaya, S. M. (2005). Folk calendar in the system of traditional culture. In S. M. Tolstaya, Polesie folk calendar (pp. 9–23). Indrik. (In Russian).
- Usacheva, V. V. (1999). Grain. In N. I. Tolstoy (Ed.), Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes (Vol. 2, pp. 324–327). Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Valentsova, M. M. (2004). Kutya. In N. I. Tolstoy (Ed.), Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes (Vol. 3, pp. 69–71). Mezhdunarodnye otnoshenija. (In Russian).
- Vermander, B. (n.d.). *Cereals, rituals, and social structure*. Oxford Research Encyclopedia of Anthropology. https://oxfordre.com/anthropology/view/10.1093/acrefore/9780190854584.001.0001/acrefore-9780190854584-e-522.
- Vetrov, M. (1880). Razdorskaya stanitsa on Medveditsa (statistical and economic sketch). Donskie oblastnye vedomosti. Unofficial part, 61, 2–4. (In Russian).
- Vinogradova, L. N. (1982). Winter Calendar Poetry of the Western and Eastern Slavs: Genesis and Typology of Caroling. Nauka. (In Russian).
- Vinogradova, L. N., & Plotnikova, A. A. (2009). Christmas Eve. In N. I. Tolstoy (Ed.), Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes (Vol. 4, pp. 587–589). Mezhdunarodnye otnoshenija. (In Russian).
- Vlaskina, N. (2015). The types of divination used by the Don Cossacks: Highlighting areas of distribution. In T. Minniyakhmetova & K. Velkoborská (Eds.), The Ritual Year 10: Magic in Rituals and Rituals in Magic (pp. 303–310). ELM Scholarly Press.
- Vlaskina, N. A. (2013). Early Spring Festivals of the Don Cossacks: On the Territorial Variation of Calendar Rituals. *Problems of History, Philology, and Culture*, 3(41), 329–341. (In Russian).

- Vlaskina, N. A., Shestak, S. A., & Terskova, N. V. (2012). Texts about divine punishments for holiday work in the Don tradition. In N. I. Bondar' (Ed.), Anthropology of Conflict and Peace in the Cultures of the Peoples of the Caucasus (South of Russia): Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference (pp. 153–164). Tradicija. (In Russian).
- Vlaskina, T. Yu. (1998). "Babina Kasha" in the village of Razdorskaya. *Zhivaya starina*, 3(19), 47. (In Russian).
- Vlaskina, T. Yu. (2019). The Structure of Everyday Life of Cossack Wives in the Late 19th Early 20th Centuries. Household Work. In E. F. Krinko (Ed.), Wars and Population in the South of Russia in the 18th the Early 21st Centuries: Historical and Anthropological Essays (pp. 252–260). SSC RAS Publishers. (In Russian).
- Vlaskina, T. Yu. (2013). Family traditions of the Cossacks of the Don delta according to parish statistics of the 19th century. In The Family in Traditional and Modern Society: Ethnocultural and Socio-Historical Experience: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference (pp. 150-158). KubSAU. (In Russian).

Horse Theft in the Urals in the 1730s

Elena V. Borodina

Institute of History and Archaeology, the Ural Brunch of RAS. Yekaterinburg, Russia. Email: sosnovi-bor[at]yandex.ru

Received: 31 August 2021 | Revised: 14 June 2022 | Accepted: 26 June 2022

Abstract

The article is devoted to the problem of horse theft in the Urals in the 1730s. The main reason for this situation should be called the paucity of information about horse thieves, presented in the documents of the court and the investigation, which allow reconstructing the criminal world of early modern Russia. The author drew attention to the peculiarities of the region under study, which was a transit zone between the European and Asian parts of the Russian Empire and a major industrial center of the country. These features determined the special importance of horses not only in agriculture, but also in industrial production as a means of transporting goods and maintaining communication between the capital and the periphery. Analysis of the books of minutes of the Yekaterinburg Office of Judicial and Executive Affairs for the second half of the 1730s led to the conclusion that horse theft was widespread in the region. Most of those accused of stealing horses were residents who sought to escape from the difficult conditions of life in the Ural factories. At the same time, these sources allow us to conclude that there existed groups of horse thieves in the first third of the 18th c. in Russia, engaged in this business on a regular basis. Their thieving practices were similar to the activities of the organized groups of horse thieves in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Keywords

History of Russia; the 18th Century; the History of State and Law; the Cathedral Code of 1649; the Urals; Yekaterinburg; the Yekaterinburg Office of Judicial and Executive Affairs; Crime; Organized Crime; Horse Theft

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Конное воровство на Урале в 1730-е гг.

Бородина Елена Васильевна

Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия. Email: sosnovi-bor[at]yandex.ru

Рукопись получена: 31 августа 2021 | Пересмотрена: 14 июня 2022 | Принята: 26 июня 2022

Аннотация

Статья посвящена проблеме конокрадства на Урале в 1730-е гг. Этот вопрос получил широкое освещение на материалах второй половины XIX - начала XX в., но исследования по истории конного воровства в более ранние периоды истории России до сих пор являются единичными. Основной причиной данной ситуации следует назвать скудость сведений о конокрадах, представленных в документах суда и следствия, позволяющих реконструировать криминальный мир России раннего нового времени. Автор обратил внимание на особенности изучаемого региона, который являлся зоной транзита между европейской и азиатской частями Российской империи и был крупным индустриальным центром страны. Эти особенности предопределили особое значение лошадей не только в сельском хозяйстве, но и в промышленном производстве как средства для перевозки грузов и поддержания коммуникации между столицей и периферией. Анализ книг протоколов Екатеринбургской конторы судных дел за вторую половину 1730-х гг. позволил прийти к выводу, что конное воровство было широко распространено в регионе. Большинство обвиняемых в краже лошадей являлись местными жителями, которые стремились сбежать от непростых условий жизни на уральских заводах. В то же время данные источников позволяют заключить, что уже в первой трети XVIII в. в России появляются группы конных воров, занимавшихся данным промыслом на регулярной основе. Их воровские практики были сходны с деятельностью организованных групп конокрадов в России второй половины XIX - начала XX в.

Ключевые слова

история России; XVIII век; история государства и права; Соборное уложение 1649 г.; Урал; Екатеринбург; Екатеринбургская контора судных и земских дел; преступление; организованная преступность; конокрадство

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная</u>

Введение

Как и в других регионах Европы, одним из самых тяжелых преступлений в Древней Руси считалось воровство лошадей (Stuart, 1782, р. 163). В соответствии с Пространной редакцией Русской Правды, конное воровство каралось «потоком и разграблением» (Русская Правда, 1984, с. 66, 96). В.О. Ключевский считал, что наказание за конокрадство было самой тяжкой карой, не сравнимой даже с наказанием за убийство (Ключевский, 1908, с. 299). В законодательных памятниках более позднего времени конокрадство практически не выделялось в качестве отдельного вида преступления, а наказание за его совершение было примерно таким же, как за воровство в церкви, поджог или кражу, совершенную в посаде в третий раз (Ахмедов, 2016b, с. 10).

Для некоторых регионов нашей страны проблема конокрадства остается актуальной и в настоящее время (Галиева, 2017, с. 181, 187–190; Конокрады, отдававшие лошадей для забоя на мясо, осуждены в Омской области, 2018; Галиева, 2019, с. 13; В Хакасии сотрудники полиции задержали конокрадов, 2019; В Волгоградской области задержали трех предполагаемых конокрадов, 2019). Случаи конокрадства привлекают не только журналистов и писателей. Исследователи, работающие в поле социальных и гуманитарных наук, также часто обращают внимание на данную тему, пытаясь выяснить причины конокрадства как социального явления.

Во многих случаях это правонарушение рассматривается в исторической ретроспективе. В научных трудах, посвященных данной проблематике, обычно дается общая характеристика конокрадства на разных этапах развития Российского государства, сравниваются методы борьбы с конокрадством (Галиева, 2017; Галиева, 2019). Несмотря на это, в изучении темы существуют лакуны.

Сопоставление массивов историографии, посвященной истории конокрадства, показывает, что в наибольшей степени данная проблематика изучена на примере XIX – начала XX в. Статьи и монографии, так или иначе связанные с историей конокрадства этого периода, обращаются, во-первых, к характеристике органов власти и роли государства в борьбе с конокрадами (Ахмедов, 2016а; Ахмедов, 2016b; Данчевская, 2020). Во-вторых, в них описывается отношение к конокрадству в среде крестьянства, дается всесторонний анализ норм обычного права, применявшихся при наказании конных воров в деревне (Лаппо, 1905; Worobec, 1987; Hoch, 1989; Безгин, 2013; Федоров, 2013; Федоров, 2014). В-третьих, дается анализ криминальной ситуации и состава преступников Российской империи (Максимов, б.д.).

Данная историографическая ситуация обусловлена более пристальным вниманием со стороны государства и общества к проблеме конокрадства и состоянию поголовья скота в Российской империи, начиная с середины XIX в. Оно выразилось в периодическом проведении конских и военно-конских переписей, данные которых подвергались всестороннему анализу (Конская

перепись 1882 года, 1884; Дубенский, 1891). Кроме того, к концу XIX – началу XX в. относится начало публикации результатов этнографического описания крестьян Центральной России. Происходит активное обсуждение правовых обычаев крестьянских сообществ (Тенишев, 1907).

В качестве источниковой базы своих исследований ученые XIX – начала XXI в. использовали материалы этнографических наблюдений, публицистику, данные статистики и законодательные акты. Без сомнения, такое комплексное использование источников позволяет провести наиболее полную реконструкцию практик кражи лошадей и преследования конных воров. Тем не менее, преимущественная ограниченность одним временным отрезком не позволяет выявить основные тенденции развития этих практик на разных этапах российской истории, понять, как менялось отношение государства и общества к данной проблеме. Представляется, что введение в оборот новых источниковых комплексов и изменение хронологических рамок исследования позволит выявить сходства и различия в деятельности конокрадов на разных этапах существования Российского государства, понять, для каких территорий страны этот вид преступлений являлся преобладающим.

По данным статистики за 1888 г., конокрадство было наиболее распространено в приграничных регионах и на окраинных территориях европейской части Российской империи (Дубенский, с. 210). Именно они отличались большей подвижностью населения. Эта тенденция проявилась и на ранних этапах существования Московского государства. В частности, русско-шведское пограничье в начале XVII в. также отличалось активностью конокрадов (Селин, 2016, с. 551–559; Чепель, 2014). Дальнейшие сбор и обработка источниковых материалов позволят существенно дополнить уже имеющиеся сведения данными о конокрадстве на разных территориях в различные исторические периоды, выявить зоны, которые на протяжении длительных отрезков времени в наибольшей степени страдали от этого правонарушения.

В центре внимания данной статьи – конное воровство на Урале в 1730-е гг. Хронологическими рамками исследования стало время правления императрицы Анны Иоанновны, которое можно охарактеризовать как период, когда происходила дальнейшая адаптация нововведений первой четверти XVIII в. В течение первой трети XVIII в. складываются условия, которые позволили западной части «Сибири» постепенно превратиться в самостоятельный регион. Урал становится, с одной стороны, крупным индустриальным центром, с другой, – зоной транзита между европейской и азиатской частями страны, через которую происходило дальнейшее освоение Сибири и Дальнего Востока.

Цель исследования – выяснить, какую роль играло «конное воровство» на этой территории. Чтобы ответить на этот вопрос, следует, во-первых, разобраться, какую роль играло государство при контроле над перемещением крупного скота в России раннего Нового времени, и понять, какие механизмы контроля над лошадьми использовались; во-вторых, определить, каковы были

причины и особенности совершения такого правонарушения на Урале в 1730-е гг.

Купля-продажа и обмен лошадьми в России раннего Нового времени

Как отмечено выше, уже в Средневековой Руси государство стремится установить наказание за конокрадство, соответствующее значению лошади в жизни человека того времени. Развитие русского права привело к постановке этого преступления в один ряд с некоторыми другими уголовными правонарушениями. Несмотря на практически полное исключение наказания за конное воровство как самостоятельный вид преступления из норм законодательных актов в России раннего Нового времени, лошади продолжали играть большую роль в жизни общества. Они являлись основным средством передвижения и тягловой силой, были важны в сельском хозяйстве и военном деле.

Именно по этой причине государство стремилось создать механизмы контроля над перемещением конского поголовья. Соборное уложение 1649 г. содержит несколько статей, касающихся лошадей. «Пункты» 52 и 53 XXI главы «О розбойных и татиных делех» устанавливали правило обязательной регистрации лошадей при покупке с описанием «в шерсть, и в лета, и в приметы». Исключением являлось приобретение лошадей «без записки» служилыми людьми, которые, будучи в военном походе («на государевой службе»), не всегда могли оформить документы на сделку (Соборное уложение 1649 г., 1985, с. 238–239).

Лошади являлись ценным товаром в России XVII–XVIII вв. Об этом наряду с законодательством свидетельствуют конские таможенные книги, самые ранние из сохранившихся экземпляров которых датируются началом XVII в. (Селин, 2017, с. 105–106; Раздорский, 2012, с. 168–169). Этот вид источников был тщательно проанализирован А.И. Раздорским и поделен им на две группы: собственно конские таможенные книги и разделы общих таможенных книг, которые обычно именуются «конскими книгами», «лошадиными книгами» или «книгами лошадиной записки». Наряду с приметами лошади в них указывались участники сделки, а также дата ее совершения. В XVIII в. число самостоятельных конских таможенных книг возросло, что, на наш взгляд, говорит об увеличении их роли в учете лошадей. Прекращение составления товарных таможенных книг не привело к ликвидации практики работы над конскими таможенными книгами. Ведение конских таможенных книг продолжалось до начала 1770-х гг. (Раздорский, 2012, с. 168–170).

Попытки регулирования обмена и купли-продажи лошадей не позволили избежать их воровства. Конокрадство оставалось одним из самых распространенных преступлений как до, так и после принятия Соборного уложения. Об этом ярко свидетельствуют документальные источники XVII в., отложив-

шиеся в результате деятельности государственных учреждений, функционировавших в приграничных территориях (Селин, 2016, сс. 551–559; Чепель, 2014), и материалы делопроизводства органов суда и управления регионов, удаленных от центра страны. Данные о количестве судебных дел, возбужденных по челобитью в Кунгурском уезде и Каменском дистрикте за 1722 г., свидетельствуют, что примерно 20% от всех выявленных случаев (19 и 22,3% соответственно) были делами о конном воровстве (Бородина, 2012, с. 238).

На наш взгляд, одной из причин большого количества преступлений, связанных с лошадьми, было нежелание участников сделок платить пошлины за их регистрацию. В начале XVIII в. требования к обмену и покупке лошадей были ужесточены (Раздорский, 2012, с. 171–172). Добросовестность владельцев животных следовало подтверждать поручителям. При регистрации сделки происходила ее запись в книгу мены или книгу купли-продажи. На основе этой записи выдавался ярлык (ГАСО, 1735b, лл. 56–57; ГАСО, 1736b, лл. 14–14об.).

Изучение документов суда и следствия показало, что поиск поручителей для многих продавцов и покупателей не был легкой задачей. Люди не стремились выступать в этой роли, так как поручительство было сопряжено с обязательствами по обеспечению процедуры заключения сделки. Во многих случаях невозможность регистрации купли-продажи или обмена лошадей была связана с удаленностью места жительства продавцов и покупателей от конской площадки – места фиксации передачи животного от одного человека другому – и покупкой в рассрочку (ГАСО, 1740b, л. 95об.).

Так, например, в январе 1739 г. в Екатеринбургской конторе судных и земских дел слушалось дело об украденной лошади затинщика Ивана Юрьева. И. Юрьев опознал лошадь у крестьянина Теченской слободы Антона Петрова. Тот, в свою очередь, доказывал, что приобрел коня на законных основаниях у крестьянина Лариона Ермолаева, совершив сделку при свидетелях в декабре 1737 г. Покупка не была зарегистрирована на конской площадке, так как А. Петров смог отдать лишь полтора рубля из трех, в которые была оценена лошадь. По словам ответчика, представление лошади на конской площадке предполагалось сделать после уплаты всей суммы (ГАСО, 1739, л. 27). Таким образом, животное попало к А. Петрову при сомнительных обстоятельствах, а свидетели заключения соглашения не могли спасти его от судебного разбирательства.

Кроме того, многие не хотели платить достаточно высокие пошлины (ГАСО, 1739, лл. 255об., 279–280). Их возможно было взыскать только в случае привлечения поручителей, которые гарантировали, что нарушители выплатят штраф и шерстные деньги после вынесения обвинительного приговора и выпуска ответчиков из тюрьмы. Так было, например, с жителем Ревдинского завода отставным драгуном Василием Старковым и крестьянином Тамакульской слободы Семеном Соловьевым (ГАСО, 1739, л. 101об.).

Некоторые участники сделки скрывались от правосудия, поэтому не желали регистрировать сделку. Так произошло с крестьянином Камышловской слободы Яковом Заводсковым, его пасынком Савой и тюремным сидельцем Иваном Поповым (он же Чесноков), которые украли деньги и имущество у крестьянина Федора Шелегина на сумму 263 рубля 10 копеек. Несмотря на то, что у воров были деньги, они не могли прийти на конскую площадку. Это грозило им разоблачением (ГАСО, 1739, лл. 193–194).

Невозможность наладить должный контроль над куплей-продажей и обменом лошадей оставляла лазейки для перепродажи и обмена украденных животных (ГАСО, 1739, лл. 38, 72). В документах делопроизводства описываются ситуации, когда покупатели приобретали «заведомо воровских» лошадей (ГАСО, 1739, лл. 253–253об.). Продавцы часто хитрили, обещая зарегистрировать сделку без покупателя. Неоднократно встречаются случаи, когда в качестве поручителей выступали люди, не имевшие представления о происхождении коня и не знакомые близко с участниками сделки. Ссылка на незавершенность регистрации на конской площадке была частой отговоркой конных воров, которая позволяла потянуть время досудебного расследования (ГАСО, 1739, лл. 37–37об.). Кроме того, многие лошади не регистрировались в официальных структурах, так как были доморощенными, могли быть получены в дар или переданы по наследству (ГАСО, 1739, лл. 57об.–58). Неразработанность законодательства создавала благоприятные условия для конокрадов.

Особенности конного воровства на Урале в 1730-е гг.

Как и в период реформ Петра I, Урал 1730-х гг. представлял собой территорию с развивающейся промышленностью, которая стала плацдармом для создания индустрии на востоке страны. Кроме того, регион имел транзитный характер: через него происходило достаточно активное перемещение людей (от беглых до направлявшихся из столицы в Сибирь представителей администрации). Урал был включен в состав Сибирской губернии, но уже в 1720-е гг. получил большую самостоятельность в управлении, что было вызвано нуждами горнозаводского строительства. В начале 1720-х гг. здесь создается Канцелярия горных дел, переименованная впоследствии в Сибирское Вышнее горное начальство. В 1723 г. это учреждение сменил Сибирский обер-бергамт, здание которого было размещено в пределах только что отстроенной крепости в Екатеринбурге. В 1735 г. Обер-бергамт был переименован в Канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов. В конце XVIII в. город-завод оставался одним из важных административных центров региона (Побережников, 2008, с. 52–53, 90–91).

В 1735 г. наряду с переименованием Сибирского обер-бергамта произошло создание Конторы судных и земских дел (ГАСО, 1735а, л. 1). Если не принимать во внимание Канцелярию главного правления Сибирских и

Казанских заводов, этот орган власти получил широкий круг судебных полномочий. Его документы составили основу настоящего исследования. В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) не сохранились судебноследственные материалы ведомства. До нас дошли в основном книги протоколов и журналы входящих и исходящих документов. На начальном этапе своего существования Контора работала с большими перерывами в течение года, что не позволяет сформировать более или менее полный комплекс статистических данных по фактам совершения этого вида правонарушения (ГАСО, 1736a; ГАСО, 1736b).

Несмотря на это, имеющийся корпус источников позволяет понять суть дел, рассматривавшихся в стенах данного органа власти. Книги протоколов содержат необходимые сведения о делах, разбиравшихся в течение года. Записи велись в дни работы членов присутствия в Конторе. Они содержат информацию о находившихся на службе и времени их пребывания в учреждении, краткие выписки о вынесенных приговорах, а также решения о дальнейших следственных действиях. Все приговоры сопровождались пересказом основных этапов разбирательства, что позволяет познакомиться с содержанием большинства документов, составленных в ходе суда и следствия.

На примере уральских материалов разберемся в причинах конного воровства в Российской империи 1730-х гг.

Лошади на Урале были важны не только для крестьян, которые использовали их в сельскохозяйственных работах и для транспортировки грузов, но и для горнозаводских предприятий. На заводах животные были преимущественно задействованы в перевозках древесины, руды и другой поклажи. Кроме того, они являлись основным средством передвижения.

Активные перемещения людей между Европейской Россией и Сибирью в стремлении найти источники заработка, избежать хлебного голода, рекрутской повинности или иных бедствий создавали условия для кражи тяглого скота (ГАСО, 1738а, лл. 45–46). Ситуацию осложняли и непростые условия жизни местного населения. Жизнь вблизи заводов была связана с тяжелым трудом, необходимым для обеспечения функционирования горнозаводских комплексов. Помимо сельскохозяйственных работ приписные крестьяне обязывались трудиться на рубке дров и заготовке угля, перевозке угля, древесины, руды и металлических изделий. Работные и мастеровые люди находились на заводах и фабриках по 10–15 часов в сутки (Пензин, 1986, с. 108). Выбиравшиеся от местного населения рекруты и солдаты были вынуждены не только осваивать нюансы строевой службы в выходные и праздничные дни, но и основы труда на уральских заводах в будни (Бородина, 2021, с. 39–40).

Последние чаще всего старались избежать тягот жизни, сбегая с заводов. В желании ускорить передвижение, беглые рекруты и солдаты крали лошадей у местных жителей (ГАСО, 1739, лл. 269–269об.). Так, например, поступили драгунский сын Логин Иполитов и беглый рекрут Сысой Пермяков, которые

16 сентября 1738 г. предстали перед судом Екатеринбургской конторы судных и земских дел (ГАСО, 1738b, лл. 29). Дети солдат и драгун, проживавших в регионе, тоже не всегда желали поступать на службу. Так, например, бежали определенные казаками драгунские дети Федот Пистиков и Дмитрий Виноградов, приведенные в Екатеринбург в апреле 1739 г. (ГАСО, 1739, лл. 272–272об., 280).

Крестьяне также стремились избавиться от ненужных повинностей, бежали от тяжелой заводской работы. Например, в условиях башкирских восстаний конца 1730 – начала 1740-х гг. они, оседлав чужих лошадей, уходили из рядов ополчения, собранного для борьбы с инородцами. Таким образом поступил крестьянин Багаряцкой слободы Марк Падерин, который, «не хотя быть более в казаках», решил отравиться в «низовые Тобольские слободы», но раскаялся и тайно вернулся «в дом» (ГАСО, 1738b, лл. 237). Для организации побега с заводов крестьяне могли объединяться с мастеровыми и работными людьми, как это сделали 12 человек, бежавших с «воровскими пашпортами и лошадьми» в 1738 г. (ГАСО, 1738а, л. 81).

Схожие мотивы для бегства имели каторжные и ссыльные. Как правило, они присылались в Екатеринбург для отбывания наказания и также были задействованы на самых тяжелых работах, от которых время от времени стремились уйти (ГАСО, 1737а, л. 106). Лошади были необходимы беглецам не только для того, чтобы скрыться как можно дальше от преследований государства, но и получить средства для выживания. Бежали как индивидуально, так и небольшими группами.

Стремились уйти от своих хозяев и дворовые люди. 8 мая 1735 г. оберцегентнер Константин Гордеев подал в Екатеринбургскую канцелярию судных и земских дел челобитную с жалобой на побег его «крепостных дворовых людей» – семьи Федосея Красильникова, состоявшей из него самого, жены, детей и внуков. В мае 1732 г. Красильниковы, не желая быть более в холопстве, отправились «в казаки» в Сакмарский городок. Они увели с собой четырех лошадей и «снесли» пожитки (ГАСО, 1735b, лл. 43–49). 5 ноября 1736 г. подал челобитную заводской комиссар Яков Бекетов. Бежавшие от него люди Иван Тарасов и Конон Силантьев украли не только 30 рублей и «пожитки», но и старого мерина (ГАСО, 1736b, лл. 15об.).

Стоит отметить, что из уральских уездов и дистриктов бежало не меньше людей, чем из Европейской части России. Среди ответчиков, проходивших по делам о конокрадстве в Екатеринбургской конторе судных и земских дел, большинство составляли местные жители. Эту ситуацию можно объяснить не только частотой побегов, но и особенностями структуры населения территории. В регионе проживал значительный процент нерусского населения, занятого кочевым скотоводством. В документах суда и следствия о конокрадах встречаются упоминания татар, башкир, мещеряков и представителей некоторых других этносоциальных групп.

Челобитные с жалобами на конокрадство подавались и русскими, и инородцами (ГАСО, 1735а, лл. 27–28; ГАСО, 1735b, лл. 31–31об., 39–39об., 56–57; ГАСО, 1737а, лл. 130–130об., 223; ГАСО, 1738а, л. 88). Несмотря на то, что у народов, занимавшихся скотоводством, отношение к краже лошадей было более спокойным, чем у русских крестьян, башкиры рассматриваемого периода стремились задерживать конных воров до приезда хозяина (Галиева, 2019, с. 14–15; ГАСО, 1735с, л. 77). В некоторых случаях они самостоятельно передавали правонарушителей региональным органам власти. В первую очередь это касалось хорошо известных в башкирских поселениях воров (ГАСО, 1735b, лл. 39–39об.). В то же время сами башкиры могли проходить в качестве ответчиков по делам о краже крупных партий лошадей (ГАСО, 1740b, лл. 145–146).

В целом анализ статистических данных показал, что крестьяне чаще всего выступали действующими лицами в судебных случаях, связанных с конокрадством, опознанием и поиском лошадей, заключением неправомерных сделок с ними. Они проходили в качестве ответчиков в 36% выявленных кейсов, а в 32% изученных судебных разбирательств были истцами. Во многих случаях социальный статус ответчиков (26,5%) и истцов (18%) не был указан. Инородцы были ответчиками в 6% случаев, а истцами – в 9,6%. Мастеровые и работные люди проходили в качестве ответчиков в 3% дел, истцов – в 8,5% судебных кейсов. Прочие категории населения участвовали в подобных судебных процессах менее активно.

Следует отметить, что большинство случаев конокрадства произошло в сельской местности. Данная ситуация не является удивительной и свидетельствует о преимущественно аграрном характере российского общества. Тем не менее, среди участников судебных процессов встречаются и жители горнозаводских поселений – мастеровые и работные люди, а также работники канцелярий региональных органов власти, солдаты, рекруты и другие категории военнослужащих. Они могли лишиться лошади как в городе, так и в деревне.

Обычно кража лошадей была тайной, но случались ситуации, когда лошадь отнимали вместе с другим имуществом при грабеже на дороге. Так произошло в январе 1735 г. с жителем Екатеринбурга Осипом Брюхановым. Его ограбил крестьянин Аяцкой слободы Семен Русаковский (ГАСО, 1735а, л. 48). Кроме того, лошадей воровали на базаре (ГАСО, 1739, л. 130).

Подобные случаи были, скорее, редкостью. Кравшие лошадей беглецы и другие воры стремились делать это, не привлекая к себе особого внимания. Возможностей для конокрадства было много. В ночное время лошади оказывались практически без присмотра во дворах, поскотинах и конских выпусках. Они могли отбиться от стада. Часто коней «одалживали» без разрешения хозяев (ГАСО, 1735а, лл. 27–28; ГАСО, 1735с, лл. 77, 214; ГАСО, 1736а, л. 70; ГАСО, 1737а, л. 171; ГАСО, 1737b, л. 31; ГАСО, 1738а, лл. 65–66об., 69, 81об.; ГАСО, 1739, лл. 121, 140–140об., 242, 279; ГАСО, 1740b, л. 95).

В основном на конокрадстве попадались индивидуумы. Очень часто приводными были люди, получившие украденную лошадь в результате куплипродажи или мены (ГАСО, 1735b, л. 57; ГАСО, 1735c, лл. 31–31об.; ГАСО, 1739, л. 38). Как уже было отмечено выше, нередко продавцы и покупатели решали не уплачивать пошлины за сделку, не регистрируя ее, что затрудняло поиск доказательств невиновности обвиняемого (ГАСО, 1735а, лл. 27–28; ГАСО, 1738а, л. 4об.). Некоторые неоднократно замечались в конном воровстве (ГАСО, 1739, лл. 60, 245).

Наряду со случаями воровства по необходимости кражи лошадей совершались и организованными группами правонарушителей. Данные источников на этот счет скудны: в книгах протоколов содержатся лишь отрывочные сведения о подельниках, специализировавшихся на подобных преступлениях (ГАСО, 1739, л. 93об.). Приведенные в Екатеринбургскую контору судных и земских дел подозреваемые время от времени рассказывали о подельниках (ГАСО, 1738а, лл. 53, 83). Среди них были и оказавшиеся на Урале ссыльные и каторжные, бежавшие тюремные сидельцы.

Примечательно, что воры и рецидивисты первой трети XVIII в. применяли методы и практики, использовавшиеся конокрадами второй половины XIX в. (Максимов, б.г., с. 174–177; Данчевская, 2020, с. 363–367). Конокрады распределяли роли между собой и стремились как можно быстрее перепродать или обменять лошадей. Кроме того, представители воровского сообщества могли просить деньги за возвращение «потерянной» лошади (ГАСО, 1738а, лл. 65-66об.; ГАСО, 1739, лл. 121–122). В сговоре с ворами бывали замечены пастухи (ГАСО, 1738а, л. 69).

Выводы

Обращение к истории такого преступления, как конокрадство в России раннего Нового времени, показательно. Анализ причин совершения преступления и сопоставление практик конокрадов в России и других странах в синхронном и диахронном разрезах позволил прийти к следующим выводам.

В отличие от ситуации в России второй половины XIX в., на Урале 1730-х гг. конокрадство встречалось как в сельской местности, так и в поселениях городского типа. Это можно объяснить сохранением значения лошадей не только для крестьян, но и для «горожан», которые, несмотря на вовлеченность в производственные процессы, занимались огородничеством и поддерживали тесные родственные отношения с жителями деревень в окрестностях. Таким образом, конное воровство еще не превратилось в преступление, характерное исключительно для сельской местности, как это было, например, в Уэльсе уже во второй трети XVIII в. (Woodward, 2009, р. 95).

Материалы делопроизводства свидетельствуют, что наряду с единичными случаями воровства лошадей в Российской империи первой трети

XVIII столетия уже существовали воры, промышлявшие конокрадством на постоянной основе. Схожие процессы наблюдались и в Уэльсе того времени. По наблюдениям Н. Вудворда, конокрадство являлось более прибыльным делом, чем другие виды имущественных преступлений (Woodward, 2009, pp. 81, 93). Данное мнение справедливо и для российских реалий. Правда, в отличие от жителей Британских островов, население Российской империи имело больше причин для совершения этого правонарушения, основной из которых была необходимость побега от заводских работ, хозяина и других видов зависимости. Как и постоянно растущая территория будущих США, обширность малоосвоенных площадей России открывала значительные возможности для того, чтобы скрыться от контроля со стороны государства (Burchill, 2013, pp. 25–26).

В целом конное воровство было достаточно распространено. Этому способствовали не только недостатки в системе контроля над перемещением лошадей, большое количество возможностей для кражи, обширные пространства страны и особенности ее социального и политического ландшафта, но и сравнительно мягкое наказание за воровство, установленное Соборным уложением 1649 г., которое так и не было пересмотрено на протяжении всего XVIII в.

Наказание за конокрадство было идентично каре за членовредительство, а также разбой и иные имущественные правонарушения. В соответствии со статьей 9 XXI главы «О розбойных и татиных делех», за совершение первого преступления следовало наказание кнутом, отрезание левого уха и тюремное заключение с отбыванием тяжелых работ на протяжении двух лет. Второй случай преступного деяния также наказывался кнутом, отрезанием правого уха и заключением на четыре года. Третье по счету правонарушение каралось смертью (Соборное уложение 1649 г., 1985, с. 231).

При должном уровне владения палача кнутом преступник мог лишиться жизни уже при первой экзекуции, но судьи, как правило, не ставили перед исполнителями приговоров такой задачи. Пытка, предназначенная для выяснения количества совершенных правонарушений, на наш взгляд, не всегда давала адекватные результаты (Коллманн, 2016, с. 194–202). Преступники могли скрыть информацию о рецидивах. Такая ситуация отличала Российскую империю от многих стран Европы и Северной Америки, где суды сразу приговаривали конокрадов к смертной казни или пожизненной работе на галерах, которую также можно приравнять к смерти (Kingston, 2003, pp. 16–17; Woodward, 2009, pp. 87, 94; Burchill, 2013, pp. 20).

В целом сложность поиска преступников вынуждала пострадавших предпринимать самостоятельные шаги для возвращения своей собственности. Они часто обращались в Екатеринбургскую контору судных и земских дел с просьбой о разрешении выехать в другие уезды для розысков потерянных лошадей и похитителей (ГАСО, 1736а, л. 70; ГАСО, 1736b, л. 86; ГАСО, 1737b, л. 6).

Органы мирского самоуправления стремились контролировать перемещения незнакомцев по своей территории, что также стало требованием государства (ГАСО, 1740а). Схожие процессы мы можем наблюдать и в других странах. Правда, в них уже в XVIII в. наряду с ночной стражей начали создаваться ассоциации, занимавшиеся борьбой с конными ворами (Woodward, 2009, pp. 82–83; Burchill, 2013, pp. 18–22).

Таким образом, ситуация с конокрадами в Российской империи 1730-х гг. имела много общих черт с ситуацией в странах Европы и Северной Америки. Тем не менее, позиция государства в области установления системы контроля над куплей-продажей и обменом лошадей и наказания за конокрадство существенно различалась. Она оказалась решающей в создании благоприятных условий жизни местных сообществ.

Список литературы

- Burchill, J. K. (2013). Bullets, Badges, and Bridles: Horse Thieves and the Societies That Pursued Them. Pelican Publishing.
- Hoch, S. L. (1989). Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. University of Chicago Press.
- Kingston, R. E. (2003). Criminal Justice in Eighteenth-Century Bordeaux, 1715–24. In L. A. Knafla (Ed.), *Crime, Punishment, and Reform in Europe* (pp. 1–38). Praeger.
- Stuart, G. (1782). A View of Society in Europe in Its Progress from Rudeness to Refinement, or Inquiries Concerning the History of Law, Government, and Manners. J. Murray.
- Woodward, N. (2009). Horse-stealing in Wales, 1730–1830. Agricultural History Review, 57(1), 70–108.
- Worobec, C. (1987). Horse Thieves and Peasant Justice in Post-Emancipation Imperial Russia. *Journal of Social History*, 21(2), 281–293. https://doi.org/10.1353/jsh/21.2.281
- Ахмедов, Ч. Н. (2016а). Конокрадство и роль полицейского урядника в борьбе с ним. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 3, 21–27.
- Ахмедов, Ч. Н. (2016b). Уголовно-правовая и криминологическая характеристика конокрадства в России. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2, 10–17.
- Безгин, В. Б. (2013). Кражи в российском селе второй половины XIX начала XX века. Юридические исследования, 6, 285-319. https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.6.5112
- Бородина, Е. В. (2012). Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Банк культурной информации.
- Бородина, Е. В. (2021). Применение военного законодательства органами власти России в 1725–1734 гг. (На примере деятельности Сибирского обер-бергамта). Журнал российского права, 3, 33–48.
- В Хакасии сотрудники полиции задержали конокрадов. (2019). МВД.РФ. https://xn--blaew.xn--plai/news/item/18378182/

- Галиева, Ф. Г. (2017). Конокрадство как этносоциальное явление на примере Башкирии: Опыт истории в контексте современности. Современные исследования социальных проблем, 9(3), 178–196. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2017-3-178-196
- Галиева Ф. Г. (2019). Обычай конокрадства в истории некоторых регионов страны. Вестник Академии Наук РБ, 30(1), 12–20.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1735а). Ф. 34. Оп. 1. Д. 16.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1735b). Ф. 34. Оп. 1. Д. 17.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1735с). Ф. 34. Оп. 1. Д. 18.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1736а). Ф. 34. Оп. 1. Д. 26.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1736b). Ф. 34. Оп. 1. Д. 27.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1737а). Ф. 34. Оп. 1. Д. 30.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1737b). Ф. 34. Оп. 1. Д. 31.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1738а). Ф. 34. Оп. 1. Д. 36.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1738b). Ф. 34. On. 1. Д. 37.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1739). Ф. 34. Оп. 1. Д. 40.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1740а). Ф. 24. Оп. 1. Д. 851.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1740b). Ф. 34. On. 1. Д. 44.
- Данчевская, А. В. (2020). О борьбе с конокрадством в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX начале XX вв. Историко-экономические исследования, 21(3), 357–377.
- Дубенский, Д. (1891). Коневодство и перевозочные средства Европейской России (по официальным данным военно-конской пертеписи 1888 г.). Типография Департамента уделов.
- Ключевский, В. О. (1908). Курс русской истории. 3-е изд. (Часть 1). Типография Г. Лисснера и Д. Совко.
- Коллманн, Н. Ш. (2016). Преступление и наказание в России раннего Нового времени. Новое литературное обозрение.
- Конская перепись 1882 года. (1884). Типография Месника и Римана.
- Лаппо, Д. Е. (1905). Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев. (Минусинские татары). Типография Енисейского губернского правления.
- Максимов, С. В. (б. д.). Собрание сочинений (Т. 3, Ч. II). Типо-литографическое товарищество «Просвещение».
- Маньков, А. Г. (Ред.). (1985). Соборное уложение 1649 года. В Российское законодательство X-XX веков: В 9 томах (Т. 3, сс. 76–446). Юридическая литература.
- Пензин, Э. А. (1986). Сибирский обер-бергамт орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. В О. А. Васьковский (Ред.), Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение: Сборник научных трудов (сс. 104–121). УрГУ.
- Побережников, И. В. (Ред.). (2008). Территориально-экономическое управление в России XVIII— начала XX века. Наука.

- Раздорский, А. И. (2012). Конские таможенные книги XVII–XVIII вв. Как источник по изучению региональной истории России. Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 6, 167–175.
- Селин, А. А. (2016). Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. Издательство «Русско-Балтийский информационный центр "Блиц"».
- Селин, А. А. (2017). Смута на Северо-Западе в начале XVII века: Очерки из жизни новгородского общества. Издательство «Русско-Балтийский информационный центр "Блиц"».
- Тенишев, Е. Е. (1907). Правосудие в русском крестьянском быту. Типография Л.И. Итина.
- Федоров, С. Г. (2013). Обычное право, самосуд и конокрадство в российской и сибирской деревнях во второй половине XIX века. Вестник КГУ. Серия «Гуманитарные науки», 9(4), 77–82.
- Федоров, С. Г. (2014). Конокрадство и самосуд в системе обычного права провинциальной России во второй половине XIX века. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 3-2, 197–199.
- Чепель, А. И. (2014). «Пастухов те воры били до умертвия...»: Криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира. Метаморфозы, 5, 370–390.
- Янин, В. Л. (Ред.). (1984). Русская Правда. В Российское законодательство X–XX веков: В 9 томах (Т. 1, сс. 27–132). Юридическая литература.

References

- Akhmedov, Ch. (2016a). Horse theft and the role of a police uriadnik in the fight against it. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, 21–27. (In Russian).
- Akhmedov, Ch. (2016b). Criminal and criminological characteristics of horse theft in Russia. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2, 10–17. (In Russian).
- Bezgin, V. B. (2013). Thefts in the Russian Village of the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries. Legal Studies, 6, 285–319. https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.6.5112 (In Russian).
- Borodina, E. V. (2012). Peter the Great's Judicial Reform in the Urals and Western Siberia. Cultural information bank. (In Russian).
- Borodina, E. V. (2021). The Application of Military Legislation by Russian Authorities in 1725–1734 (On the Example of the Activity of the Siberian Ober-bergamt). *Zhurnal rossijskogo prava*, 3, 33–48. (In Russian).
- Burchill, J. K. (2013). Bullets, Badges, and Bridles: Horse Thieves and the Societies That Pursued Them. Pelican Publishing.
- Chepel, A. I. (2014). "Shepherds were beaten to death by those thieves...": The Criminal Situation in the Swedish-Russian Borderland after the Stolbovsky Peace Treaty. *Metamorfozy*, 5, 370–390. (In Russian).

- Danchevskaya, A. V. (2020). On the Struggle against Horse Stealing in the Irkutsk and Yenisei Provinces in the Late 19th and Early 20th Centuries. *Historical and economic research*, 21(3), 357–377. (In Russian).
- Dubensky, D. (1891). Horse breeding and transportation means of European Russia (according to the official data of the military-horse census of 1888). Printing house of the Department of the Manor. (In Russian).
- Fedorov, S. G. (2013). Customary Law, Lynching and Horse-Rust in Russian and Siberian Villages in the Second Half of the 19th Century. Vestnik KSU. Humanities Series, 9(4), 77–82. (In Russian).
- Fedorov, S. G. (2014). Horse theft and lynching in the system of customary law in provincial Russia in the second half of the 19th century. Historical, philosophical, political and legal sciences, culture and art history. Questions of theory and practice, 3–2, 197–199. (In Russian).
- Galieva, F. G. (2017). Horse stealing as an ethno-social phenomenon in Bashkiria: Historical Experience in the Context of Modernity. *Contemporary Studies of Social Problems*, 9(3), 178–196. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2017-3-178-196 (In Russian).
- Galieva, F. G. (2019). The custom of horse stealing in the history of some regions of the country. Bulletin of the Academy of Sciences of RB, 30(1), 12–20. (In Russian).
- Hoch, S. L. (1989). Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. University of Chicago Press.
- Horse Census of 1882. (1884). Typography by Mesnik and Riemann. (In Russian).
- Kingston, R. E. (2003). Criminal Justice in Eighteenth-Century Bordeaux, 1715–24. In L. A. Knafla (Ed.), *Crime*, *Punishment*, *and Reform in Europe* (pp. 1–38). Praeger.
- Kluchevsky, V. O. (1908). Course of Russian History. 3rd ed. (Part 1). Typography of G. Lissner and D. Sovko. (In Russian).
- Kollmann, N. Sh. (2016). Crime and Punishment in Early Modern Russia. New Literary Review. (In Russian).
- Lappo, D. E. (1905). *Crimes and penalties under the steppe law of the Siberian nomadic aliens.* (Minusinsk Tatars). Printing house of the Yenisei provincial administration. (In Russian).
- Maksimov, S. V. (n. d.). Collected Works (Vol. 3, Part II). Typo-Lithographic Partnership "Prosveshhenie". (In Russian).
- Mankov, A. G. (Ed.). (1985). Sobornoe ulozhenie 1649 [The Sobor Code of 1649]. In Russian Legislation of the X-XX Centuries: In 9 Volumes (Vol. 3, pp. 76–446). Legal Literature. (In Russian).
- Penzin, E. A. (1986). The Siberian Ober-Bergamt, a management body for the mining industry in the Urals in the first half of the 18th century. In O. A. Vaskovsky (Ed.), Problems of Genesis and Development of Capitalism in the Urals: History, Historiography, Source Studies: Collection of Scientific Works (pp. 104–121). UrSU. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (Ed.). (2008). Territorial and economic administration in Russia in the 18th and early 20th centuries. Nauka. (In Russian).
- Police arrested horse thieves in Khakassia. (2019). MVD.RF. https://xn-blaew.xn--plai/news/item/18378182/ (In Russian).

Razdorsky, A. I. (2012). Konya customs books of the 17th-18th centuries. As a source for studying the regional history of Russia. *Bulletin of the Russian State University of Humanities*. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology, 6, 167–175. (In Russian).

Selin, A. A. (2016). The Russian–Swedish border (1617–1700). Formation, functioning, heritage. Historical sketches. Publishing house "Russian–Baltic Information Center 'Blitz'". (In Russian).

Selin, A. A. (2017). The Troubles in the Northwest in the Early Seventeenth Century: Essays on Novgorod Society. Publishing house "Russian-Baltic Information Center 'Blitz". (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1735a). F. 34. In. 1. C. 16. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1735b). F. 34. In. 1. C. 17. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1735c). F. 34. In. 1. C. 18. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1736a). F. 34. In. 1. C. 26. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1736b). F. 34. In. 1. C. 27. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1737a). F. 34. In. 1. C. 30. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1737b). F. 34. In. 1. C. 31. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1738a). F. 34. In. 1. C. 36. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1738b). F. 34. In. 1. C. 37. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1739). F. 34. In. 1. C. 40. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1740a). F. 24. In. 1. C. 851. (In Russian).

State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1740b). F. 34. In. 1. C. 44. (In Russian).

Stuart, G. (1782). A View of Society in Europe in Its Progress from Rudeness to Refinement, or Inquiries Concerning the History of Law, Government, and Manners. J. Murray.

Tenishev, E. E. (1907). Justice in Russian peasant life. Printing house of L. I. Itin. (In Russian).

Three suspected horse thieves were detained in Volgograd Oblast. (2019). Interfaks. https://www.interfax.ru/russia/667579 (In Russian).

Woodward, N. (2009). Horse-stealing in Wales, 1730–1830. Agricultural History Review, 57(1), 70–108.

Worobec, C. (1987). Horse Thieves and Peasant Justice in Post-Emancipation Imperial Russia. Journal of Social History, 21(2), 281–293. https://doi.org/10.1353/jsh/21.2.281

Yanin, V. L. (Ed.). (1984). Russian Pravda. In Russian Legislation of the 10th-20th Centuries: In 9 Volumes (Vol. 1, pp. 27–132). Legal Literature. (In Russian).

Modern Methods and Methodology of Historical and Biographical Research

Zukhra R. Sabirova

Ufa Federal Research Center of the RAS. Ufa, Russia. Email: timerbulat2009[at]mail.ru Received: 3 May 2022 | Revised: 14 July 2022 | Accepted: 28 July 2022

Abstract

The development of science in the Soviet autonomous republics was the result of a consistent policy of the government, especially when the institutions have opened up. The Institute of History, Language and Literature (IHLL) occupies a worthy place among the scientific collectives of UFRC of RAS. It is one of the oldest research institutions of Bashkortostan (BASSR). Human factor, a specific personality, has always been playing an important role in the history of many crucial events of research institutions of the 20th century. IHLL started its activity by solving urgent issues of Bashkir writing, national literature, the accumulation of folklore, archaeological and ethnographic material, etc. Therefore, a lot depended on the personality of the leader. Being opened as The Society for the Study of Everyday life, Culture and History of Bashkiria with Nuriagzam Tagirov at its head in 1922, it was renamed The Bashkir Research Institute of National Culture, where Mikhail Arefyevich Solyanov became the first director. The development of Russian historical personalism in the twentieth century allowed us to restore many biographies of the Institute employees, also of the eminent personalities of our republic and Russia. It is significant that on this particular 100th anniversary of the institution these methods and methodology made possible to clarify many aspects of our first director workdays, to link the IHLL through his personality with such renowned organizations as The Russian State Library named after V. I. Lenin and MSLI. The role of M. A. Solyanov was bright but short-lived. After all historical personalism has its scientific and practical significance. The work will find its reader among historians, philosophers, teachers of the humanities.

Keywords

Biographics; Historical Personalism; Named After V. I. Lenin Russian State Library; Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS; Bashkir Scientific-Research Institute of National Culture; M. A. Solyanov; History of the Bashkir ASSR; Military-Political School Named After Voroshilov; Institute of the Red Professorship; Moscow State Library Institute

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Современные методы и методология историко-биографических исследований

Сабирова Зухра Рамилевна

Уфимский федеральный исследовательский центра РАН. Уфа, Россия. Email: timerbulat2009[at]mail.ru

Рукопись получена: 3 мая 2022 | Пересмотрена: 14 июля 2022 | Принята: 28 июля 2022

Аннотация

Развитие науки в советских союзных и автономных республиках - результат последовательной политики правительства, особенно в самом начале организации учреждений. Среди научных коллективов Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук и республики достойное место занимает Институт истории, языка и литературы (ИИЯЛ). Это одно из старейших научно-исследовательских учреждений БАССР. Во многих переломных событиях в истории институтов Башкортостана XX в. важную роль играл и продолжает играть человеческий фактор, конкретная личность. ИИЯЛ начал свою деятельность с решения неотложных вопросов становления башкирской письменности, национальной литературы, накопления фольклорного, археологического и этнографического материала и др. Поэтому от личности его руководителя зависело очень многое. Открытый как Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии под председательством Нуриагзама Тагирова в 1922 г., он был переименован в Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры, где первым директором стал Михаил Арефьевич Солянов. Широкое развитие отечественной исторической персоналистики в XX в. позволило восстановить многие биографии и истории деятельности сотрудников института, а также выдающихся деятелей республики и России. Знаменательно, что ее методы и методология позволили прояснить многие стороны жизни первого директора БНИИ национальной культуры именно в год празднования 100-летия учреждения, связав ИИЯЛ через его личность с такими именитыми учреждениями, как РГБ им. В. И. Ленина и МГБИ. Роль М. А. Солянова оказалась яркой, хотя и кратковременной. Но историческая персоналистика имеет научно-практическое значение. Работа найдет своего читателя среди историков, философов, преподавателей гуманитарного профиля.

Ключевые слова

биографика; историческая персоналистика; Российская государственная библиотека им. В. И. Ленина; Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН; Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры; М. А. Солянов; история Башкирской АССР; Военно-Политическая Школа им. Ворошилова; Институт Красной Профессуры; Московский государственный библиотечный институт.

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0</u> Всемирная

Введение

Биографический метод подразумевает использование любых биографических материалов предмета для исследовательских и практических целей: письма, его записные книжки, дневники, воспоминания, биографические и литературные источники о нём, анкеты и результаты профессиональной деятельности, личные вещи и официальные документы, автобиография. начало в древних «жизнеописаниях», метод биографического анализа впервые был применен за рубежом, чикагскими исследователями У. Томасом и Ф. Знанецким, обосновавшими его в рамках теоретического подхода в социологии, полагая, что социальные процессы нужно рассматривать как взаимодействие разума личности и окружающей его реальности. В отечественной социологии биографические методы стали активно применяться в переломные моменты развития российского общества (Мертон, 2000, с. 88-90; Thomas, 1966; Фотев, 1994, с. 50). С. С. Семенова реконструировала стратегии трёх индивидуальных семей через всю траекторию жизненных путей лиц бывших привилегированных слоев общества и типичных представителей советского общества.

Биографический метод используется в изучении социально-исторической ситуации; гендерных исследованиях; описании конкретных социальных проблем; изучении внутреннего мира субъекта; криминалистической психологии. Добавим, что и в изучении социального поведения этот метод хорошо применим. Он распространен во многих дисциплинах, и не только гуманитарных, и дает возможность анализировать, двигаясь от частного к общему, как например, у Г. Г. Сильницкого (Сильницкий, 2001).

Таким образом, «... авторы трактуют биографику каждый по-своему в зависимости от поставленной цели, но в центре внимания у всех оказывается биография персоны, анализ которой позволяет создать портрет ученого и реконструировать его жизнь в определенном отрезке времени» (Медведева, 2014, с. 31; Миколецкий и др., 1970).

В новейшее время проблема роли личности в истории стала одной из приоритетных тем в развитии исторической науки. В историографии исторической биографики она обозначена также, как «персоналистика» (Даниярова, 2008, с. 17-23): здесь «Ученый не задается целью иллюстрировать историю жизнеописаниями, а выявляет типы людей прошлого, в которых видит реального человека и его историческую роль в обществе. Огромное значение... он придает морально-этическому облику индивида... Е. В. Тарле свое руководство в изучении исторической фигуры видит в том, что надо пытаться совершенно объективно подходить к личности и интересоваться не только и не столько мотивациями поступков, сколько их историческим значением с точки зрения того, как выдающийся деятель выполняет свою историческую миссию» (Тарле, 1942; Тарле, 1943; Тарле, 1948).

Историческая персоналистика в изучении жизни и деятельности сотрудников ИИЯЛ УФИЦ РАН

Мы не ставим в статье задачу типологически классифицировать предмет исследования, но отмечаем, что опирались на вышеуказанные методы и методологию, а также весь круг доступных основных и производных документов.

Деятельность сотрудников ИИЯЛ УФИЦ РАН¹ за 100-летнюю историю заслужила пристальное внимание и глубокое всестороннее изучение. Они внесли значимый вклад в его развитие, особенно те, кто стоял у его истоков.

Первый директор Башкирского НИИ Национальной Культуры (ныне Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН) Солянов Михаил Арефьевич родился в ноябре 1901 г. в с. Крюковка Симбирской губернии (Бессмертный полк - Москва. Электронная книга памяти / Солянов Михаил Арефьевич²).

Основные и производные источники по г. Москве и СССР. На сайте «Подвиг народа», который ежедневно активно пополняется важными фактами, выяснилось в текущем году, что Михаил Арефьевич не только один из директоров института, но и фронтовик; до приезда в г. Уфу он работал в Российской государственной библиотеке им. Ленина. Из материалов Архива РГБ стало известно, что отец Михаила Арефьевича работал на судоремонтном заводе Каспийского флота³. Сам Солянов более 7 лет проработал рабочим-бондарем на предприятиях Лунина и Рябицева (Возможно, Иосиф Ефимович Рябицев ктитор (староста) храма Спасо-Преображенской церкви Атаманской станицы г. Астрахани в 1895-1913 гг., владелец самого крупного бондарного завода на Форпосте в Астрахани (1912-1917 гг.). (Архив РГБ. Личное дело Солянова М.А. Оп. 39. Д. 439. Л. 6 об.)⁴. В августе-ноябре 1919 г. он был курсантом в Школе военного командования РККА (г. Астрахань). С ноября 1919 г. по февраль 1920 г. в Заплавном - командиром взвода 448 полка 50-й Таманской дивизии, был контужен в бою на Юго-восточном фронте и получил обморожение ног; затем до ноября 1920 г. был переведен в Баку во 2-й строительный полк политруком роты, помощником комиссара полка; в 1920-1921 гг. в Шуше и Ленкорани (Азербайджан) служил инструктором политотдела 28-й горской дивизии; и вскоре назначен заведующим библиотекой 1-й Конной Армии в Ростове-на-Дону (1922-1923 гг.). В 1923 г. он стал начальником библиотечного отдела Политического отделения Майкопской кавалерийской дивизии, но быстро вернулся в Ростов-на-Дону в Военно-Политическую Школу и стал инспектором Северо-

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

² https://polk.mos.ru/people/1075042/

³ Возможно, судоремонтно-судостроительный завод им. Урицкого, в 1919 г. мастерские переданы Каспийской флотилии.

⁴ См.: https://archive.astrobl.ru/sites/archive.astrobl.ru/files/HRAM/hram.html

кавказской КК-РКИ (1924-1925 гг.) (Архив РГБ. Личное дело Солянова М.А. Оп. 39. Д. 439. Л. 6 об., 7 об.).

С 1920 г. М. А. Солянов состоял в ВКП (б), но выбыл «механически в связи с болезнью цингой как не прошедший партперепись» (Архив РГБ. Личное дело Солянова М.А. Оп. 39. Д. 439. Л. 6.); позже был восстановлен. Кроме прочего, он владел английским языком (Архив РГБ. Личное дело Солянова М.А. Оп. 39. Д. 439. Л. 7).

В Ростове-на-Дону после обучения на педагогическом отделении Рабфака (1923-1925 гг.) Михаил Арефьевич получил высшее образование в Военно-Политической Школе им. Ворошилова по специальности «Инструктор политического отдела кавалерийской дивизии» (1923-1924 гг.), затем на факультете преподавания общественных наук в Академии Коммунистического Воспитания по специальности «Историк» (1925-1929 гг.). Поступил в аспирантуру Института Красной Профессуры, но не окончил ее (1930) (Архив РГБ. Личное дело Солянова М.А. Оп. 39. Д. 439. Л. 6).

В декабре 1930 г. он получил выговор в МКК ВКП (б) «за несвоевременное сообщение о разговоре Зокина (Фамилия указана неразборчиво – З. С.) в связи с литер.-полит. борьбой в РАППе» (Архив РГБ. Личное дело Солянова М.А. Оп. 39. Д. 439. Л. 7 об.). РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей. В ней состояло более 4 тыс. членов. Образована была в 1925 г. К 1930 г. все остальные литературные группировки были разгромлены, внутри РАПП обострилась борьба за власть и усилились идеологические разногласия. Какое отношение имел к РАПП М. А. Солянов, состоял ли он членом этой ассоциации, предстоит выяснить. Но становится понятно, что он тяготел к литературной деятельности.

Основные источники по БАССР. В 1931-1932 гг., будучи уже в Уфе в БГПИ им. К. А. Тимирязева, М. А. Солянов – доцент, он возглавлял кафедру литературы, а также преподавал диамат, одновременно руководил БНИИ национальной культуры (ныне ИИЯЛ УФИЦ РАН) (01.03.-15.09.1932 г.), а с 15 апреля 1932 г. заведовал сектором литературы и языка института (Архив РГБ. Личное дело Солянова М.А. Оп. 39. Д. 439. Л. 6; Директора..., 2007, с. 4).

Надо отметить, что создание НИИ национальной культуры началось еще ранее, в 1922 г., с организации Общества по изучению быта, культуры и истории Башкирии. В 1920-е гг. государство уделяло развитию востоковедения большое внимание. В 1926 г. в г. Москве по Постановлению коллегии Наркомпроса РСФСР был создан НИИ этнических и материальных культур Народов Востока с включением его в состав РАНИОН а. Работали четыре секции: языка (председатель секции Н. Я. Марр); национального вопроса в истории национального и революционного движения (председатель – С. М. Диманштейн); этнологии и материальной культуры (председатель Ласье); фольклора и литературы (председатель А. Н. Иванов) (Карпыч, 1930, с. 290-292).

В 1930 г. была предпринята попытка организации первого комплексного НИИ при Совете народных комиссаров БАССР, однако вскоре он был реорганизован, не успев развернуть свои исследования (Институт истории..., 2002, с. 13). Созданный на платформе Общества по изучению быта, культуры и истории Башкирии (после объединения с уфимским – Общество по изучению Башкирии) в 1932 г. Башкирский НИИ национальной культуры, как и в 1934 г. Казахский НИИ культуры, и в 1937 г. Марийский НИИ национальной социалистической культуры и др., имел примерно ту же структуру, что и московский НИИ.

Свой первый приказ в НИИ национальной культуры Михаил Арефьевич Солянов подписал 4 марта 1932 г. - вступил в обязанности директора и назначил И. В. Салтыкова «временно исполняющим обязанности ученого секретаря с основной работой руководителя отдела Искусствоведения с окладом 200 рублей по совместительству» (Научный архив УФИЦ РАН -НА УФИЦ РАН. Ф. З. Оп. 1. Д. 1. Л. З). Далее М. А. Солянов приступил к формированию кадровой составляющей Института Национальной Культуры. 8 марта 1932 г. он назначил З. Ш. Шакирова с 1 марта 1932 г. научным сотрудником по секции языкознания «по совместительству» (З. Ш. Шакиров в 1931-1951 гг. возглавлял также кафедру башкирского языка и литературы в БГПИ им. К. А. Тимирязева, см.: Рахматуллина, 2006, с. 50-56), «т. Давлетшина научным сотрудником и руководителем отдела языкознания по совместительству» (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.), а «Габяши С. Х. научным сотрудником с 1 апреля сего года» (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 9). И. В. Салтыкову и Давлетшину было поручено «к 22 марта представить к заседанию правления Института планы Научно-исследовательских работ отделов искусствознания, языкознания и материалистической лингвистики, истории революционного движения в Башкирии, отдела литературы. В планах работы отделов развернуть два варианта: 1) Перспективный план, рассчитанный на развитие научноисследовательской работы в течение ближайших трех лет; 2) Оперативный план на 1932 год, положив в основу обоих планов решения ЦК партии о научноисследовательской работе, решения 15 Облпартконференции и шести указаний т. Сталина» (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об. Приказ № 5). И. В. Салтыков должен был включить в оперативный план работы «методологические проблемы – о положении на искусствоведческом фронте, проблемы Трамского движения и самодеятельного искусства, спорные вопросы творческого метода Трама¹, театра и пр.» (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 8-9. Приказ № 7.). Кроме того, М. А. Солянов назначил И. В. Салтыкова заведующим кабинетом музыкальной этнографии с 15 апреля 1932 г., консультантом по институту с 1 июня 1932 г. (в штате института с 15 августа 1932 г. (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.)). А должность ученого секретаря института теперь занял Чанышев (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 9-10, 21), с 1 сентября 1932 г. ставший также

¹ ТРАМ - театр рабочей молодежи (3. С.).

заместителем директора (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 23; Директора..., 2007, с. 5.).

С. Х. Габяши, уже по приказу директора А. И.Чанышева за № 35, решено было «На основании распоряжений Нарокомпроса т. Абубакирова от 3/ІХ с.г. выделить для работ по организации Курсов по подготовке кадров для Башкирского музыкального театра, открываемых при В. М. Ш. в Москве, сроком до окончания организационных работ, считая эту работу как по линии института», а также «выделить комиссию в составе научных работников Салтыкова, Габяши и Альмухаметова для выработки учебной программы курсов по подготовке кадров. Категорически приказываю комиссии выполнить работу к 7 го сентября с.г.».

К институту были прикреплены практиканты (Указаны фамилии - Хузиев, Усманов, Марат Муслимов, см.: НА УФИЦ РАН. Ф.З. Оп. 1. Д.1. Л. 3 об.-5, 19), принят первый аспирант (В документе указан «Ракипов И. И. (Габдракипов И. И.)», «по отделу литературы с окладом в 150 руб.» Чуть позже Усманова и Габдракипова перевели на должности младшего и сверхштатного сотрудников, см.: НА УФИЦ РАН. Ф. З. Оп. 1 Д. 1. Л. 9). Из документов также ясно, что при каждом создаваемом институте открывался свой библиотечный отдел, их отметки можно увидеть на титульном листе различных изданий, и поныне хранящихся в Секторе редкой книги НБ УФИЦ РАН.

1 августа 1932 г. в состав сектора искусствоведения в качестве научного сотрудника на короткое время вошел Ф. Н. Вуколов, «прибывший по путевке Башнаркомпроса» (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1 Д. 1. Л. 22, 23), в распоряжение которого он потом вернулся. Вероятно, речь идет о Вуколове-Эрлике Филиппе Николаевиче (18. 11. 1903 г. р.), окончившем факультет театрального искусства им. А. В. Луначарского. Возможно, он обучался заочно и одновременно работал в Уфе. В 1933-1934 гг. он работал заведующим сектором искусства при Наркомпросе Чувашской АССР. Участник Великой Отечественной войны (http://libmap.bashnl.ru/node/310 - дата обращения 11. 04. 2022).

Не забывал М. А. Солянов и о трудовой дисциплине. К примеру, в Приказе № 17 было указано: «...буду привлекать к строжайшей ответственности, как нарушителей трудовой дисциплины, мешающих выполнению шести правил т. Сталина» (НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 14-15. Приказ № 17.).

В документах НИИ библиотековедения при Публичной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина есть несколько документов, проливающих свет на жизнь и деятельность М. А. Солянова после отъезда из Уфы, в ГБЛ. Первое – за подписью директора П. Путинцева представление директору Комбината Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина от 4 сентября 1932 г., в котором записано: «Представляю на утверждение кандидатуру тов. Солянова Михаила Арафьевича. Тов. Солянов рабочий. Член партии с 1925 г. В Красной Армии был 6 лет. Работал библиотекарем в І-й конной Армии – начальником библиотечного отделения, заведовал библиотекой военно-политической

школы им. Ворошилова в Ростове-на-Дону и т.п. Вопрос с квартирой временно в течение сентября разрешается путем договоренности с частным лицом. С І-х чисел октября мы обязуемся, согласно договоренности с Вами предоставить 1 комнату на 4 человека. Убедительно прошу немедленно договориться с Ц.К. партии откомандировать тов. Солянова в мое распоряжение. Учитывая особо тяжелое положение с кадрами, почти полное отсутствие партийных, коммунистических кадров на данном фронте и в особенности болезненное состояние нашего Института, кроме того наличие попыток ЦУР'а организовать в нашем Институте военную секцию, я еще раз решительно настаиваю на переброску в Институт данного товарища» (Архив РГБ. Личное дело Солянова М.А. Оп. 39. Д. 439. Л. 2).

Следующее – 4 сентября 1932 г. НИИ библиотековедения обратился в Личный стол Ленинской библиотеки с просьбой зачислить Солянова с 1 сентября 1932 г. на должность главного библиотекаря с окладом 300 руб. в месяц (Архив РГБ. Личное дело Солянова М.А. Оп. 39. Д. 439. Л. 3).

Так состоялось возвращение Михаила Арефьевича в г. Москву

В призывной анкете участника Великой Отечественной войны М. А. Солянова было записано, что он работал в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ) с сентября 1932 г. по 14 июля 1941 г. главным библиотекарем научно-библиографического отдела (Книга памяти..., 1995, с.201).

В документах Секретариата ГБЛ в «Сведениях о приеме, увольнении, перемещении и замещении сотрудников Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина за октябрь 1932 г.» в списке «Переведены» значится запись по М. А. Солянову: «Освободить с 16/х с.г. от должности Гл. Б-ря, оставив его преподавателем диамата по аспирантуре. [Ин-т биб.ведения - дописано от руки]» (Архив РГБ. Оп. 42. Д. 30. Л. 7). На освобождение его с должности главного библиотекаря проливает свет его собственное заявление заместителю директора НИИБ от 16 октября 1932 г., где он писал: «Ваше назначение меня на руководство группой консультации и информации проведено по приказу без предварительного согласования со мной. Я категорически отказываюсь от руководства группой информации и вообще не намерен работать в Институте на руководящей работе» (Архив РГБ. Оп. 39. Личное дело Солянова М.А. Д. 439. Л. 4). На заявление была наложена резолюция П. Путинцева: «Согласно заявлению Солянова с 16/Х освободить от работы в ИБ в качестве научного сотр, оставив за ним преподавание диалектического мат. в аспирантских группах» (Архив РГБ. Оп. 39. Личное дело Солянова М.А. Д. 439. Л. 4).

О реорганизации в ГБЛ есть следующая информация: «Как известно, Кабинет с 1922 года находился в ведении Всесоюзной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. После закрытия Народного университета имени А. Л. Шаняв-

ского, решением Главнауки Академического центра Наркомпросса РСФСР, КБ был передан в Румянцевский Музей. В ноябре 1924 года Главнаука принирешение о преобразовании КБ в Институт библиотековедения, мает а с 1927 года — в научно-исследовательское и учебно-педагогическое учреждение. НИИ библиотековедения находился в структуре ГБЛ до 1934 года. Приказом № 336 от 26 апреля 1934 года Народного комиссариата по просвещению «в целях объединения и улучшения научно-исследовательской работы в области библиотековедения и подготовки научных работников этой специальности НИИ библиотековедения был выведен из структуры ГБЛ» и присоединен к Московскому государственному институту имени В. М. Молотова. До 10 мая 1934 года МБИ должны были быть переданы: здание на Моховой, 6, оборудование и книжный фонд; бюджет, а также штатные сотрудники: из 18,5 ставок НИИ библиотековедения только три штатных единицы оставались в ГБЛ. Книги на иностранных языках распределялись комиссией между ГБЛ и Институтом. Передача КБ (Кабинет библиотековедения. - 3.С.) в Московский государственный институт имени В. М. Молотова¹, находящийся за 24 километра от Москвы на станции Левобережная Октябрьской железной дороги, вызвала немало неудовольствия в среде профессионалов библиотечного дела. В 1934-1940 годах известные библиотековеды не раз обращались в руководящие инстанции с просьбой не допустить ликвидации КБ в ГБЛ» (Кабинет библиотековедения Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в период с 1935 по 1945 годы).

Поскольку НИИ Библиотековедения был изначально и на момент перевода М. А. Солянова в составе Государственной Публичной библиотеки, становится ясным, почему в его личной призывной карточке не изменилось место работы с переходом из одной структуры в другую. Непонятно, почему место работы не изменилось позже, когда НИИ библиотековедения вышел из состава ГБЛ. На наш запрос во МГУКИ о преподавательской деятельности М. А. Солянова был получен ответ: «В процессе хранения и использования часть личных дел до 1945 года не сохранилась, в т.ч. и личное дело Солянова М. А. В 1941 году Институт был эвакуирован в г. Стерлитамак Башкирской АССР, там был открыт филиал МГБИ, может быть что-то осталось в местных архивах».

К сожалению, никаких данных о работе М. А. Солянова в этом учреждении мы пока не имеем. Однако можно представить, что в предвоенных условиях, наряду с радио и периодической печатью, от работы книгохранилищ и их сотрудников зависело, насколько быстро люди получат ту или иную интересующую их информацию, прочтут нужную литературу. Ведь библиотекарь – это не просто работник книгохранилища, это еще и специалист информационного пространства, который организует его обработку, хранение, использование.

¹ Московский государственный библиотечный институт им. В. М. Молотова (1940-1957). Теперь - Московский государственный университет культуры и искусств, с 1999 г. - 3. С.

В целом МГИК (МГУКИ) и его библиотечный факультет сыграл большую роль в деле подготовки кадров для союзных и республиканских библиотек.

Михаил Арефьевич почти сразу же с начала Великой Отечественной войны был мобилизован. Он был призван 14 июля 1941 г. на фронт Красно-Пресненским РВК Московской области г. Москва. Сражался в составе 269-го стрелкового полка 136 стрелковой дивизии 40 Армии 1 Украинского Фронта агитатором политотдела. Принял участие в освобождении Украины и Киева. Дослужился до звания майора. Воевал также на 2 Украинском Фронте. В 265 стрелковой дивизии уже был политруком (Бессмертный полк - Москва. Электронная книга памяти / Солянов Михаил Арефьевич¹).

Получил награды: Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Орден Красного Знамени, Орден Отечественной войны I степени (ЦАМО. Картотека награждений, шкаф 82, ящик 1).

Ордена Отечественной войны I степени он удостоился за подвиг, совершенный 4 сентября 1943 г. и с 3 ноября по 7 ноября 1943 г.:

«В боях за освобождение Украины майор Солянов участвует как агитатор политотдела 136 СД в составе 269 стр. полка. В боях за г. Зеньков майор Солянов находился в боевых порядках 1^{10} стр. б-на. В тяжелый момент, когда противник 4^{10} сентября сильным огневым воздействием и контратаками расстроил боевые порядки б-на и бойцы были рассеяны по болоту и камышам, майор Солянов за ночь по пояс в воде собрал бойцов и сколотил из них две боевые роты, вдохновил их своим горячим большевистским словом на стойкость в обороне и разгрома врага в атаке. В боях на подступах к Киеву с 3^{10} по 7^{00} ноября майор Солянов проводил политическую работу непосредственно в боевых порядках подразделений полка. Помог правильно расставить силы коммунистов и комсомольцев. Под артиллерийским и минометным огнем противника в самом опасном месте боя проявлял находчивость, мужество и отвагу, обеспечивая политическое руководство. В детском санатории с группой разведчиков с оружием в руках отражал контратаки противника.

За доблесть, мужество проявленное агитатором Соляновым в боях под Киевом, за высокий уровень партийно-политической и агитационной работы, обеспечивающей мощный наступательный прорыв всего личного состава 269 стр. полка... Командир 269 стрелкового полка майор Филлипов» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 3122. № записи 22271141).

Ордена Красного Знамени он удостоился за то, что 23.01.1944 г.

«В исключительно сложной оперативно-тактической обстановке боевых действии дивизии по тылам противника во второй половине января 1944 г., агитатор политотдела майор Солянов находился с 269 сп. Вместе с политаппаратом полка он до предела мобилизовал энергию коммунистов на решение боевых задач. Находясь непрерывно на самых ответственных и опасных местах в боевых порядках подразделений полка, – организационно-партийной работой и всеми средствами письменной и устной агитации, майор Солянов укрепил веру в победу, воспитывая гвардейское упорство и стойкость в обороне и стремительность в наступлении у всего офицерского состава и рядовых бойцов.

¹ https://polk.mos.ru/people/1075042/

23 января 1944 г. во время тяжелых боев в Дубровке, когда противник большой группой танков отрезал полк от главных сил дивизии, майор Солянов личным вмешательством с оружием в руках организовал две ударные группы из пехотинцев и артиллеристов, контратаковал противника, отрезал его пехоту от танков и уничтожил ее, чем обеспечил планомерное занятие подразделением нового, более выгодного рубежа обороны.

За образцовую организацию партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы и за личную доблесть и геройство, проявленное в жестоких боях по тылам врага – представить агитатора политотдела майора Солянова М. А. к правительственной награде – ордену «Красного Знамени. Начальник Политотдела 136 Стр. Киевско-Звенигородской див. Майор?» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 5437. № записи 36559443).

В справке от 20 августа 1994 г. Исторического архива Министерства обороны (г. Подольск Московской области) из отдела хранения (Архив) РГБ, по Отделу учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии «Солянов М. А. в числе боевых потерь сержантов и солдат Советской Армии за период Великой Отечественной войны не числится» (Анкета-запрос о розыске и установлении судьбы военнослужащего ушедшего на фронт из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) // Материалы фонда Музея истории библиотеки РГБ. Без БО). М. А. Солянов был демобилизован 22 января 1946 г. (ЦАМО. Шкаф 195. Ящ.29). Что интересно, за весь его боевой путь во время Великой Отечественной войны сведений о ранениях нет. Его имя занесено на Мемориальную доску Российской государственной библиотеки (РГБ), внесено в Книгу памяти РГБ.

В личной карточке ГБЛ есть интересные сведения о том, что он писал статьи, и на 1932 г. некоторые были в рукописном виде, а некоторые уже опубликованы в журналах и газетах (Архив РГБ. Оп. 39. Личное дело Солянова М.А. Д. 439. Л. 6). Их пока обнаружить не удалось. Умер М. А. Солянов в Москве 03.07.1980.

Заключение

Михаил Арефьевич Солянов – не первая личность, жизни и деятельности которой посвящают свои статьи сотрудники Института истории, языка и литературы. Ими был начат и успешно продолжается цикл «Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты» (Башкортостан..., 2006-2021). В этом цикле изданы статьи, посвященные более чем 90 представителям культуры, науки, политики и др. Авторы статей проводят поисковую работу в центральных и местных архивах и библиотеках, где выявляют и собирают большой объем источникового материала, привлекают периодическую печать и опубликованную научную литературу. Изучение личности первого директора института, Михаила Арефьевича Солянова, ярче раскрыло деятельность первых сотрудников, ставших затем известными учеными – литераторами, музыковедами, историками, языковедами (С. Габяши, Г. Альмухаметова,

Х. Усманова и др.). Согласимся, что «в современную эпоху в силу изменившейся роли науки в жизни общества складывается новый подход, который создает установку на объемное воспроизведение личности в целостной системе социальных отношений, что стимулирует дальнейшую разработку исторической персоналистики» (Даниярова, 2008, с. 17-23).

Выражаем огромную благодарность ведущему специалисту, заведующей Отделом хранения и использования документов Российской государственной библиотеки Марине Васильевне Волковой за оказанное содействие в поиске и подборе материалов по личности Михаила Арефьевича Солянова.

Список литературы

Thomas, W. I. (1966). W. I. Thomas on Social Organization and Social Personality: Selected Papers. University of Chicago Press.

Архив РГБ. (б. д.-а). Оп. 39. Д. 439. Личное дело Солянова М.А. Л. 1-7.

Архив РГБ. (б. д.-b). Оп. 42. Д. 30.

Вуколов – Эрлик Филипп Николаевич. (2012, апрель 20). Литературная карта Республики Башкортостан. http://libmap.bashnl.ru/node/310

Даниярова, А. Е. (2008). Изучение персоналии в процессе исторического познания. Вестник КарГУ, 1, 17–23.

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. 70 лет. (2002). Гилем.

Исянгулов, Ш. Н. (Ред.). (2007). Директора Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. ИИЯЛ УНЦ РАН.

Кабинет библиотековедения Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в период с 1935 по 1945 годы. (2020, май 20). Российская государственная библиотека. https://www.rsl.ru/ru/all-news/kabinet-bibliotekovedeniya

Карпыч, В. (1930). Институт Народов Востока. Новый Восток, 28, 290–292.

Коваль, Л. М. (Ред.). (1995). Книга памяти Российской государственной библиотеки. б.и.

Материалы фонда Музея истории библиотеки РГБ. Без БО. (б. д.). Анкета-запрос о розыске и установлении судьбы военнослужащего ушедшего на фронт из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ).

Медведева, Е. В. (2014). Биографика как метод изучения персоналий: Поиск источников. Библиосфера, 3, 31–34.

Мертон, Р. К. (2000). Краткий библиографический очерк. Социология: теория, методы, маркетинг, 4, 88–90.

Миколецкий, Г., Лютц, Г., & Энгельс-Яноши, Ф. (1970). Биография и историческая наука. В Труды XIII международного конгресса исторических наук (Т. 3, с. 12). Наука.

Научный архив УФИЦ РАН (далее – НА УФИЦ РАН). (б. д.). Ф. З. ИИЯЛ УФИЦРАН. Оп. 1. Д. 1. Приказы.

- Рахматуллина, З. Р. (2006). Вся жизнь служение народу. В Башкортостан в XX столетии: Исторические портреты (сс. 50–56). ИИЯЛ УНЦ РАН.
- Сильницкий, Г. Г. (2001). Россия в поисках смысла. Часть 1: Россия между прошлым и «будущим». б.и.
- Солянов Михаил Арефьевич. (б. д.). Бессмертный полк Москва. https://polk.mos.ru/people/1075042/
- Сулейманова, Р. Н. (Ред.). (2006-2021). Башкортостан в XX столетии: Исторические портреты. Выпуски I-VI. ИИЯЛ УНЦ РАН-УФИЦ РАН.
- Тарле, Е. (1942). Нашествие Наполеона на Россию. Воениздат.
- Тарле, Е. (1943). Нахимов. Воениздат.
- Тарле, Е. (1948). Талейран. Воениздат.
- Фотев, Г. (1994). Флориан Знанецкий: Гуманистическая социология. В Современная американская социология (с. 50). Издательство МГУ.
- Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО). (б. д.-а). Картотека награждений, шкаф 82, ящик 1.
- Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО). (б. д.-b). Ф. 33. Оп. 686044. Ед. Хр. 3122. № записи 22271141.
- Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО). (б. д.-с). Ф. 33. Оп. 690155. Ед. Хр. 5437. № *записи* 36559443.
- Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО). (б. д.-d). Шкаф 195. Ящ. 29.

References

- Central Archive of the Ministry of Defense (CAMD). (n. d.-a). Award card, Cl 82, B. 1. (In Russian).
- Central Archive of the Ministry of Defense (CAMD). (n. d.-b). F. 33. In. 686044. U. S. 3122. No 22271141. (In Russian).
- Central Archive of the Ministry of Defense (CAMD). (n. d.-c). Φ. 33. On. 690155. U. S. 5437. No 36559443. (In Russian).
- Central Archive of the Ministry of Defense (CAMD). (n. d.-d). Cl. 195. B. 29. (In Russian).
- Daniyarova, A. E. (2008). The Study of Personality in the Process of Historical Knowledge. Bulletin of the Karaganda State University, 1, 17–23. (In Russian).
- Fotev, G. (1994). Florian Znaniecki: A Humanistic Sociology. In *Contemporary American Sociology* (p. 50). MSU Press. (In Russian).
- Institute of History, Language and Literature of the UNTs RAS. 70 years. (2002). Gilem. (In Russian).
- Isyangulov, Sh.. (2007). Director of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. IIJaL UNC RAN. (In Russian).
- Karpych, V. (1930). Institute of the Peoples of the East. New East, 28, 290-292. (In Russian).
- Koval, L. M. (Ed.). (1995). The memory book of the Russian State Library. n.p. (In Russian).

- Materials from the collection of the Library History Museum of the Russian State Library. Bez BO. (n. d.). Questionnaire-Request for tracing and establishing the fate of a serviceman who left for the front from the Lenin State Library of the USSR (GBL). (In Russian).
- Medvedeva, E. V. (2014). Biography as a Method for the Study of Personalities: A Search for Sources. Bibliosphere, 3, 31–34. (In Russian).
- Merton, R. K. (2000). A brief bibliographical sketch. Sociology: Theory, Methods, and Marketing, 4, 88–90. (In Russian).
- Mikhail Arefievich Solyanov. (б. д.). Immortal Regiment Moscow. https://polk.mos.ru/people/1075042/ (In Russian).
- Mikolecki, G., Lutz, G., & Engels-Janosi, F. (1970). Biography and Historical Studies. In Proceedings of the XIII International Congress of Historical Studies (Vol. 3, p. 12). Nauka. (In Russian).
- Rakhmatullina, Z. R. (2006). All life is service to the people. In *Bashkortostan in the 20th Century:* Historical Portraits (pp. 50–56). IIJaL UNC RAN. (In Russian).
- Russian State Library Archives. (n. d.-a). In. 39. C. 439. Personal file of M.A. Solyanov. L. 1-7. (In Russian).
- Russian State Library Archives. (n. d.-b). In. 42. C. 30. (In Russian).
- Silnitsky, G. G. (2001). Russia in Search of Meaning. Part 1: Russia Between the Past and the Future. n.p. (In Russian).
- Suleimanova, R. N. (Ed.).. (2006-2021). Bashkortostan in the twentieth century: Historical portraits. Issues I-VI. IIJaL UNC RAN-UFIC RAN. (In Russian).
- Tarle, E. (1942). Napoleon's invasion of Russia. Voenizdat. (In Russian).
- Tarle, E. (1943). Nakhimov. Voenizdat. (In Russian).
- Tarle, E. (1948). Talleyran. Voenizdat. (In Russian).
- The Cabinet of Library Science of the V.I. Lenin State Library of the USSR from 1935 to 1945. (2020, May 20). Russian State Library. https://www.rsl.ru/ru/all-news/kabinet-bibliotekovedeniya (In Russian).
- Thomas, W. I. (1966). W. I. Thomas on Social Organization and Social Personality: Selected Papers. University of Chicago Press.
- UFIC RAS Scientific Archive (hereinafter referred to as UFIC RAS NAS). (n. d.). F. 3. IIJaL UFICRAN. In. 1. C. 1. Orders. (In Russian).
- Vukolov Philip Nikolayevich Erlik. (2012, April 20). Literary Map of the Republic of Bashkortostan. http://libmap.bashnl.ru/node/310 (In Russian).

Temporal changes of bordering practices in the Indo-Bangladesh border

Sumana Das¹ & Md. Anisujjaman²

Sidho-Kanho-Birsha University. Purulia, India

Received: 10 November 2021 | Revised: 7 January 2022 | Accepted: 10 January 2022

Abstract

India shares the longest border with Bangladesh. The Indo-Bangladesh border came into existence after India's partition in 1947 which was finally called the Indo-Bangladesh border after 1971. This border is not carefully managed from its existence. Border management mainly started in 1989. The article discusses the emergence of the Indo-Bangladesh border. It describes the measures taken by the government of India for border management such as border fencing, floodlighting, established border outposts, border roads, etc., and also its present status. The Indo-Bangladesh border has been described as the 'problem area of tomorrow' for its cross bordering activities such as illegal immigration, smuggling, trans-border movement of insurgents, etc. The political leaders make different narratives by using these cross bordering practices to further their political agenda. But the actual status of border management and the political narrative is not similar at all the time. This study also discusses the official stand of different political parties.

Keywords

Indo-Bangladesh Border; Border Management; Border Fencing; Political Narratives

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

¹ Email: sumanadas712[at]gmail.com

² Email: rana.amu[at]gmail.com

Темпоральные изменения пограничных практик на индо-бангладешской границе

Дас Сумана¹, Анисуджжаман Эмди²

Университет Сидхо-Канхо-Берша. Пурулия, Индия

Рукопись получена: 10 ноября 2021 | Пересмотрена: 7 января 2022 | Принята: 10 января 2022

Аннотация

Индия разделяет свою самую длинную границу с Бангладеш. Индо-Бангладешская граница возникла после раздела Индии в 1947 году, которая после 1971 года была окончательно названа границей между Индией и Бангладеш. С начала своего существования эта граница контролируется не слишком тщательно. Управление границей в основном началось с 1989 г. В статье рассматривается возникновение Индо-Бангладешской границы. В ней описываются меры, принятые правительством Индии для пограничного контроля, такие как ограждение границы, прожекторы, установленные пограничные заставы, пограничные дороги и т. д., а также её нынешний статус. Индо-Бангладешская граница описана как «проблемная зона завтрашнего дня» из-за трансграничной деятельности, такой как нелегальная иммиграция, контрабанда, трансграничное перемещение повстанцев и т. д. Политические лидеры создают разные нарративы, используя эти трансграничные практики для продвижения своей политической повестки дня. Но фактический статус управления границами и политический нарратив не всегда совпадают. В этом исследовании также обсуждается политическая позиция различных партий.

Ключевые слова

Индо-Бангладешская граница; управление границей; пограничное ограждение; политические нарративы

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная</u>

¹ Email: sumanadas712[at]gmail.com

² Email: rana.amu[at]gmail.com

Introduction

The border is a multifaceted phenomenon. Borders are "multifaceted, multi-level and interdisciplinary institutions and processes transecting spaces in not only administrative and geopolitical but also cultural, economic and social terms" (Donnan & Wilson, 1999; Newman, 2003; Paasi, 2005; Van Houtum, 2011). Borders have constituted a major topic in the tradition of political geography (Newman & Paasi, 1998). Geographer Prescott (1987) defined borders and their related terminology. According to Prescott, "Boundary was the abstract line that separated state territories. In the contemporary world, the border has become increasingly complex and multifaceted (Paasi & Prokkola, 2008) and undocumented migration, terrorism, drug smuggling, etc. are the key phenomena of a border security issue (Ackleson, 2005).

India shares 4096 km (Assam-262 km, Tripura-856 km, Mizoram-318 km, Meghalaya-443 km, West Bengal-2,217 km) long land boundary with Bangladesh (earlier East Pakistan). The Indo- Bangladesh border came into existence after the partition in 1947 (Das, 2008). This time it is the demarcation line between India and the Eastern part of Pakistan. After the creation of Bangladesh in 1971, this boundary became the Indo-Bangladesh boundary. This border is very much known for its cross bordering practices such as illegal immigration, cross-border trade, etc. because of the cultural, ethnic and linguistic similarities with border sharing states of India with Bangladesh. West Bengal is noticeable among them. These crossbordering practices are treated as the socio-cultural phenomena for the two Bengals. But gradually the border is started to securitize for terrorist attacks, bombings, riots in different parts of the country and its link up with Islamic terrorist organizations of Bangladesh and Pakistan such as Harkat-ul-jihad, Lashkar-e-Taiba etc (Jones, 2009). The discourses started to securitize the political border of Indo-Bangladesh. The government of India takes different measures for militarizing the Indo-Bangladesh border (Jamwal, 2004; Mcduie-ra, 2014). But the political narratives related to the Indo-Bangladesh border create a different perception from the actual happening.

So in this study, the author tries to draw a historical outline of the emergence of the Indo-Bangladesh border and analyze the bordering practices in context of securitization and the Spatio-temporal changes in bordering practices. It also discusses the political stand of different political parties.

Objectives

The main objectives of this study are as follows.

• To describe the historical outline of the emergence of the Indo-Bangladesh border.

- To study the emergence of bordering practices in the context of securitization of the Indo-Bangladesh border.
- To analyze the Spatio-temporal development of bordering practices in Indo-Bangladesh border.
- Finally, it tries to analyze the political narratives of different political parties on the Indo-Bangladesh border management or bordering practices.

Theoretical discussion about the border

Border studies is the new discipline of social science that discusses the construction of the border, cross-border activities like migration, trade, etc. cross-border crimes like smuggling, human trafficking, etc., and border management by the government (Konrad & Nicol, 2011). Border studies are an interdisciplinary and multidisciplinary field in the present day (Kolossov & Scott, 2013). Mainly the discipline extends in the early 1960s (Paasi, 2005). Today border studies is an interdisciplinary field and worked with the other academic disciplines of social science such as geography, international relations, anthropology, political science, sociology, history, and philosophy (Kolossov & Scott, 2013); Haselsberger, 2014). In the 'geographical research' borders are now a prime object in political geography (Paasi, 2005).

In this study, it is tried to analyze the emergence, bordering practices and political narratives related to Indo-Bangladesh border. So, before the discussion, some theoretical concepts and terminologies are discussed here.

The term "border" is often used synonymously with the terms "boundary" and "frontier" (Anderson & O'Dowd, 1999; Haselsberger, 2014). According to Popescu (2012), "borders have traditionally served the role of ordering society". It is a barrier of the territory which creates different states or countries. So the definition, classification, communication, and the power of controlling a territory are the main significance of the border (Haselsberger, 2014).

The meaning of the border is different from place to place, time to time, and culture to culture. The 'border', 'boundary', and 'frontier' are used synonymously in different articles but they have a slight difference in meaning (Chang, 2010; Haselsberger, 2014).

Frontier refers to an area which lies ahead of the hinterland of the state (Dwivedi, 2012). According to Ladis Kristof,

"Frontier is a region or zone having a width as well as length."

It has zonal characteristics and also is a characteristic of rudimentary socioeconomic relations marked by rebelliousness, lawlessness, and/or absence of laws (Kristof, 1959). With time the empty zone of frontiers transformed into a populated area and the zone converted into lines. Then the concept of frontier zones changes in the boundary line.

The **boundary** is a line on a map delineating a territorial boundary or the limit of a political jurisdiction. According to Ladis Kristof, "the term boundary denotes a line such as may be defined from point to point in treaty, arbitral award or boundary commission report." It is synonymous with the border. The Boundary line is a socio-political imprint of the human being (Kristof, 1959). A "boundary" is a linear concept, demarcating one particular facet (e.g. religious community) (Haselsberger, 2014).

The **border** is mostly synonymous with boundaries. The English word "border" derives from the French term bordure [edge, border] which originally referred to the outer edge of particular things (e.g. of a shield). 'Border' used as a geopolitical phenomenon from the seventeenth century, but from the nineteenth century, the meaning of the 'border' is changed. An unambiguous and 'fixed' line both on the map and ground refers to 'border' (Biggs, 1999; Haselsberger, 2014). Border is a legal and arbitral line in space that is separating different jurisdictions, nations, cultures, etc. (Anderson & O'Dowd, 1999).

According to Macmillan dictionary, "**No man's land** is an area of land between two countries that is not controlled by either of them." According to Cambridge dictionary, "an area or strip of land that no one owns or controls, such as a strip of land between two countries' borders, especially in a war. Or a situation or area of activity where there are no rules or that no one understands or controls because it belongs neither to one type nor another."

'Borderlands are crossroads where people and their institutions and traditions come together, creating distinctive ways of organizing space and transforming the seemingly fixed edges of empires and nations into fluid spaces' (Baud & Van Schendel, 1997).

"A borderland is a vague and undetermined place created by the emotional residue of an unnatural boundary. It is in a constant state of transition. The prohibited and forbidden are its inhabitants." (Anzaldua, 1987).

The 'borderland' is the surrounding regions of the international border which have a power relation and different cultural mix or clash with specifically in a political, spatial, cultural, economic, and social situation (Anzaldua, 1987).

The concept of borderlands is recently under the growing attention of (spatial) scientists and politicians, encouraged by the increasing governmental interest in cross-border regional planning.

The emergence of the Indo-Bangladesh border

The Indo-Bangladesh border is one of the most militarized borders in the world (Vogeler, 2010; Singh, 2020). 'Like all boundaries of the Indian subcontinent, Indo-Bangladesh border is one of the artificial superimposed borders, which made by the British colonial authorities over the existing cultural landscape' (Das, 2008; Saddiki, 2017).

After the victory of the British East India Company in the Battle of Plassey in 1757, nearly two hundred years of colonial-era started in India (Bunting, 2022; Sharma, 2020). The British East India Company ruled in India for more than one hundred years and an additional 90 years ruled by the British raj after the Indian Rebellion of 1857 (Perkins, 2019). Today's India, Pakistan, Bangladesh, Myanmar are the integrated colony of the British East India company. In 1937 Myanmar (erstwhile Burma) was separated from the rest of the part of India and made an independent entity (Pillalamarri, 2017).

Colonial India was divided into two parts at the time of independence in 1947 (Bates, 2011). This division was made based on religion. India is a country with a Hindu majority and Pakistan is a country with a Muslim majority (Perkins, 2019). Then in 1971 Bangladesh (erstwhile East Pakistan) was separated from Pakistan for the linguistic division (Zakaria, 2019).

Various historically significant incidences happened in the 20th century during the last 50 years of the British period. At first, the British rulers divided the Bengal presidency into two parts in 1905. In the second term of Viceroy of India Lord Curzon, the Bengal Presidency was divided into two administrative divisions. One part was the Muslim majority province of East Bengal and Assam and the second part was the Hindu majority province of West Bengal (Spear, 1990) (Spear, 1990). This partition was highly opposed by the Hindu elites of Bengal province because they were going to lose their political clout. They started to protest everywhere in Bengal. This protest became the 'Swadeshi' movement and spread all over India (Spear, 1990; Ludden, 2002). Within this situation, Lord Minto was appointed as the new viceroy of Bengal on 18th November 1905. During this period Muslim elites of India feared for predominantly Hindu protest against the partition of Bengal and the Hindu majority in Indian politics (Ludden, 2002).

At this time different political parties demand different rights for the citizens of India from the British government unitedly. Voting rights is an important demand among them. In 1906 Muslim elites asked for a separate electorate for the Muslims to represents themselves independently. They also demanded proportional legislative representation reflecting both their status as former rulers and their record of cooperating with the British. As a result, the All India Muslim League was founded in December 1906 at Dacca (Ludden, 2002; Rizvi, 2000). The Muslims got a separate electorate under the Morley-Minto reforms of 1909 (Bapu, 2013). But finally, this partition was annulled by the British due to the tremendous pressure of population resentment (Ray, 1977; Jamwal, 2004).

After the formation of the All India Muslim League, Hindu leaders started to unite for the creation of an organization to protect the rights of the Hindu community members (Bapu, 2013). In 1915, All India Hindu Mahasabha was formed after the amalgamation of different regional Hindu Sabhas. The Mahasabha campaigned for Hindu political unity for the development of Hindus in different sectors (Bapu, 2013). In various conferences of Mahasabha the leaders proposed

Hindus as a nation and the Muslim League also did the same. That's why Hindu and Muslim political leaders tried to construct Hindu and Muslim as two different nations based on religious identity (Bapu, 2013). Lala Lajpat Rai, leader of the Hindu Mahasabha, demanded to bifurcate India into Muslims and non-muslim population in "The Tribune" of 14 December 1924 (Noorani, 2002). Then Veer Damodar Savarkar, leader of the Hindu Mahasabha, also brings the idea of the two-nation theory into the discussion (Khan, 1950; Talbot, 1999). After three years, Mohammad Ali Jinnah also demanded Pakistan. Finally, the Muslim League passed the Pakistan resolution in the Lahore Session on March 23, 1940 (Sarkar, 2014).

After more than one hundred years of British East India Company rule and an additional 90 years of the British Raj, the Indian subcontinent had finally achieved Independence on the 15th of August 1947 by a long anti-colonial struggle, violence, and bloodshed. Two self-governing countries India and Pakistan were evolved by the mediation of the last British governor-general of India (Perkins, 2019; Singh, 2020).

At the last phase of British rule, many political parties were presenting their demands. The creation of Pakistan out of India based on their religious identity as the Muslim nation was an important demand of the Muslim League. After 24 years of the creation of Pakistan, Bangladesh was created as an independent country out from Pakistan based on its linguistic identity as a nation.

The boundary line between India-Pakistan and India-Bangladesh is known as the Radcliffe line as it was demarcated by Sir Cyril Radcliffe.

Sir Cyril Radcliffe, a British lawyer, was appointed as the boundary commissioner in these (?) two boundary commissions (?) by the final British general of India Lord Mountbatten in July 1947 (Pletcher, 2016). The commission was chaired by Sir Cyril Radcliffe (S. K. Singh, 2020). Jawaharlal Nehru, a representative from the Indian National Congress, and Muhammad Ali Jinnah, representative of the Muslim League, played an important role in the commission. Each commission had 5 members – Sir Cyril, 2 members nominated by the Muslim League, and 2 members nominated by the Congress Party. The Bengal Boundary Commission was also (?) chaired by Sir Cyril Radcliffe and assisted by Justice Bijan Kumar Mukherjea, Justice C.C. Biswas, Justice Abu Saleh Mohamed Akram, and Justice S. A. Rahman (REPORTS OF INTERNATIONAL ARBITRAL AWARDS, 1950; Chester, 2013). The Commission was constituted on June 30, 1947, under Section 3 of the Indian Independence Act, 1947. The Commission was required to prepare a report and submit it to the Governor-General of India before August 15, 1947 (Jamwal, 2004).

The demarcation of the boundary line is a very unthoughtful decision of Radcliffe (Perkins, 2019; Singh, 2020; Read & Fisher, 1997). He was given a target to complete his work within five weeks (Perkins, 2019). Sir Cyril Radcliffe was instructed to demarcate the boundaries in Punjab and Bengal based on religious majority and also like natural boundaries; communications, watercourses, and irrigation systems, as well as socio-political considerations, were also kept into considerations.

eration (Read & Fisher, 1997; Singh, 2020). Radcliffe had no clear knowledge about the religious demography and history of India. He worked on the boundary line using census reports and some maps. He also gave weightage to factors such as strategic roads and irrigation patterns (Read & Fisher, 1997).

Cyril Radcliffe wrote in his report:

"The province (Bengal) offers few, if any, satisfactory natural boundaries, and its development has been on lines that do not well accord with a division by contiguous majority areas of Muslim and non-Muslim majorities." (REPORTS OF INTERNATIONAL ARBITRAL AWARDS, 1950).

Finally, on the 12th of August 1947, the boundary line demarcation was completed and it was published on the 17th of August 1947 (REPORTS OF INTERNATIONAL ARBITRAL AWARDS, 1950). The boundary between India and West Pakistan and India and East Pakistan is the result of the Radcliffe line. In 1971 East Pakistan was separated from Pakistan after the liberation war. After that the eastern part of the Radcliffe line served as the Indo-Bangladesh border.

The emergence of bordering practices in the context of securitization of Indo-Bangladesh border

Colonial India was partitioned based on religion. Punjab and Bengal province had an overall 50% population of both Hindu and Muslim communities (Spate, 1947; Dalrymple, 2015). So these two provinces are divided between two countries as per the decision by Radcliffe's boundary commission. This boundary line is not a very proper demarcation. Both countries have won some and also lost some (S. K. Singh, 2020). The partition left millions of Muslims on the Indian side and similar numbers of Hindus in Pakistani sectors. It sparked mass migrations by members of each religious community and also created widespread violence. As a result, a million people died. These incidents proved that the Radcliffe Line is the line of strife and dispute, even today (Dalrymple, 2015; Pletcher, 2016; Ansari, 2017; Pillalamarri, 2017).

After the Liberation war of Bangladesh in 1971, Bangladesh is an independent state (Sengupta, 2001). Therefore eastern part of the Indo-Pakistan border serves as the Indo-Bangladesh border. India shares 4096.7 Km of its land border with Bangladesh. The five states of India, such as West Bengal (2216 km.), Assam (263 km), Meghalaya (443 km.), Tripura (856 km.) Mizoram (318 km.) are the border-sharing states (Jamwal, 2004; Bala, 2017; Saddiki, 2017).

The Indo-Bangladesh border runs through complex topography including floodplain areas, riverine lands, hills, jungles (Jamwal, 2004). This maximum portion of border area is heavily populated and highly cultivable. The boundary line stretches among these overpopulated areas. The agricultural lands, populated towns, and villages are carried out till the last inch of the border. The huge diversity of the border makes it a porous one, thus, posing a great challenge to border management (Das, 2008; Bhattacharjee, 2019; Bhattacharjee, 2019b).

The highly porous Indo-Bangladesh border is used as a route for smuggling livestock, food items, medicines, drugs from India to Bangladesh. This highly porous border is also the way of massive illegal immigration from Bangladesh to India. This cross-border mobility is treated as a very simple socio-economic phenomenon. This is a very common fact in the case of West Bengal because the Bangladeshi people share common cultural, social, linguistic, and also ethnic heritages or similarities with West Bengal (Van Schendel, 2004; Jones, 2009; Dabova, 2014; Das, 2016; United Nations Office on Drugs and Crimes, 2017).

After the emergence of Bangladesh as an independent state, disputes on the border are found in some areas of the Indo-Bangladesh border. To solve this problem, former Prime minister of India Mrs. Indira Gandhi and Former Prime minister of Bangladesh Sheikh Mujibur Rahaman signed the Indo-Bangladesh Agreement in 1974 (Jamwal, 2004; Das, 2008; Quadir, 2015). The Agreement listed in detail the modalities to deal with each of the outstanding border issues including enclaves and undemarcated boundaries. The main aims of this agreement were to exchange the enclaves among those countries and simplify the international border. The agreement needed to be ratified by the two governments. Bangladesh ratified it in November 1974 but India did not (Jamwal, 2004; Ministry of Home Affairs, 2011-2012). A revised version of the agreement was adopted by the two countries on 7 May 2015, when the Parliament of India passed the 100th amendment to the Constitution of India (Bagchi, 2015).

The worldwide tension of terrorism in different times in different countries thrashed the world in 'global terror' and it is a threat of security for every country. According to the occurrences of 'global terror', "Muslims and the Islamic countries are generally described as violent, irrational and a threat to the security" (Jones, 2009). In the case of India, the threat perceptions about the Muslims and Islamic countries of Pakistan and Bangladesh are the same as per the global view (Khan, 2005). The securitization of the border with Pakistan was understandable because four wars have occurred in the past 60 years. Not only that "India routinely accused Pakistan of supporting anti-state movements in Kashmir and other parts of India." But India and Bangladesh are sharing very peaceful relations since India helped liberate Bangladesh in 1971 (Van Schendel, 2004; Asoori, 2020).

However, in the mid or late 1980s, the issue of the immigration of Chakmas into India became the issue of contention in bilateral relations with Bangladesh (Sarma, 2015; Das, 2016). Then the central government of India authorized a fence on the Bangladesh border in 1986. But only 5 percent of work was completed since 2000 (Van Schendel, 2005; Jones, 2009). Though, in present time the Chakmas are stateless people (Kumari and Yadav, 2020).

Therefore the terror from the Muslims was created after the Babri Masjid demolition in Ayodhya in December 1992. After this incident, widespread riots have occurred in the Megacities of India such as Bombay, Calcutta, etc. (State Bureau Reports, 1992). Then these incidents are exploded on the 12th of March 1993

in Bombay series bombings (Chadha, 2006), 16th of March 1993 Bowbazar bombings in Calcutta (Gargan, 1993) 8th August 1993 bombing of RSS office in Chennai. 21st may 1996 Lajpat Nagar blast in Delhi, 22nd may 1996 Dausa blast in Rajasthan (Times of India, 1996; The Economic Times, 1996), 1996 Brahmaputra mail train bombing, 22nd December 2000 terrorist attack on Red fort by Lashkar-e-Taiba (Times of India, 2007), 2001 Jammu and Kashmir legislative assembly car bombing by Jaish-e-Mohammed (The Tribune, 2001), 2001 Indian parliament attack in New Delhi by two Pakistan-raised terrorist organizations of Lashkar-e-Taiba and Jaish-e-Mohammed (Rediff.com, 2001). This series of terrorist attacks in one decade mostly securitized the border with Islamic majority countries of Pakistan and Bangladesh.

In the aftermath of the 11 September 2001 USA attacks, BJP led the government of India to give their full support to the 'United States' effort to fight extremism (Vajpayee, 2001). In 2004, the Congress-led UPA government came into power. They also take different initiatives to increase the internal security measures and speed up fencing projects (Oza, 2007). On 21st October 2001, India and United States signed the Mutual Assistance on Criminal Matters Treaty to eradicate the scourge of terrorism. In 2002, the prevention of Terrorist Activities Act (POTA) was passed by parliament (Agamben, 1998). Then, the large bombings occurred in Delhi in 2005 (rediff.com, 2005), Mumbai in 2006 (Singh, 2008) and Hyderabad in 2007. All these attacks were linked in media reports and Indian government statements to the extremist organization of Bangladesh such as 'Harkat-ul- Jihad'. Therefore the multiple targets and long duration of the horrific siege in Mumbai in November 2008 was the latest example of violence in India. These incidents also linked with Pakistan and Bangladesh (Jones, 2009; Bokhari, 2009). This chained violence and horrible events have reshaped the security practices of India, particularly India's political borders, and also changed the security discourse and border discourse in India. "The inclusion of Bangladesh as an equal partner with Pakistan in supporting terrorist activities in India marks a fundamental shift in the framing of Bangladesh in the public discourse in India and the relations between the two governments" (Jones, 2009). After the 2008 Mumbai attacks, different bombings and terrorist attacks occurred in different places of India since now (2013 Hyderabad blasts, March 2013 Srinagar attack, 2014 Bangalore bombing, 2016 Baramulla attack, 2019 Pulwama attack, etc.) (Raina, 2013; Dutta, 2018).

This chained terrorism, violence, and link-up of the Islamic terrorist organizations of Bangladesh and Pakistan in these insurgent activities securitized the political borders. It also creates anti-Bangladesh narratives in contemporary public discourse. These public discourses have accelerated the securitization process on the Indo-Bangladesh border and also speeded up the militarizing process. The Spatio-temporal development of bordering practices such as border fencing, border road construction, floodlighting, installation of other modern technologies and equipment, etc. are implemented in the Indo-Bangladesh border.

The spatio-temporal development of bordering practices in Indo-Bangladesh border

The Indo-Bangladesh border is one of the longest land borders in the world (Goyal, 2019; Bhattacharjee, 2019a). The porousness of the Indo-Bangladesh border increased the cross-border trade or smuggling of livestock, food items, medicines, drugs between India and Bangladesh and illegal immigration from Bangladesh to India and also use for other anti-national activities from across the border (Jamwal, 2004; Das, 2008; Bhattacharjee, 2019b).

The proper management of borders is of vital importance to national security. The management of our borders presents many challenges as this requires coordinated and concerted actions by administrative, diplomatic, security, intelligence, legal, regulatory and economic agencies of the country to secure frontiers. The first initiatives of border management or border securitization were taken in 1989 by starting the border fencing. But the government was concerned about the border management issue in 1999 after the Kargil conflict and a report was submitted by the Kargil Review Committee (Jamwal, 2004; Das, 2008). The government of India set up a task force on border management under the supervision of Madhav Godbole, as part of the Group of Ministers (GoMs) in April 2000 for considering the recommendations of the Kargil Review Committee and it also makes a holistic assessment of the national security system of India (Das, 2008; Jayal, 2001).

Border Outposts:

The GoMs report recommended the Ministry of Home Affairs to establish a separate 'Department of Border Management'. The department of Border Management has also been created by the Ministry of Home Affairs in January 2004 (Ministry of Home Affairs, 2007)). The force assigns for the duties of border management is completely dedicated to Border management. Also, the committee recommended the development of infrastructure along the border such as border outposts, border fencing, floodlighting, border road construction, etc. (Ministry of Home Affairs, 2007). This force is completely devoted to guarding, regulating, and monitoring the border. This force is posted in specific entry and exit points to regulate the movements of the people and goods. Many border outposts are also set up on the Indo-Bangladesh border. These are given below:

Border Out Posts (BOPs) are the main workstation of the BSF along the borders. These are self-contained defense outposts with a specified area of responsibility established along the entire continuum of land borders. The force is posted in these BOPs and the main work of this force is to deter trans-border criminals, infiltrators, and the hostile elements from indulging in the activities of intrusion/encroachment and border violations. Each BOPs is provided with the necessary infrastructure for accommodation, logistic supports, and combat functions (Ministry of Home Affairs, 2018-2019) (Ministry of Home Affairs, 2017-2018).

According to the annual report of MHA 2014-15, this time Border security force patrolled 802 Border outposts on the Indo-Bangladesh border. In 1999 the committee of GoM recommended reducing the inter distance of BoPs to 3.5 km. So, 383 new border outposts were sanctioned for construction by the government on 16th February 2009. The construction was targeted to be completed in 2013-14. But due to the problems of land acquisition, public protests, and some other issues, the construction is delayed. Out of the 383 BOPs, 65 BOPs have been completed and 78 BOPs are in progress (Ministry of Home Affairs, 2014-2015).

According to the Annual report of the MHA 2015-2016, 86 BOPs

Name of State		Number of BOPs	
Name of State	Approved	Held	Composite BOPs
West Bengal	633	410	223
Meghalaya	125	108	17
Assam	91	85	6
Tripura	245	181	64
Mizoram	91	18	73
Total	1185	802	383

Table 1. Status of BOPs along Indo-Bangladesh Border (Source: Annual report of Ministry of Home Affairs, 2014-15, 2015-16)

have been completed and the construction of 96 BOPs is in progress. The project is not completed until now. The land acquisition process is in progress and the construction of BOPs will be completed after the acquisition of the land (Ministry of Home Affairs, 2015-2016). According to the annual report of MHA 2016-17, 1011 BOPs are held by BSF along the Indo-Bangladesh border (Ministry of Home Affairs, 2016-2017).

Name of State		Number of BOPs	
Name of State	Approved	Held	Composite BOPs
West Bengal	633	523	180
Meghalaya	125	121	15
Assam	91	91	6
Tripura	245	246	64
Mizoram	91	30	61
Total	1185	1011	326

Table 2. Status of BOPs along Indo-Bangladesh Border (Source: Annual report of Ministry of Home Affairs, 2016-2017

After that 422 composite border outposts are also approved for construction by the government. Out of these 326, composite border outposts have been constructed and the rest of the work was supposed to be completed by July 2018. But it is not completed, yet. (Ministry of Home Affairs, 2018–2019).

Border Fencing:

To prevent infiltration and smuggling along with the border areas, the Government of India planned to fence the Indo-Bangladesh border as similar to the Indo-Pakistan border. The GoM report also recommended fencing the entire land border through the Indo-Bangladesh border. This project was undertaken in two phases, Phase-I from 1987 to 1999 and phase-II from 2000 to the present (Das, 2008).

The Indo-Bangladesh border fencing project was started by the Government of India in 1989. The eight feet high and electrified fencing was constructed in some areas which are the hotspot of illegal immigration and border crossing and the other 70% of fencing was constructed roughly (Dabova, 2014). In Phase-I, 857 Km border fencing project was sanctioned and approximately 854 km of border fencing work was completed. After that in phase-II, the government-sanctioned 2502 km long border for fencing, and 1930 km fencing work was completed within early 2007. But in phase II, there are lots of problems in the construction of the fencing. In 2003, it is found that 200 villages and ten thousand people of India live in no man's land. If the fence is constructed according to the Radcliffe Line, then those people of India get access to Bangladesh easily but their own country is restricted for them (Ministry of Home Affairs, 2013–2014; Chakravarty, 2018).

The annual report of the Ministry of Home Affairs published the state-wise progress of the border fencing in the Indo-Bangladesh Border.

Length in km					
Name of States	Border Length	PHASE I	PHASE II		Total (PH.I+ PH.II)
		Completed	Sanctioned	Completed	Completed
West Bengal	2216.7	507	1021	674.05	1181.05
Assam	263	149.29	71.5	51.42	200.71
Meghalaya	443	198.06	201	180.19	378.25
Tripura	856	0	736	668.04	668.04
Mizoram	318	0	400	107.75	107.75
Total	4096.7	854.35	2429.5	1681.45	2535.8

Table 3. FENCINGSource: Annual report of Ministry of Home Affairs, 2007-08

Out of this work, 296 km of border fencing was completed during 2007-08 in the Mizoram sector. In Tripura, a 120 km border was also fenced during 2007-08.

Also, 3250.60 Km of border roads had been constructed out of a sanctioned length of 3663 Km as of 31st December 2007 (Ministry of Home Affairs, 2007–2008).

Most of the border fencing constructed under phase-I in West Bengal, Assam, and Meghalaya has been damaged and deteriorated at several parts for bad weather conditions, repeated submergence, etc. Then the Government of India has sanctioned a project named Phase-III for the erection of 861 km. of fencing replacing the entire fencing constructed under Phase-I at an estimated cost of Rs.884 crores. This work was targeted to complete within 2007-08. But there arise some problems in the construction of fencing within 150 yards for the objection raised by the Bangladesh rifles, limited working season, difficult topographical features, etc. This work was expected to be completed in March 2010. The work has been assigned to the Central Public works Department, National Buildings Construction Corporation, and National project Construction Corporation. A total of 749 km of border fencing has been replaced. The balanced work merged with the work of phase-II in 2012 by the Cabinet ministry. Out of the total length of the border, 3300 km of the border fencing was completed beyond the 150-yard zone within its territory in the line with the boundary agreement. (Ministry of Home Affairs, 2008-09; Ministry of Home Affairs, 2010-2011).

Length in km.						
Name of	PHASE I		PHASE II		Total (PH.I+ PH.II)	
State	Sanctioned	Completed	Sanctioned	Completed	Sanctioned	Completed
West Bengal	507	507	964	729.15	1471	1236.15
Assam	152.31	149.29	76.72	74.94	229.03	224.23
Meghalaya	198.06	198.06	264.17	148.6	462.23	346.66
Tripura	0	0	848	782.46	848	782.46
Mizoram	0	0	349.33	233.54	349.33	233.54
Total	857.37	854.35	2502.22	1968.69	3359.59	2823.04

Table 4. FENCING. Source: Annual report of Ministry of Home Affairs, 2013-14

The total length of the Indo-Bangladesh border sanctioned for fencing is 3359.59 km; out of which about 2823.046 km of fencing has been completed up to 31.03.2014 (Ministry of Home Affairs, 2013-2014). The annual report of the MHA in 2015-16 reported that 2710.02 km border fencing was provisionally completed up to 31.12.2015. As of 23 December 2015, the Government had sanctioned barbed wire fencing of 3326.14 km along the Indo-Bangladesh border. Out of this, 2708.77 km of fencing had been completed. The target for completion of the project was given by March 2019. But there have been lots of problems at the border such as land acquisition cases and protests by the border population, physical barriers, etc. It delayed the progress of the work. This project was going on and it was expected that it will

be completed in March 2020 (Ministry of Home Affairs, 2018-2019). For the pandemic situation by the COVID-19, this work is not completed still now.

Border Road

The construction of border roads is another important aspect of the Border Area Development Programme for better border monitoring. The government sanctioned 4223.04 km border roads to develop a better communication system in the border areas. Within this 3660.70 km border roads have been constructed and other works are going on (Ministry of Home Affairs, 2018–2019).

Ministry of Home Affairs, Government of India sanctioned 3663 km length for the border road construction. Among them, 3250.60 km of border roads have been constructed. The phase-wise progress of roads as of December 31, 2007, is given in Table 5.

Length in km.				
Name of State	PHASE I	PHASE II		Total (PH.I+ PH.II)
	Completed	Sanctioned	Completed	Completed
West Bengal	1616.57	0	0	1616.57
Assam	176.5	77.5	61.7	238.2
Meghalaya	211.29	204	200.85	412.14
Tripura	480.51	269	210.14	690.65
Mizoram	153.06	246.5	139.98	293.04
Total	2637.93	797	612.67	3250.6

Table 5. BORDER ROADS. Source: Annual report of Ministry of Home Affairs, 2007-08

According to the Annual report of MHA 2008-2009, 3326.82 km of border roads have been constructed out of a sanctioned length of 4326.24 km. (Ministry of Home Affairs, 2008-2009). Details are given in Table 6.

Length in km.						
Name of	PHASE I		PHASE II		Total (PH.I+ PH.II)	
State	Sanctioned	Completed	Sanctioned	Completed	Sanctioned	Completed
West Bengal	1770	1616.57	0	0	1770	1616.57
Assam	186.33	176.5	138.7	74.56	325.03	251.06
Meghalaya	211.29	211.29	327.87	200.85	539.16	412.14
Tripura	545.37	480.51	564.12	252.45	1109.49	732.96
Mizoram	153.4	153.06	429.16	161.03	582.56	314.09
Total	2866.39	2637.93	1459.85	688.89	4326.24	3326.82

Table 6. Border Roads. Source: Annual report of Ministry of Home Affairs 2008-09

The government-sanctioned 4223.04 km of border roads are meant to develop a better communication system in the border areas. Within this 3660.70 km border roads have been constructed and other works are going on (Ministry of Home Affairs, 2018-2019).

Floodlight in Border

The government of India took an initiative to set up floodlights in the Indo-Bangladesh border for close surveillance during night hours with the construction of fencing, border roads, and border outposts. A pilot project of floodlighting started in West Bengal. Over 277 km of border areas completed Floodlighting from December 2003 to June 2006 (Annual report of MHA 2018-2019). The Government has also sanctioned a project of floodlighting about 2840 km of the Indo-Bangladesh border at an estimated cost of Rs. 1327 crores in November 2007. The work has been assigned to the Central Public Works Department (CPWD), National Project Construction Corporation (NPCC), and Engineering Projects (I) Limited (EPIL). This work was scheduled to be completed in 2011-12. Within this session, the work of the erection of poles in 211 km along the laying of cables in 60 km has been completed (Ministry of Home Affairs, 2009-2010).

According to the Annual report of MHA 2010-11, the work of floodlighting has been completed in a total of 445 km border areas (WB- 245 km and Tripura-200 km) and 1200 km of floodlighting work is under progress (Ministry of Home Affairs, 2010-2011). During 2011-12, 775 km of floodlighting work has been completed. Additionally, in about 600 km. work of erection of poles, laying of cables, and fitting of fixtures is under progress (Ministry of Home Affairs, 2011-2012). The work of floodlighting, as of 31st July 2013, for the length of 1535.31 km (West Bengal -700 km, Assam -30 km, Mizoram-27.10 km, Meghalaya -148 km, Tripura -630.21 km) has been completed and balance work is in progress (Das, 2010; Ministry of Home Affairs, 2012-2013). Details are given in Table 7.

Length in km.					
Name of State	Sanctioned	Completed	Balance		
West Bengal	1134.13	809	325.13		
Assam	208.74	114.4	94.34		
Meghalaya	443	159.2	283.8		
Tripura	718.47	642.26	76.21		
Mizoram	335.66	38.2	297.46		
Total	2840	1763.06	1076.94		

Table 7. Floodlighting Source: Annual report of Ministry of Home Affairs, 2013-14

The progress of floodlights work within 31st December 2015 is given in Table 8.

Length in km.					
Name of State	Sanctioned	Completed	Balance		
West Bengal	1134.13	956.69	177.44		
Assam	208.74	217.44	0		
Meghalaya	443	156.6	286.4		
Tripura	718.47	660.8	57.67		
Mizoram	335.66	51.11	284.55		
Total	2840.90	2042.64	806.06		

Table 8: Floodlighting. Source: Annual report of Ministry of Home Affairs 2015-16

The works were scheduled to be completed by March 2012. However, the works have been spilled over. Accordingly, a CCS note is under process seeking an extension of time by another two years for the completion of works. A review meeting of Indo-Bangladesh border issues was held on 07.12.2017 at Kolkata under the chairmanship of Hon'ble Home Minister with Chief Ministers of Indo-Bangladesh Border States (Ministry of Home Affairs, 2017–2018). In total 2698.6 km length of border Floodlights installation has been approved and out of it, 2357.29 km has been completed. The rest of the work was to be completed by March 2020 hopefully (Das, 2010; Ministry of Home Affairs, 2018–2019). But for the pandemic situation by the COVID-19, the work is not completed still now.

But after all the holistic developments in the border management system, there have been some problems to guard the riverine part of the Indo-Bangladesh border. So the Government of India has taken initiatives to manage these parts of the border. MHA launched a Comprehensive Integrated Border Management System (CIBMS). CIBMS 'includes integration of manpower, sensors, networks, intelligence, and Command & Control Solutions to improve situational awareness at different levels of hierarchy to facilitate prompt and informed decision making and quick response to emerging situations.' In the first phase, the 61 km riverine border of Assam was taken under this project and has a plan to implement in Tripura, Meghalaya, Mizoram, and West Bengal (Ministry of Home Affairs, 2018–2019).

After the development of border management by the government of India, many issues about smuggling and immigration were reported on the border. Different controversial cases of violence by border guards were reported at different times.

The narratives of political parties on the Indo-Bangladesh border management or bordering practices

Under the recommendation of the Group of Ministers, many important measures are taken by the Government of India for strengthening border security.

The Government of India has set up a department of Border Management, under the Ministry of Home Affairs. The government of India takes many measures for the Indo-Bangladesh border management such as erecting fences, developing border roads, and floodlighting, issuing identity cards to Indian citizens, cooperating with Bangladesh, making a cross-border trade relationship with Bangladesh, etc. (Das, 2008).

The political leaders of political parties have a different perception of the Indo-Bangladesh border management and immigration issues (Das, 2008). The political leaders deliver speeches in political rallies on these issues according to their perceptions and conveniences. So it creates various narratives on border management. But these narratives do not always depict the actual situation of border management.

This study analyzes the securitization process of the Indo-Bangladesh border and describes the progress in the Indo-Bangladesh border management and the actions of the government in different periods. In this section the author tries to highlight the narratives of the different political parties on the Indo-Bangladesh border.

Bharatiya Janta Party (BJP), a national-level political party, has a tough view-point about the Indo-Bangladesh border. The leaders of this party always highlight the porous nature of the border and emphasize the tighter border control, including militarization of the border. The present Prime Minister of India and the Hindu nationalist leader Narendra Modi highlights the issue during the election rallies in 2014 (Dabova, 2014; Krishna, 2014).

Narendra Modi said that "illegal immigrants from Bangladesh in West Bengal should have their 'bags packed' in case he comes to power", accusing the state government of being too soft. At a rally on Sunday in West Bengal, he accused the state government of "looking to secure votes from ethnic and religious minorities." (Krishna, 2014; Dabova, 2014).

Mr. Modi also accused the state government of West Bengal of the soft corner to illegal immigrants. He said "You are concerned about infiltrators and not your own people... they must go back, they are robbing the youths of India of their livelihood", Modi told the rally in West Bengal, which borders Assam. (Dhar, 2014).

Not only the illegal immigration issues and facts of border control, but BJP leaders are also against the land boundary agreement with Bangladesh. So they heavily criticized the agreements. Current Defence Minister of India and the BJP top leader Mr. Rajnath Singh labeled this agreement as "A loss game for India. After leaving 17000 acres, we will receive only 7000 acres. A loss of 10,000 acres." (Sarkar, 2014)

India's Home Ministry Affairs Minister Amit Shah has vowed to remove illegal migrants from the state of West Bengal through a government scheme by introducing the National Register of Citizens (NRC).

Mr. Shah told in a packed rally in Kolkata, "The chief minister [of West Bengal] says she will not let NRC happen in West Bengal, but I am assuring you, each and every infiltrator in India will be shown the door," ("NRC: Amit Shah Vows to Eject Illegal Migrants from West Bengal," 2019).

The speeches of the BJP leaders try to create narratives on the securitization of Bangladeshi immigration, the militarization of the highly porous Indo-Bangladesh border, etc.

Many regional parties of Border States such as All Assam Student Union (AASU), All Assam Gana Sangram Parishad (AAGSP) of Assam, Khasi Student union of Meghalaya and Trinamool Congress, Communist Party in West Bengal, etc. also have strong standpoints about the Indo-Bangladesh border management and Bangladeshi immigration issues.

Immigration from Bangladesh is a big problem in Assam. In 1973 AASU and AAGSP launched a mass movement in Assam, which is known as Anti Foreigners Movement. Its main objectives were the detection and deportation of illegal immigrants. In 1983 'Illegal Immigration act' was passed. Now in contemporary India NRC in Assam is the result of this anti-foreigners movement (Chattopadhyay, 1990).

The general secretary of AGP, Atul Bora, had said in his book on AASU conventions, "But, what argument is it that we Assamese would have to sacrifice our home and hearth, our land, for their (foreigners) freedom?" Bora, who is currently the president of the AGP and had held the position of AASU general secretary during the Agitation, was a staunch critic of the Indira Gandhi government amid demands to protect Assam from foreigners settlement. The same sentiment, perhaps, echoes in the protests today, albeit without the presence of AGP, Atul Bora, and Prafulla Mahanta (Sharma, 2019). The regional parties of Assam are always against immigration. So they always spoke out for border fencing and stopping Bangladeshi immigration. They create this immigration issue as the ethnic crisis, identity threats, and also linguistic minority threats for the Assamese (Nath & Nath, 2010; Sarma, 2015).

Anti-foreigners (Bengali) movement also occurred in Meghalaya under the leadership of Khasi Student Union which started in 1979. Foreigners/Bengalis were killed for this movement. Anti-Bengalis feeling continued even today particularly in Shillong, and scars of the 1970s riots remain; regional parties of Meghalaya denied membership to its resident who are non-indigenous people for they consider them a threat to the indigenous people (Dutta, 2018).

West Bengal is also a co-ethnic neighbor of Bangladesh. In 1977, the Left Front government was formed in West Bengal and ruled for 34 years. This government has a soft corner for the Bangladeshi immigrants and provides shelters to fleeing Bangladesh immigrants. The communist government uses the immigrants as their vote bank (Refugee Review Tribunal, 2005).

Dr. Upadhyaya discusses the ambivalent attitude of the West Bengal government towards the migrants:

"Despite initial resistance which saw West Bengal providing shelters to fleeing Bangladesh immigrants during the height of Assam agitation, the communist regime fell into line with other border states in the drive against foreigners. Here the political will to accommodate Bengali coethnics was superseded by the economic pressures." (Upadhyaya, 2006).

Initially, the major political parties such as Congress and CPI(M) ignored the Bangladeshi immigrants in West Bengal and northeastern states. But further, they treated the immigrants as their vote bank (Sheno, 2003). According to a projection of the West Bengal legislative assembly, 52 seats among 292 constituencies are controlled by Bangladeshi immigrants, and the other 100 seats are partially influenced by the immigrants (Upadhyaya, 2006). So for the long reaped political mileage of the Communist Party of India, they always help and also protect the migrants. In West Bengal, 55 lakh ration cards have been issued to Bangladeshi immigrants (Upadhyaya, 2006).

Trinamool Congress Party is the ruling party of West Bengal now. This party has a dual standpoint on the border and immigration issue. Within a few months when Assam Citizens' list was published, Chief Minister of Bengal Mamata Banerjee has 'pitched herself as a fierce critic of the Assam citizens' list' and "Ms. Banerjee has also predicted a civil war and bloodbath if the centre stays the course." But 13 years ago in 2005, she was against the Bangladeshi immigration. (Tikku, 2018).

The West Bengal CM, Mamata Banerjee has stated in the LS on 4.8.2005:

"The infiltration in Bengal has become a disaster now... I have both the Bangladeshi & the Indian voters list. This is a very serious matter. I would like to know when would it be discussed in the House?" (Jaitley, 2018).

Political analysts said that the total politics of West Bengal in the case of favoring Bangladeshi immigrants depend on electoral politics. In 2005, CPIM was the ruling party in West Bengal and they were getting the support of the Muslim community and illegal Bangladeshi immigrants. So Mamata Banerjee commented against this immigrants. Then Trinamool changed their political strategies on the immigrants' issue (Tikku, 2018). In Bengal, the Trinamool Congress (TMC) is playing an advocate of illegal immigrants and has benefitted in a major way (India Today, 2014). The illegal immigrants were earlier treated as the vote bank of the Left Front, but later they changed their side in the last assembly elections in West Bengal (Kumar, n.d.). Now she supports the minorities in the Anti-NRC movement (Tikku, 2018).

The opinions of the political leaders of different parties create narratives on this issue. There is no such kind of strong anti-immigrant standpoint of the Congress party during the ruling period. The leaders of the Congress party do not securitize the issue. Although in political narratives congress is missing in the case of anti-immigrants standpoint, so the opponent party, mainly BJP, termed them as a sympathizer of the immigrants (Acharyya, 2019). But when congress is in power, they also take all measurements for militarizing the border.

They established the maximum number of border outposts, border fencing, installation of floodlights, and border roads for border management and securitized the border.

In another way BJP, a nationalist party, creates an anti-immigrant image in national politics. In their narrative, BJP always emphasizes border securitization (Jones, 2009). According to the annual reports of the Ministry of Home Affairs, it finds that maximum works are done from 1989-2014. In that period congress was the ruling party for maximum time. So it is clear that Congress does a better job in the case of border management. BJP party does not work so much for border management. But they create securitized narratives in maximum time. So it may be concluded that the narratives are not always justified with the work performance of the governments on the border.

Conclusion

This study makes a clear historical outline of the creation of the Indo-Bangladesh border. There are many conflicting incidents behind the emergence of the Indo-Bangladesh border. Finally in 1947 Indo-Pakistan border evolved and in 1971 Indo-Bangladesh border originated. This border is the longest land border that India shares with its neighbor country. But the highly porous nature of the border and its cross-bordering practices make a new concern for managing the border. The government of India takes all measures for protecting the border. This work is progressed from time to time. But the maximum works were done from 1989 to 2014. The rest of the works are still in progress and some reconstruction is going on till now. Political leaders try to securitize the Indo-Bangladesh border and its cross-bordering practices, mainly illegal immigration, by creating political narratives. Some political parties behaved as a sympathizer of the illegal immigrants and some use them as their vote bank. But actually, these parties do not make proper and quick initiatives to prevent cross-bordering practices. So there we have lots of differences between political narratives and border management.

References

Acharyya, K. (2019, April 2). Citizenship issue unlikely to benefit Congress in North East, will only remind voters of party's failure to arrest influx of immigrants. Firstpost, 1–27. https://www.firstpost.com/india/citizenship-issue-unlikely-to-benefit-congress-in-north-east-will-only-remind-voters-of-partys-failure-to-arrest-influx-of-immigrants-6373651.html

Ackleson, J. (2005). Constructing security on the U.S.-Mexico border. *Political Geography*, 24, 165–184. https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2004.09.017

Agamben, G. (1998). Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Standford University press. http://abahlali.org/files/Homo+Sacer.pdf

- Anderson, J., & O'Dowd, L. (1999). Borders, border regions and territoriality: Contradictory meanings, changing significance. *Regional Studies*, 33(7), 593–604. https://doi.org/10.1080/00343409950078648
- Ansari, S. (2017, August 10). How the Partition of India happened and why its effects are still felt today. The Conversation. https://theconversation.com/how-the-partition-of-india-happened-and-why-its-effects-are-still-felt-today-81766
- Anzaldua, G. (1987). La frontera/Borderlands. Aunt Lute Books. http://users.uoa.gr/~cdokou/TheoryCriticismTexts/Anzaldua-borderlands-la-frontera.pdf
- Asoori, P. (2020). A Look into the Conflict Between India and Pakistan over Kashmir. E-International Relations, 1–10. https://www.e-ir.info/pdf/87971
- Bagchi, S. (2015, June 13). Land pact rollout in next 11 months. The Hindu. https://www.thehindu.com/news/national/Land-pact-rollout-in-next-11-months/article60178416.ece
- Bala, A. (2017). India-Bangladesh border killing. South Asia Journal, 1–14. http://southasiajournal.net/india-bangladesh-border-killing/
- Bapu, P. (2013). Hindu Mahasabha in Hindu Mahasabha in Colonial North India,1915-1930. Routledge.
- Bates, C. (2011, March 3). The Hidden Story of Partition and its Legacies. *Bbc*. https://www.bbc.co.uk/history/british/modern/partition1947_01.shtml
- Baud M.and Van Schendel, W. (1997). Toward Comparative of Borderlands * a History. *Journal of World History*, 8(2). https://www.jstor.org/stable/20068594?origin=JSTOR-pdf&seq=1
- Bhattacharjee, J. (2019a). BSF-BGB tension: India-Bangladesh border management need a rethink.

 Observer Research Foundation. https://www.orfonline.org/research/bsf-bgb-tension-india-bangladesh-border-management-need-a-rethink-56832/
- Bhattacharjee, J. (2019b). Integrated Check-Posts on the India-Bangladesh Border: A Field Survey and Brief Analysis. In ORF Special Report (ORF Special Report No. 96). https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2019/08/ORF SpecialReport 96 ICPs-India-Bangladesh.pdf
- Biggs, M. (1999). Putting the state on the map: Cartography, territory, and European state formation. Comparative Studies in Society and History, 41(2), 374–411. https://users.ox.ac.uk/~sfos0060/statemap.shtml
- Bokhari, F. (2009, February 6). Bangladesh linked to Mumbai attacks. The Financial Times, 3–4. https://www.ft.com/content/126191da-f3b6-11dd-9c4b-0000779fd2ac
- Bunting, T. (2022). Battle of Plassey. In *Encyclopedia Britannica*. Encyclopaedia Britannica, Inc. https://www.britannica.com/event/Battle-of-Plassey
- Chadha, M. (2006, September 12). Victims await Mumbai 1993 blasts justice. BBC NEWS. http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/4777323.stm
- Chakravarty, I. (2018, January 20). On the fence: Fluid and ever changing, the Indo-Bangladesh border defies the idea of a neat boundary. 1–9. https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_07_08.pdf
- Chang, B. W. (2010). The power of geographical boundaries: Cultural, political, and economic border effects in a unitary nation [Iowa State University].

- https://dr.lib.iastate.edu/server/api/core/bitstreams/81192cf4-b9e4-4d8a-bbab-6a0df866e785/content
- Chattopadhyay, D. K. (1990). History of the Assamese movement since 1947. Minerva Associates (Publications). https://www.worldcat.org/title/history-of-the-assamese-movement-since-1947/oclc/24261217
- Chester, L. P. (2013). Borders and conflict in South Asia: The Radcliffe boundary commission and the partition of Punjab. In Borders and conflict in South Asia: The Radcliffe bounda. commission and the partition of Punjab. Manchester University Press. https://doi.org/10.1080/07075332.2012.667641
- Dabova, E. (2014). INDIA-BANGLADESH BORDER FENCE AND CROSSBORDER MIGRATION. Aldea Mundo, 19(38), 19–34. https://www.redalyc.org/pdf/543/54343693003.pdf
- Dalrymple, W. (2015). The great divide: The violent legacy of Indian Partition. https://doi.org/10.1049/et.2009.0103
- Das, P. (2008). India-bangladesh border management: A review of government's response. Strategic Analysis, 32(3), 367–388. https://doi.org/10.1080/09700160802063228
- Das, P. (2010). *India* 's Border Management: Select Documents. Institute for Defence Studies and Analyses. https://www.idsa.in/system/files/book/book_IndiasBorderManagement.pdf
- Das, P. (2016). Illegal Migration From Bangladesh: Deportation, Border Fences and Work Permits (No. 56; IDSA Monograph Series). https://idsa.in/system/files/monograph/monograph56.pdf
- Dhar, S. (2014, May 5). Narendra Modi rails against illegal immigrants after Assam killings. 1–9. https://www.livemint.com/Politics/NbdTwVHXB4Eld8eKziqgyO/Narendra-Modi-takes-iibe-at-Mamata-Banerjee-over-her-paper.html
- Donnan, Hasting and Wilson, T. M. (1999). Frontier of Identities. In Borders: Frontiers of Identity, Nation and State. Berg.

 https://www.border-crossings.eu/downloads/item/download/286 2fa5485637aeb3826f50

 bae151c79d6e
- Dutta, A. (2018, June 13). Shillong: Impossible homeland. *The Indian Express*, 1–14. https://indianexpress.com/article/opinion/columns/shillong-clashes-tribals-khasi-sikh-xenophobia-violence-impossible-homeland-5214845/
- Dwivedi, R. L. (2012). Fundamental of Political Geography. Chaitanya Publishing House.
- Gargan, E. A. (1993, March 17). Blast in calcutta kills at least 45. The NewYork Times. https://nytimes.com/1993/03/17/world/blast-in-calcutta-kills-at-least-45.html
- Goyal, S. (2019, July 9). Which States of India share boundaries with Bangladesh? *Jagaran Josh.* https://www.jagranjosh.com/general-knowledge/which-states-of-india-share-boundaries-with-bangladesh-1562068685-1
- Haselsberger, B. (2014). Decoding borders. Appreciating border impacts on space and people. *Planning Theory and Practice*, 15(4), 505–526. https://doi.org/10.1080/14649357.2014.963652
- Jamwal, N. S. (2004). Border management: Dilemma of guarding the India-Bangladesh border. Strategic Analysis, 28(1), 5–36. https://doi.org/10.1080/09700160408450116
- Jayal, B. D. (2001). The Kargil Review Committee Report A Mindset Frozen in 1962 Era (Issue 2). https://www.satp.org/satporgtp/publication/idr/vol_15(2)/air_marshal_bd_jayal_retd.htm

- Jones, R. (2009). Geopolitical boundary narratives, the global war on terror and border fencing in India. Transactions of the Institute of British Geographers, 34(3), 290–304. https://doi.org/10.1111/j.1475-5661.2009.00350.x
- Khan, A. U. (2005). The Terrorist Threat and the Policy Response in Pakistan (SIPRI Policy Paper No. 11). https://www.sipri.org/sites/default/files/files/PP/SIPRIPP11.pdf
- Khan, L. A. (1950). Pakistan: The Heart of Asia. Havard University Press.
- Kolossov, V., & Scott, J. (2013). Selected conceptual issues in border studies. *Belgeo: Belgian Journal of Geography*, 1, 1–18. https://doi.org/10.4000/belgeo.10532
- Konrad, V., & Nicol, H. N. (2011). Border culture, the boundary between canada and the united states of america, and the advancement of borderlands theory. *Geopolitics*, 16(1), 70–90. https://doi.org/10.1080/14650045.2010.493773
- Krishna, N. Das. (2014, November 30). *India's Modi vows to halt illegal immigrants from Bangladesh*. 1–3. https://www.reuters.com/article/us-india-immigration-bangladesh-idUSKCN0JE08620141130
- Kristof, L. K. D. (1959). The nature of frontiers and boundaries. *Annals of the Association of American Geographers*, 49(3), 269–282. https://doi.org/10.4324/9781315135267-14
- Kumar, A. (n.d.). Depoliticising Illegal Immigration from Bangladesh. Strategic Analysis, 39(1), 22–26. https://doi.org/10.1080/09700161.2014.980543
- Kumari, P. and Yadav, P. K. (2020). A State of the Stateless People: A Case Study of Chakmas. *Law Corner*, 1–20. https://lawcorner.in/a-state-of-the-stateless-people-a-case-study-of-chakmas/
- Ludden, D. E. (2002). India and South Asia: A Short History. In ONE World: Oxford. Oxford: Oneworld. https://doi.org/10.2307/3590003
- Mcduie-ra, D. (2014). The India Bangladesh Border Fence: Narratives and Political Possibilities. Journal of Borderlands Studies, 29(1), 1–14. https://doi.org/10.1080/08865655.2014.892694
- Ministry of Home Affairs. (2007). *Annual Report* 2006-07. https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_06_07.pdf
- Ministry of Home Affairs. (2008). *Annual Report* 2007-08. https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_07_08.pdf
- Ministry of Home Affairs. (2009). *Annual Report* 2008–09. https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_08_09.pdf
- Ministry of Home Affairs. (2010a). *Annual Report* 2009–2010. https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_09_10.pdf
- Ministry of Home Affairs. (2010b). *Annual Report* 2010–2011. https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_10_11.pdf
- Ministry of Home Affairs. (2012a). *Annual Report* 2012-13. <u>https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_12_13.pdf</u>
- Ministry of Home Affairs. (2012b). *Annual Report of 2011-2012*. https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_11_12.pdf
- Ministry of Home Affairs. (2014). *Annual Report of 2013-14*. https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_13_14.pdf

- Ministry of Home Affairs. (2015). *Annual Report* 2014-15. https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_14_15.pdf
- Ministry of Home Affairs. (2016). *Annual Report of 2015–16*. https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_15_16.pdf
- Ministry of Home Affairs. (2017). *Annual Report of 2016–17.*https://www.mha.gov.in/sites/default/files/AnnualReport_16_17.pdf
- Ministry of Home Affairs. (2018). ANNUAL REPORT 2017-18. https://www.mha.gov.in/document/annual-reports/annual-report-ministry-of-home-affairs-2017-2018
- Ministry of Home Affairs. (2019). *Annual Report* 2018-19. https://www.mha.gov.in/document/annual-reports/annual-report-ministry-of-home-affairs-2018-2019
- Nath, H. and Nath, S. K. (2010). Illegal Migration into Assam: Magnitude, Causes, and Economic Consequences (Working Paper 1006). https://ideas.repec.org/p/shs/wpaper/1006.html
- Newman, D. (2003). On borders and power: A theoretical framework. *Journal of Borderlands Studies*, 18(1), 13–25. https://doi.org/10.1080/08865655.2003.9695598
- Newman, D., & Paasi, A. (1998). Fences and neighbours in the postmodern world: Boundary narratives in political geography. *Progress in Human Geography*, 22(2), 186–207. https://doi.org/10.4324/9781315246512-8
- Noorani, A. G. (2002, December 22). The Partition of India. *Frontline*. https://doi.org/10.1007/978-1-349-86215-3 15
- NRC: Amit Shah vows to eject illegal migrants from West Bengal. (2019, October 1). BBC NEWS. https://www.bbc.com/news/world-asia-india-49890663
- Oza, R. (2007). Contrapuntal geographies of threat and security: the United States, India and Israel. *Environment and Planning D: Society and Space 2007*, 25, 9–33. https://doi.org/10.1068/d1404
- Paasi, A. (2005). Generations and the "development" of border studies. *Geopolitics*, 10(4), 663–671. https://doi.org/10.1080/14650040500318563
- Paasi, A., & Prokkola, E. K. (2008). Territorial dynamics, cross-border work and everyday life in the Finnish-Swedish border area. *Space and Polity*, 12(1), 13–29. https://doi.org/10.1080/13562570801969366
- Perkins, C. R. (2019). The 1947 Partition of India and Pakistan. Spotlight at Stanford, 22–24. https://exhibits.stanford.edu/1947-partition/about/1947-partition-of-india-pakistan-Message-of-the-month-of-baishakh-the-first-mo/1167281449962230/
- Pillalamarri, A. (2017, August 19). 70th anniversary, a review of the Radcliffe Line: Understanding the Story of Indian Partition. *The Diplomat*, 1–7. https://thediplomat.com/2017/08/70-years-of-the-radcliffe-line-understanding-the-story-of-indian-partition/
- Pletcher, K. (2016). Boundary Commission Boundary Commission. In Encyclopedia Britannica. Encyclopaedia Britannica Inc. https://www.britannica.com/topic/Boundary-Commission
- Quadir, S. (2015, June 6). India, Bangladesh sign historic land boundary agreement. Reuters, 4–7. https://www.reuters.com/article/us-bangladesh-india-enclaves-idUSKBNOOM0IZ20150606
- Raina, M. (2013, March 14). Terror leaps out of cricket kit. The Telegraph. https://www.telegraphindia.com/india/terror-leaps-out-of-cricket-kit/cid/322916

- Ray, A. B. (1977). Communal Attitudes to British Policy: The Case of the Partition of Bengal 1905. Social Scientist, 6(5), 34–46. http://www.jstor.org/stable/3520087
- Read, A., & Fisher, D. (1997). The Proudest Day: India's Long Road to Independence. W.W. Norton and Company. https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/first/r/read-proudest.html
- Refugee Review Tribunal. (2005). RRT Research Response IND17537. https://www.refworld.org/pdfid/4b6fe209d.pdf
- REPORTS OF INTERNATIONAL ARBITRAL AWARDS. (1950). Boundary disputes between India and Pakistan relating to the interpretation of the report of the Bengal Boundary Commission: Vol. XXI. https://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXI/1-51.pdf
- Rizvi, H. A. (2000). Military, state and society in Pakistan. Macmillan Press LTD. https://doi.org/10.5860/choice.38-2974
- Saddiki, S. (2017). World of Walls: The Structure, Roles and Effectiveness of Separation Barriers. In Space and Politics (Issue October 12485). Open Book Publishers. https://doi.org/10.11647/OBP.0121
- Sarkar, D. (2014, November 4). BJP to cash in on Indo-Bangla border issue in West Bengal. The Economic Times, 1–7. https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/bjp-to-cash-in-on-indo-bangla-border-issue-in-west-bengal/articleshow/45034946.cms
- Sarma, M. (2015). A Study of Migration from Bangladesh to Assam, India and Its Impact by [The University of Adelaide]. https://digital.library.adelaide.edu.au/dspace/bitstream/2440/97379/3/02whole.pdf
- Sengupta, N. (2001). History of the Bengali-speaking people /. Distributions, UBS Publishers'. http://pi.lib.uchicago.edu/1001/cat/bib/4692333
- Sharma, A. (2019, December 16). Why AGP, Which Started Assam Movement in 80s, is Nowhere to be Seen During CAA Protests in Assam. NEWS 18.

 https://www.news18.com/news/politics/why-agp-which-started-assam-movement-in-80s-is-nowhere-to-be-seen-during-caa-protests-in-assam-2425587.html
- Sharma, M. (2020, June 24). 'Robert Clive was an 18th-century nouveau riche dream come true ... To downplay Plassey is to downplay history .' The Times of India. Robert Clive was an 18th-century nouveau riche dream come.timesofindia.indiatimes.com > Blogs > Edit Page Blogs.
- Singh, S. K. (2020, August 17). Radcliffe line: History, facts about the boundary line between India and Pakistan. ZEE News, 1–17. https://zeenews.india.com/india/radcliffe-line-history-facts-about-the-boundary-line-between-india-and-pakistan-2303264.html
- Singh, V. (2008, September 23). Gaffar bomb was in pressure cooker. *Hindustan Times*. https://www.hindustantimes.com/delhi/gaffar-bomb-was-in-pressure-cooker/story-seEoCmaCk9icyJ2YJTPP0I.html
- Spate, O. H. K. (1947). The Partition of the Punjab and of Bengal. The Geographical Journal, 110(4/6), 201–218. https://doi.org/10.2307/1789950
- Spear, P. (1990). A History of India. Penguin Books. https://doi.org/10.1007/978-0-230-56924-9
- State Bureau Reports. (1992, December 31). Babri Masjid demolition aftermath: Religious hatred engulfs India, over 1,000 people die. India Today.

 https://www.indiatoday.in/magazine/cover-story/story/19921231-babri-masjid-demolition-aftermath-religious-hatred-engulfs-india-over-1000-people-die-767313-2012-12-21

- Talbot, I. (1999). Pakistan'S Emergence. In R. Winks (Ed.), *The Oxford History of the British Empire:* Historiography. Oxford Scholarship Online. https://doi.org/10.1093/acprof
- Tikku, A. (2018, August 2). What Mamata Banerjee Said Of Bangladeshi Immigrants In 2005. NDTV. https://www.ndtv.com/india-news/when-mamata-banerjee-flung-papers-in-lok-sabha-against-illegal-immigrants-1893748
- United Nations Office on Drugs and Crimes. (2017). *Annual Report Covering Activities during* 2017. https://www.unodc.org/documents/AnnualReport/Annual-Report_2017.pdf
- Upadhyaya, P. (2006). Securitization Matrix in South Asia: Bangladeshi Migrants as Enemy Alien. In M. C.-A. Ralf Emmers (Ed.), Non-Traditional Security in Asia: Dilemmas in Securitization (1st Editio, pp. 1–272). Routledge. https://doi.org/https://doi.org/10.4324/9781315247878
- Vajpayee, A. B. (2001). Prime Minister Shri Atal Bihari Vajpayee Address To The Nation. Ministry of External Affairs.

 https://mea.gov.in/articles-in-indian-media.htm?dtl/16935/Prime+Minister+Shri+Atal+Bihari+Vajpayee+Address+To+The+Nation
- Van Houtum, H. (2011). The mask of the border. In D. Wastl-Walter (Ed.), The Ashgate Research Companion to Border Studies (pp. 49–61). Ashgate.

 https://henkvanhoutum.nl/wp-content/uploads/2012/09/Houtum-The-Mask-of-the-Border.pdf
- Van Schendel, W. (2004). The Bengal borderlands:beyond state and nation in South Asia. Anthem Press. https://www.academia.edu/17621559/The_Bengal_Borderland_Beyond_State_and_Nation_in_South_Asia_2005
- Vogeler, I. (2010). The Changing United States-Mexico Border. 1–5. https://www.siue.edu/GEOGRAPHY/ONLINE/Vogeler/FortifiedMilitarizedBorders.html
- Zakaria, A. (2019, December 16). Remembering the war of 1971 in East Pakistan. Al Jazeera. https://www.aljazeera.com/opinions/2019/12/16/remembering-the-war-of-1971-in-east-pakistan/

Slavery in Dutch Guiana and the Dutch Colonial Ethos

Andrey A. Boltaevskiy (a) & Stanislav A. Agureev (b)

- (a) Russian University of Cooperation. Moscow, Russia. Email: boltaev83[at]mail.ru
- (b) Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow, Russia. Email: stas.agureev[at]mail.ru

Received: 1 May 2021 | Revised: 09 October 2021 | Accepted: 25 October 2021

Abstract

The subject of this article is the economic system that has developed in the Netherlands Guiana, based on forced slave labor. The degree of cruelty of this system over the past centuries has been mythologized by both contemporaries of the events and later researchers. Today in Netherlands, at the highest official level, the era of colonial slavery has been condemned but at the same time it was recognized as a part of national history, which is largely due to the influential Caribbean community. However, the attitude towards this topic in society remains extremely polarized, becoming the subject of manipulation by populist and nationalist forces.

The work is based on a wide range of foreign sources and research; the methodological basis includes the historical, genetic and comparative methods. The scientific novelty of the article is connected with the poor study of the topic in domestic science. A comparative study of the situation of slaves in the Western Hemisphere has shown that toughness was not unique to the Dutch colonial ethos. The high mortality and hardships of slaves in the Netherlands Guiana and the Caribbean are due to the specifics of sugar plantations, and not to a greater degree of racism compared to Iberoamerica. The author draws attention to the gradual progressive evolution of all slavery regimes on the American continent.

Keywords

Colonialism; Slavery; Neocolonialism; Netherlands Guiana; Suriname; Brutality; Lawlessness; Western Hemisphere; Segregation; Evolution

This work is licensed under a **Creative Commons "Attribution" 4.0 International License**

Рабовладение в Нидерландской Гвиане и голландский колониальный этос

Болтаевский Андрей Андреевич (а), Агуреев Станислав Александрович (b)

- (a) Российский университет кооперации. Москва, Россия. Email: boltaev83[at]mail.ru
- (b) Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России. Москва, Россия. Email: stas.agureev[at]mail.ru

Рукопись получена: 1 мая 2021 | Пересмотрена: 9 октября 2021 | Принята: 25 октября 2021

Аннотация

Предметом исследования статьи является сложившаяся в Нидерландской Гвиане система хозяйствования, основанная на принудительном рабском труде. Степень жестокости данной системы за последние столетия оказалась мифологизирована как современниками событий, так и позднейшими исследователями. Сегодня в Нидерландах эпоха колониального рабства была осуждена на высшем уровне, но одновременно признана частью национальной истории, что во многом стало заслугой влиятельной карибской общины. Однако отношение к данной теме в обществе остается крайне поляризованным, становясь предметом манипуляции со стороны популистских и националистических сил.

Работа основана на широком круге зарубежных источников и исследований; методологической базой выступают историко-генетический и сравнительный методы. Научная новизна статьи вызвана слабой изученностью данной темы в отечественной науке. Сравнительное изучение положения рабов в Западном полушарии показало, что жесткость была свойственна не только голландскому колониальному этосу. Высокая смертность и тяготы жизни рабов в Нидерладнской Гвиане и Карибском регионе обусловлены спецификой сахарных плантаций, а не более высокой степенью расизма по сравнению с Ибероамерикой. Автор обращает внимание на постепенную прогрессивную эволюцию всех режимов рабовладения на Американском континенте.

Ключевые слова

колониализм; рабовладение; неоколониализм; Нидерландская Гвиана; Суринам; жестокость; бесправие; Западное полушарие; сегрегация; эволюция

Это произведение доступно по <u>лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная</u>

Введение

Изучение коммеморативных практик колониального и постколониального прошлого является сегодня крайне актуальным для голландского общества, которое долгое время в своей массе было лучше знакомо с североамериканским рабством, в том числе по «Хижине дяди Тома». В настоящее время в Нидерландах колониальное прошлое осуждено на высшем государственном уровне: на Всемирной конференции против расизма в Дурбане в 2001 г. голландский представитель принес извинения от имени народа Нидерландов за эпоху рабовладения и работорговли. Помимо прочего успех в признании рабства частью национальной истории Нидерландов обусловливается сильным лобби со стороны влиятельной карибской общины (только за 1974 г. в Голландию переселилось около 20 тыс. выходцев из Суринама (ГАРФ, д. 16167, л. 15)).

Однако и сегодня в стране тюльпанов тема колониального прошлого остается крайне поляризованной: идут споры о том, возможны ли выплаты каких-либо компенсаций потомкам рабов. В то же время данная тема является практически неизвестной российскому читателю, что определяет ее актуальность (отметим только перевод работы нидерландского историка (Остинди, 2016)).

История голландского колониализма в Западном полушарии неотделима от рабовладения, тем более что именно голландцы, сформировавшиеся в XVII в. преимущественно как торговая нация, были заинтересованы получать главные дивиденды от работорговли. Ярким примером рабовладельческого плантационного хозяйства в Южной Америке стала Нидерландская Гвиана, которая фактически до конца XVIII в., а юридически до 1814 г. включала в себя не только современный Суринам, но и колонии Бербис, Демерара, Эссекибо, являющиеся сегодня частью Гайаны. Колонии отличались формой управления: Демерара и Эссекибо управлялись Голландской Вест-Индской компанией (ГВИК), обладавшей правом на монопольную торговлю с ними. В Бербисе и Суринаме действовали акционерные общества, в которых ГВИК была лишь одним из акционеров, а вести торговлю с данными колониями могли все граждане Республики.

Историография

Несмотря на наличие значительного числа представителей других европейских народов, а также евреев, в целом изучение Нидерландской Гвианы позволяет проследить как особенности голландского колониального этоса, так и отношение голландцев к рабам и рабовладению. Степень жестокости голландского рабовладения стремились показать как современники, так и поздние исследователи. Британские рабовладельцы на Карибах признавались:

«Если пригрозить негру, что продашь его голландцу, - он испытает настоящий страх» (Найпол, 2008, с. 203).

Об ужасающем положение рабов в Нидерландской Гвиане были в достаточной мере осведомлены уже европейцы XVIII в. Во многом такой образ страны, известия из которой доходили до Старого Света с опозданием на 3-4 месяца, нарисовали несколько авторов: Афра Бен, Вольтер и Д. Г. Стедман. Первая англичанка, для которой сочинительство стало профессией, Афра Бен, в 1663-1664 г. побывала с неясной миссией в на тот момент еще британском Суринаме (шпионаж?), где познакомилась с африканским вождем:

«Я была очевидною свидетельницей большей части тех происшествий, о которых теперь повествовать буду». (Бен, 1796, с. 21].

Именно эта встреча привело к созданию ее самого известного романа «Оруноко», где описана история попавших в рабство африканского принца и его возлюбленной. Знаменитый Вольтер в своем самом популярном романе «Кандид, или Оптимизм» вложил в уста суринамского раба следующее признание: «Если на сахароварне у негра попадает палец в жернов, ему отрезают всю руку; если он вздумает убежать, ему отрубают ногу [...] Вот цена, которую мы платим за то, чтобы у вас в Европе был сахар» (Вольтер, 2018, с. 119-120].

Однако наибольшее впечатление на умы европейцев Эпохи Просвещения произвела книга капитана Д.Г. Стедмана «Повествование о пятилетней экспедиции против восставших негров Суринама», которая за короткий срок была переведена на французский, голландский, немецкий и другие языки (например, в Швеции в качестве переводчика выступил ученик Карла Линнея). Несмотря на то, что объемное сочинение Стедмана не переведено на русский язык, отечественный читатель мог получить заочное знакомство с ним по цитированию в работах советских и зарубежных авторах (Согрина, 1967, с. 105, 108, 109) (Шегрен, 1967, с. 135).

Искатель приключений, шотландец по происхождению (однако не являвшийся сторонником якобитов (The journal of John Gabriel Stedman, 1962, р. VI)), Стедман добровольцем находился в Суринаме в 1773-1777 гг. в составе бригады полковника Л. Фуржо, перед которой была поставлена задача подавить сопротивление беглых рабов. Стедман подробно рассказывает не только об удивительной природе далекой страны, но и о положении рабов. «Если негр не мог больше работать, его, конечно, не пристреливали, как старую лошадь или собаку. Но зато имелись другие эффективные способы прикончить его, не совершая прямого убийства. На открытой поляне на самом пекле устанавливался столб, к которому приковывали такого раба. В день ему выдавали только кружку воды и один пизанг [разновидность банана – авторы]. Таким образом, несчастный умирал медленной и мучительной смертью. Но в Суринаме это называлось не дать умереть с голоду!»

Стедман был буквально шокирован тем, как десятилетний сын плантатора ударил рабыню только за то, что она коснулась его парика. В конечном итоге он заявил, что «из европейцев и африканцев, проживающих в этой стране, первые являются большими варварами» (Stedman, 1799, р. 145). Однако еще больший резонанс вызвали сопровождавшие труд Стедмана гравюры, на которых были показаны не только живописное буйство флоры и фауны Суринама, но и издевательства над рабами (в Музее книги Российской государственной библиотеки имеется следующее собрание гравюр (Stedman, 1798). Новый интерес к текстам Стедмана возникает уже в 1960 г., в период возобновления дискуссий о рабовладении и положении рабов в Западном полушарии.

Разумеется, голландские авторы и художники XVIII в. стремятся создать положительное впечатление о заморской колонии (это было характерно и для соседней Французской Гвианы – Кайенны). И Я. Херлейн (автор изданной в 1718 г. первой работы на голландском языке о Суринаме) и Т. Писториус (его труд «Краткое и точное описание колонии Суринам» вышел в свет в 1763 г.) показывают скорее натюрморты и пейзажи страны, нежели тяжелый и опасный труд рабов (Sutton, 2014).

В свою очередь, сохранившиеся документы раскрывают скорее финансово-организационную работу плантаций, нежели повседневную жизнь плантаторов и рабов (Етт, 1991). Голландский работорговец Виллем Босман цинично утверждал: «Я не сомневаюсь, что эта торговля кажется вам варварской, но поскольку за ней стоит необходимость, она должна продолжаться. Но мы все же заботимся, чтобы рабы не умерли раньше времени, особенно женщины, которые слабее мужчин» (Postma, 1990, р. 7). Представляет интерес мнение голландского губернатора Я.Я. Маврикиуса, изложенное им на страницах своих заметок. Не отрицая сам институт рабства, он выступал против чрезмерного наказания, в том числе против происходившей вопреки запретам практике разлучения невольничьих семей.

Основные беды колонии Маврикиус видел в наводнивших ее отщепенцах из Европы. Здесь мы можем только согласиться с голландским губернатором: действительно, заокеанские колонии всегда привлекали различных авантюристов и искателей приключений, а зачастую и людей с криминальным прошлым. О нравах Нового Света наглядно говорит тот факт, что в середине XIX в. в столице Британской Гвианы Джорджтауне (бывший голландский Стабрук) 30 % смертей были вызваны алкоголизмом (Rodway, 1912).

Что касается голландской прессы, то в большинстве случаев она размещала лишь краткие сообщения о положении за океаном. Серьезным исключением стало первое крупное восстание рабов в Бербисе (февраль 1763 г.), о котором спустя четыре месяца первыми проинформировали читателей амстердамские «Куранты».

Проведенный голландской исследовательницей Эстер Баакман анализ свидетельствует, что республиканская пресса показывала восстание как неза-

конное и жестокое, обращая внимание скорее на бедственное положение колонистов, нежели мятежных невольников. В отличие от соседней Британии общественное мнение Нидерландов еще не было готово в тот момент к дискуссиям вокруг института рабства (Baakman, 2018).

Голландский аболиционизм начал свое формирование только в самом конце XVIII в.: предположительно первой печатной работой, выступающей за отмену рабства, было сочинение Корнеулиса Спенсера. Однако будучи изданным в 1779 г. на латыни, оно вряд ли могло получить обширную читательскую аудиторию. Более заметное влияние аболиционистское движение получило уже в рамках Батавской республики на фоне восстания рабов в Кюрасао 1795 г., но не получило такого размаха, как в Англии или во Франции.

Как уже говорилось, именно сочинения Афры Бен, Вольтера и Стедмана создали в европейском общественном мнении образ жестокого положения рабов в Нидерландской Гвиане, на который вольно или невольно опирались последующие авторы. Британский исследователь Г. Джонстон (1910) и американский социолог Ф. Танненбаум (1947) указывали именно на голландцев, как на создателей самой строгой системы рабовладения в Западном полушарии (Johnston, 1910, p. 110-128) (Tannenbaum, 1947, p. 65]. При этом оба **ученых** положительное влияние римско-католической подчеркивали на институт рабства в противоположность протестантским странам, где к рабам относились с намного большей жестокостью (голландский генеральный комиссар ван ден Бош в 1827 г. полагал, что возможность улучшить поведение суринамских негров религиозным образованием упущена). В то же время примечательно, что Танненбаум в своей работе нигде специально не рассматривает положение рабов в Суринаме, по существу повторяя мнение Джонсона.

Вышедшая в Амстердаме в 1934 г. книга А. де Кома «Мы, рабы Суринама» поразила современников антиколониальным протестом. Сын бывшего суринамского раба, казненный нацистами в апреле 1945 г. в лагере Нойенгамме за участие в голландском движении сопротивления, стремился показать соотечественникам прошлое своей страны в то время, когда дети креолов изучали на уроках истории подвиги де Рюйтера и Тромпа. Де Ком показывает историю страданий и скорби креольского народа, однако его труд являлся по форме не научным, а просветительским и даже агитационным, воплощавшим стремление автора к свободе и независимости Суринама.

Неслучайно во второй половине XX в. на авторитет Кома пытались опереться как Симон Санчес¹, так и главный политический долгожитель Сури-

¹ Яркий представитель креольского национализма, Симон Санчес в составе группы из 80 человек в декабре 1947 г. предпринял попытку государственного переворота в Суринаме. Санчес выступал как против голландского правительства, так и против быстро растущей общины индопакистанцев: «Помните, что будущее за нами, рабами... Мы будем бороться за свое существование до последней капли крови... Индусы попытаются получить нашу землю себе, мы должны опередить их... До тех пор, пока в Суринаме не прольется кровь, никаких изменений не будет».

нама Дези Боутерсе, в 2015 г. переизбранный президентом страны. Мнение о суровости голландской рабовладельческой системы сохраняется и сегодня (Hyles, 2014, р. 76-77). Соответствуют ли эти высказывания и размышления действительности? Ведь тот же Вольтер известен своей гиперболизацией и склонностью к гротеску.

А вот его соотечественник, Филипп Фермин, в отличие от Вольтера лично побывавший в Суринаме, указывал, что руку в сахароварне рабам отрубали для того, чтобы спасти жизнь: столь велика была сила тяги в гидравлических механизмах (для этой цели были заготовлены острые мачете). Выше упомянутый Джонстон признавался: «Фактически в Нидерландской Гвиане в XVIII в., как в Южной Каролине, Джорджии и Теннеси в **XIX в.** [выделено авторами статьи], рабы в отчаянии прибегали к самоубийству, чтобы избежать невыносимых пыток. Они прыгали в кипящие котлы с сахаром, принимали яд или бросались с высоты» (Johnston, 1910, р. 120).

Таким образом, уже сам Джонстон сравнивает положение голландских рабов с рабами в Соединенных Штатах, при этом тактично уходя от объяснения того факта, что спустя столетие уровень жестокости в США не уступал Нидерландской Гвиане.

Географические и исторические условия

«Остров Гвиана», как иногда именуют его исследователи, представляет свой огромный занятый джунглями и саваннами регион между Амазонкой и Ориноко. Зачастую переход от непроходимых джунглей к покрытой травой равнине был столь же резким, как граница моря и суши у обрывов утесов: «Выйдя из девственного леса, перепутанного лианами и разными растительными паразитами, вдруг попадаешь в море травы, где взор свободно охватывает огромный горизонт до отдаленных очертаний гор» (Реклю, 1896, с. 24).

Климатические условия Гвианы были сложными и непривычными для европейцев. Голландский исследователь признавался: «Непросто вынести тропический климат со средними температурами 25 градусов в самый холодный месяц января и 29 градусов в самый жаркий месяц октября» (Meiden, 1986, р. 15).

Открытие Гвианы европейцами состоялось на рубеже XV – XVI вв.: Алонсо де Охеда в 1499 г., Висенте Пинсон в 1500 г. Существует мнение о том, что в 1530 г. Педро де Аксоста пытался основать поселение в районе современного Парамарибо, а в 1568 г. Гаспар де Сотелль обосновался со 126 семьями в Кайенне (Harris, 1928, р. 4-5]. Достоверно известно только то, что устье Ориноко и побережье Гвианы были в достаточной мере известны испанцам, однако У. Рэли в 1595 г. не обнаружил в этой стране испанских поселений. Воспользовавшись этим, голландцы, французы, англичане основали несколько

опорных пунктов на побережье, которые периодически подвергались нападениям местных индейцев.

К 1630 г. голландские опорные пункты, первоначально занимавшиеся меновой торговлей с индейцами, появились на реках Бербис и Демерара (попытки обосноваться в Демераре голландцы предпринимали с 1581 г.); в 1652 г. экспедиция барбадосского губернатора лорда Ф. Уиллогби основала колонию на реке Суринам. Именно британцы заложили развитую систему плантаций, которые переняли у них получившие эту территорию по Бредскому миру 1667 г. голландцы (к этому времени в Суринаме действовало от 40 до 50 плантаций, на которых трудились привезенные с Барбадоса африканские рабы).

Именно плантации, на который использовался труд рабов, способствовали первоначальному накоплению капитала, с помощью которого была создана экономика современного Запада. К. Маркс справедливо писал: «Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т.д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности» (Маркс, 1961, с. 408) (примечательно, что здесь же К. Маркс наряду с рабами Бразилии и южных штатов США говорит о невольниках Суринама).

Несмотря на первые трудности (после перехода колонии под контроль Нидерландов начался настоящий исход англичан, продолжавшийся до 1680 г.: так, например, в 1671 г. Суринам оставили 105 семейств, общей численностью 517 человек, в 1675 г. страну покинули 250 европейцев и около 1 тыс. рабов и т.д. (Meiden, 1986, р. 28), трудолюбивые голландцы очень скоро смогли наладить прибыльное плантационное хозяйство, основанное на производстве сахара, табака, кофе, какао. Об успехах экономического развития колонии свидетельствуют цифры: так, экспорт кофе из Суринама в Амстердам всего за несколько лет – с 1740 по 1746 г. – увеличился в 7 раз (Voort, 1973, р. 31). К 1770-м гг. Суринам считался самой богатой колонией Голландии, выгодно отличавшейся от «американских колоний других держав обилием и качеством поставляемой продукции» (Nystrom, 1943, р. 20).

Значительно менее выигрышной была ситуация в соседних Бербисе, Демераре и Эссекибо, развитие которых замедлялось нехваткой инвестиций: положение постепенно начало меняться с проникновением британского капитала в середине XVIII в. Уже в 1760 г. большинство плантаций в Демераре принадлежало англичанам, предпочитавшим, впрочем, жить в гораздо более комфортабельных условиях на Барбадосе. Большую роль в жизни колоний играли водные ресурсы: неслучайно все голландские колонии были созданы вдоль рек, которые использовались как в качестве коммуникаций, так и для хозяйственно-бытовых целей.

Географические условия прибрежных низменностей (опасность наводнений) и угроза набегов пиратов обусловили размещение плантаций не ближе 30 км от побережья. Располагавшиеся в небольшом радиусе, плантации были словно бусы, нанизанные на бечевку, а далее начинались джунгли и саванны, населенные дружественными индейцами. Численность белых поселенцев долгое время была крайне небольшой, что на фоне серьезных доходов позволяло обеспечивать высокий уровень жизни. Не вызывает удивление, что современники описывали Суринам как страну, где «текут мед и молоко». В то же время для выращивания сахарного тростника требовались крупные земельные владения (что-что, а свободной земли в Нидерландской Гвиане было достаточно) и огромное количество работников. Попытки использовать индейцев в качестве рабочей силы на плантациях не увенчались успехом, как из-за низкой трудоспособности, так и по причине высокой смертности. Кроме того, колонии периодически подвергались нападениям местных жителей.

В 1672 г. в Бербисе индейцы подожгли торговую факторию на реке Канье (р. 293), в 1687 г. индейцы убивали «христиан» (белых) и грабили плантации. В результате на законодательном уровне было запрещено обращать местных карибов и араваков в рабов (в этом принципиальное отличие голландских колонизаторов от испанских и португальских), а в качестве альтернативы дармовой рабочей силы выступили массово ввозимые африканские негры.

В течение XVIII в. индейцы стали союзниками голландцев и привлекались в Бербисе и, в меньшей степени, в Суринаме к поискам беглых рабов (Hartsinck, 1770, р. 188), где в качестве доказательства для получения вознаграждения колонизаторам предъявлялись отрубленные руки. Здесь, как и в целом ряде других случаев, характерна проводимая европейцами политика «разделяй и властвуй».

Другим ярким примером являлось стремление англичан привлечь марунов на Ямайке к охоте за беглыми рабами. Союзнические отношения между индейцами и голландцами не помешали последним презрительно именовать туземцев bocks («козлы»).

Рабовладельческая система

Как и в других странах Нового Света, голландцы в короткие сроки перешли к использованию на плантациях труда африканских невольников.

Укажем на характерные черты созданной ими системы: 1) покупка рабов из разных африканских регионов, ради уменьшения возможности мятежей (это не помешало формированию пиджина, из которого в ходе глоттогенеза возникает суринамский язык, или сранантонго); 2) сохранение имеющихся семей, что должно было способствовать трудовой мотивации; 3) запрет на деятельность религиозных миссионеров, и в связи с этим незначительное число христианизированных рабов. Голландские издания содержат богатый

материал относительно побегов рабов, которые не боялись незнакомой местности и с успехом пользовались географическими условиями (джунгли), в отличие от вест-индских островов не ограниченными морскими **просторами**. Нападения французских корсаров (1686, 1708, 1712-1714) приводили к массовым побегам рабов. В результате образовалась социально-этническая группа лесных негров (маронов), которой удалось сохранить африканскую культуру. К середине XVIII в. угроза нападений маронов или восстаний рабов стала частью повседневной жизни плантаторов. В 1757 г. мятеж на реке Темпати-крик охватил уже несколько плантаций (поводом к нему послужило желание владельца перевести рабов с лесной на сахарную плантацию: работа на лесных угодьях традиционно считалась менее напряженной). Положение осложнялось малым количеством европейских поселенцев: в Бербисе в 1762 г. проживало 346 белых и свыше 3, 8 тыс. негров-рабов (см. таблицу 1 с данными по Суринаму).

годы	рабы	белые	мароны	плантации
1684	3 332	652	нет данных	нет данных
1730	18 190	1 085	нет данных	нет данных
1735	22 196	1 266	нет данных	400
1754	33 243	1 441	нет данных	нет данных
1786	50 000	3 350	7 000	500
1830	53 000	8 500	нет данных	451
1863	33 600	16 500	8 000	162

Таблица 1. Население Суринама (Linden, 2015, p. 467)

Голландским колонизаторам в ряде случаев пришлось пойти на уступки маронам: в Суринаме, так же как на Ямайке и в Бразилии, с ними были заключены соглашения, признававшие их статус свободных за некоторыми ограничениями. Согласно договору 1761 г., мароны не могли селиться в пределах расстояния в два дня пути до плантаций (Groot, 1963, р. 11). В своих поселках мароны занимались земледелием, а главным источником доходов являлась рубка леса. Однако различные соглашения с маронами скорее способствовали новым побегам рабов, нежели им препятствовали. Кроме того, несмотря на различные соглашения, мароны периодически совершали набеги на поселения европейцев даже в первой трети XIX в.: в 1821 г. в ходе нападения на Парамарибо было сожжено до 400 домов (Hyles, 2014, р. 184).

История восстаний невольников в Гвиане знает два самых крупных: в 1763 г. в Бербисе, где в мятеже приняло участие ³4 местных рабов, и в 1823 г. в уже ставшей британской Демераре (Восстание Восточного побережья). В Демераре число восставших рабов колебалось в районе 11-12 тыс., что позво-

ляет считать это выступление одним из самых мощных во всем Западном полушарии наряду с Гаити 1791 г. и Ямайкой 1831 г.

Однако стихийность и неорганизованность, вера в «честное слово» колонизаторов, внутренние противоречия (между креолами и африканцами), жестокость друг к другу, сексуальная эксплуатация женщин, содействие индейцев позволили колонизаторам подавить выступления.

Что касается непосредственного положения рабов, то необходимо разделить их на городских и плантационных, из которых на полевых работах были заняты не более 50 %. Домашние рабы, как, впрочем, и во всех подобных случаях, составляли своеобразную элиту в рабовладельческой иерархии, выступая помимо прочего и в качестве доносчиков о поведении и замыслах полевых рабов.

Вплоть до середины XVIII в. в Нидерландской Гвиане фактически отсутствовали какие-либо нормы, касающиеся защиты прав рабов. Подобная ситуация была характерна и для Британской Вест-Индии: на Ямайке попытки кодификации рабского права относятся только к 1780-м гг.; в испанских, португальских и французских колониях действовали рабские кодексы, которые, разумеется, не могли гарантировать должное отношение к рабам.

Мы не можем согласиться с мнением М. де Бира, что в Суринаме «ни один раб не был осужден без аргументированных доказательств» (Веег, 2010, р. 53-54]. Именно опасения неправедного суда (показания рабов не имели юридической силы) побуждали негров к побегам в джунгли, где они рассчитывали на помощь маронов.

Плантаторам было разрешено наказывать рабов за мелкие нарушения (кража, негодная работа) собственноручно, за более тяжкие преступления (убийство) рабов доставляли в городской суд.

В. Хугберген полагает, что практически все рабы, представшие перед судом в Парамарибо, приговаривались к смертной казни за любое совершенное преступление (Hoogbergen, 1985). Несмотря на определенное преувеличение (из 146 изученных уголовных дел, смертная казнь была применена в 82 %), в целом можно говорить о серьезной репрессивной направленности колониальной судебной системы (Beer, 2010).

В общих чертах повседневная жизнь полевых рабов выглядела следующим образом. Работы на плантациях велись шесть дней в неделю, кроме воскресенья (в период сбора урожая рабочими объявлялись все дни). Рабочий день отличался в зависимости от профиля плантации. На сахарных плантациях в среднем рабы трудились по 10 часов в день, а в период сбора по 16-17 часов (аналогичным было положение в соседней Бразилии). На хлопковых и лесных плантациях рабочий день не превышал 8 часов. Рабская хижина представляло собой примитивное деревянное помещение без окон, покрытое пальмовыми листьями, где за незначительными исключениями проживало от 5 до 7 рабов (на одного человека приходилось не более 4, 5 кв. м личного жилого

пространства). Важно заметить, что имеющиеся данные говорят о том, что нуклеарная семья была редкостью для домохозяйств рабов: на 4-5 взрослых приходилось 1-2 ребенка.

Путь к жилищам рабов обычно более напоминал путь к логову животного, нежели к обители людей, представляя собой смесь из тяжелой глины и грязи. Современник так описывал типичный дом суринамского раба: «Пол земляной, без какого-либо покрытия [...] Здесь несколько сломанных стульев, разбитые стаканы и поврежденная посуда [...] На стенах имеются несколько ярких полотен» (Ноëvell, 1854, р. 143-144). Плантаторы вполне искренне полагали, что «грязные лачуги больше всего соответствуют самой природе рабов. Они чувствуют себя некомфортно в хороших жилищах, поэтому мы разрешаем им чувствовать себя в своей стихии!» В большинстве случаев не соблюдался закон 1851 г., согласно которому ответственность за состояние рабских хижин возлагалась на управляющих. Большинство болезней вызывались плохими санитарно-гигиеническими условиями, проказа и оспа периодически приводили к настоящему мору.

Известно также высокая смертность рабов в Нидерландской Гвиане: колонизаторы за 1668-1823 гг. привезли в Суринам 300 – 325 тыс. невольников, но в 1823 г. популяция рабов не превышала 50 тыс. Первое время крайне высокой была младенческая смертность. Э. Реклю пишет, что в XVIII в. в Гвиане большинство детей умирали в первые девять дней после рождения [Реклю, 1896, с. 41].

Впрочем, высокая смертность была характерна и для британской Вест-Индии: в перешедшей под контроль Лондона Демераре-Эссекибо в 1819-1821 гг. от столбняка умирало до половины родившихся у рабынь детей (Lean, 2002, р. 161). В Датской Вест-Индии смертность рабов регулярно превосходила рождаемость, за исключением короткого периода 1807-1815 гг. (Вольский, 2011, с. 169-170). В этой связи дискуссионным является мнение о том, что на суринамских плантациях заботились о больных лучше, чем в других регионах Вест-Индии.

Вместе с тем, отношение к рабам могло отличаться в зависимости как от конкретного владельца, так и от места: если в Бербисе невольники временами получали мясо, сало, крупы, то в соседних голландских колониях они фактически находились на подножном корме. Однако скудный рабский рацион был характерен для многих регионов Западного полушария. В Британской Вест-Индии в рационе рабов фактически отсутствовали мясо и молоко, в бразильской Байи рабы регулярно сталкивались с нехваткой муки.

Подавляющее численное превосходство рабов над белыми побуждало последних к установлению строгих мер и системы поощрений и наказаний, а также режима сегрегации. Так, Стедман пишет, что в Парамарибо с шести часов вечера «ни один негр любого пола не имеет права выйти на улицу или

пересечь реку без специального пропуска, подписанного его владельцем» (Stedmen, 1963, р. 113).

Серьезным наказанием для провинившихся был запрет на вечерние воскресные танцы. О том, какое значение они имели для Суринама, рассказывает П. Ж. Бенуа. Посетивший Суринам в 1830 г. художник был крайне впечатлен преображением веселящихся под звуки тамбурина невольников: «Сложно представить, что эти танцующие в хорошей одежде счастливые и веселые негры в другие дни недели заняты тяжелым трудом, где с ними обращаются как со скотом, в невыносимой жаре, под воздействием капризов их хозяев и жестокостью надзирателя» (Benoit, 1839, р. 23).

Рабам запрещалось не только ношение оружия (что было вполне естественно), но и обуви, чулок и драгоценностей. Колонизаторы крайне строго следили за соблюдением данных правил, внедряя их в рабское сознание. Когда в 1849 г. рабам на государственной плантации Катарина София предоставили право ношения обуви, управляющий был обеспокоен возможными волнениями рабов на других плантациях. До 1784 г. сексуальные контакты между белыми и неграми были законодательно запрещены, однако данная норма на практике никогда не исполнялась и была отменена.

В Нидерландской Гвиане, как и во многих других европейских колониях, наблюдалась серьезная гендерная диспропорция. Минимальное количество белых женщин побуждало мужчин к установлению половых отношений с рабынями, особенно домработницами: в 1800 г. в Парамарибо мулаты численно превосходили белых (Beer, 2010, р. 48).

Со временем разница между белыми и цветными практически нивелировалась при сохранении дихотомии свободный – раб. В то же время общепринято было, что более светлая кожа мулата, начиная с квартеронов, обеспечивала преимущества в социальном статусе.

Мы уже говорили, что существовала неписаный запрет на разлучение семей невольников, однако известны нередкие случаи нарушений. Только в 1782 г. запрет на раздельную продажу был установлен на законодательном уровне; его повторение в 1822 г. говорит о продолжавшихся нарушениях (однако и на Ямайке закон 1797 г., запрещавший данное деяние был повторен в 1809 г.).

В то же время на юге США практика раздельной продажи действовала вплоть до отмены рабства. В Бразилии закон, запрещавший продажу собственных незаконнорожденных детей, был принят лишь в 1875 г., всего за 13 лет до отмены рабства (Morner, 1967, р. 117). Наказания в виде кнута сопутствовали всему периоду рабства, вплоть до его отмены, что было характерно для британских (отмена рабства в 1834 г.), французских (1848 г.) и голландских колоний (1863 г.). Согласно неписаным нормам, запрещалось во время наказаний бить рабов по шее и голове. Во время наказаний, одинаково сильных для мужчин, женщин и детей, провинившиеся должны были кричать:

«Спасибо, масса!» Однако жесткость по отношению к рабам были свойственны всему Западному полушарию.

Исследователь О. Паттерсон на страницах «Социологии рабства» показывает, что варварское отношение к рабам было для Ямайки скорее нормой, нежели исключением (Patterson, 1967). Расизм и презрение к низшим расам были характерны и для полиэтничной католической Бразилии: бразильский историк Р. Помбу называл законным историческим процессом «просвещение» негров и индейцев со стороны европейцев (Pombo,1956, р. 180). Краткий анализ варварского отношения к рабам в Ибероамерике дан И. Р. Григулевичем в его работе «Крест и меч» (Григулевич, 1977, с. 201-244).

В XIX в. распространявшиеся по Европе гуманистические и аболиционистские тенденции, обусловившие английский закон 1807 г. о запрете работорговли, привели к двойственным переменам в жизни рабов. С одной стороны, наблюдалось постепенное сокращение рабочего дня, улучшение медицинского обслуживания, запрет на использование на плантационных работах женщин, начиная с пятого месяца беременности (это решение объяснялось не столько человеколюбием плантаторов, сколько желанием продолжить род рабов в отсутствие регулярного притока новой рабочей силы). Эти перемены частично объясняют тот идеализированный мир Суринама, который нарисовал уже упоминавший П. Ж. Бенуа (Benoit, 1839).

С другой стороны, стремление британского флота перехватить рабовладельческие корабли в Атлантике привело к нехватке невольников. Ухудшились условия транспортировки: работорговцы применяли различные ухищрения, чтобы обмануть патрули и избежать перехватов британскими крейсерами. Плантаторы вынуждены были перейти к так называемой практике «разведения рабов».

Как справедливо заметил голландский социалист Р. ван Лиер, хотя в Суринаме «число гуманных рабовладельцев увеличилось в XIX в. под влиянием Просвещения и либерализма, ... ни одно из этих двух направлений не привело к каким-либо кардинальным изменениям в рабовладельческой колонии» (цит. по: Schorsch, 2004, р. 10). Таким образом, жестокость по отношению к рабам была свойственна не только голландской колониальной системе.

Заключение

Варварское отношение к рабам в Карибском бассейне обусловлено не столько большей степенью расизма по сравнению с Ибероамерикой (хотя протестанты изначально хуже относились к рабам, нежели католики:

«Бог не создает всех людей в одинаковом состоянии, но предназначает одних к вечной жизни, а других к вечному проклятию» (Кальвин, 1998, с. 381),

сколько спецификой сахарных плантаций, повсеместно, точно так же, как и рудники, отличавшихся гораздо большей степенью эксплуатации.

Прослеживающийся в современных в Нидерландах гораздо более негативный дискурс по отношению к колониальному прошлому и рабовладению, нежели в Испании и Португалии, объясняется в большей степени влиятельной карибской общиной. Со временем каждый рабовладельческий режим был склонен к некоторому смягчению, что подтверждается на примере Нидерландской Гвианы. Жестокость голландской рабовладельческой системы оказалась мифологизирована исследователями, что в последние десятилетия показали Г. Остинде и М. де Бир. М. де Бир справедливо пишет, что «интересы плантаторов были приоритетными везде, даже в тех колониях, где правительство пыталось, хотя и нерешительно, ограничить власть рабовладельцев. Во вводимых кодексах теоретически описывались права, как хозяина, так и раба, но на практике это законодательство оказалось фарсом» (Веег, 2010, р. 84). Участь рабов, в целом, была незавидной независимо от той страны, которая становилась его вторым домом, или вернее, тюрьмой.

Список литературы

- Baakman, E. (2018). Their power has been broken, the danger has passed». Dutch newspaper coverage of the Berbice slave revolt, 1763. Early Modern Low Countries, 2(1), 45–67. https://doi.org/10.18352/emlc.61
- Beer, M. (2010). De wrede surinaamse planter in de achttiende. Feit of fictie? [The cruel Surinamese planter in the eighteenth. Fact or fiction?]. Utrecht. (In Dutch).
- Benoit, P. J. (1839). Voyage Surinam. Societe des Beaux-Arts.
- Emmer, P. C., & Oostindie, G. (1991). Roosenburg en Mon Bijou. Twee Surinaamse plantages, 1720-1870 (Roosenburg and Mon Bijou. Two Surinamese Plantations, 1720-1870). Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden, 1(106), 82-83. (In Dutch). https://doi.org/10.18352/bmgn-lchr.3332
- Groot de, V. (1963). Van isolatie naar integratie. De Surinaamse Marrons en hun afstammelingen. Officiële documenten betreffende de Djoeka's (1845-1863) [From isolation to integration. The Surinamese Maroons and their descendants. Official documents concerning the Djukas (1845-1863)]. Martinus Nijhoff. (In Dutch).
- Harris, A. (1928). Introduction. A relation of a voyage to Guiana. Hakluyt Society.
- Hartsinck, J. J. (1770). Beschryving van Guiana, of de wilde kust, in Zuid-America (Description of Guiana, or the wild coast, in South America). Tielenburg. (In Dutch).
- Hoëvell van, W. R. (1854). Slaven en vrijen onder de Nederlandsche wet [Slaves and freemen under Dutch law]. Joh. Noman en Zoon. (In Dutch).
- Hoogbergen, W. S. M. (1985). De Boni-oorlogen, 1757-1860: Marronage en guerrilla in Oost-Suriname (The Boni wars, 1757-1860: Marronage and guerrilla warfare in eastern Suriname). Centrum voor Caraïbische Studie. (In Dutch).

- Hyles, J. (2014). Guiana and the Shadows of Empire. Lexington Books.
- Johnston, H. (1910). The Negro in the New world. Methuen & co., ltd. https://doi.org/10.5479/sil.326935.39088000952812
- Lean, J. H. (2002). The Secret Lives of Slaves: Berbice, 1819 to 1827. University of Canterbury/. http://doi.org/10.26021/4450
- Linden, van der M. (2015). The Okanisi: A Surinamese Maroon Community. *International Review of Social History*, 60, 463–490. https://doi.org/10.1017/S0020859015000383
- Meiden, G. (1986). Betwist bestuur: Een eeuw strijd om de macht in Suriname, 1651 1753. Bataafsche leeuw.
- Morner, O. (1967). Race mixture in the history of Latin America. Little Brown & Company.
- Nystrom, W. (1942). Surinam, geographic study. The Netherlands information bureau.
- Patterson, O. (1967). The Sociology of Slavery: An Analysis of the Origins, Development and Structure of Negro Slave Society in Jamaica. Macgibbon.
- Postma, J. (1990). The Dutch in the Atlantic Slave Trade, 1600-1815. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511528958
- Rodway, J. (1912). Guiana British, Dutch, and French. T. Fisher Unwin.
- Schorsch, J. (2004). Jews and Blacks in the Early Modern World. Cambridge University Press.
- Stedman, J. G. (1798). Voyages a Surinam et dans l'interieux de la Guiana. Collection de planches. Buisson.
- Stedman, J. G. (1799). Voyages a Surinam et dans l'interieux de la Guiana. Buisson.
- Sutton, E. (2014). Bittersweet: Sugar, Slavery, and Science in Dutch Suriname. Midwestern Arcadia: Essays in Honor of Alison Kettering. Carleton College. https://doi.org/10.18277/makf.2015.13
- Tannenbaum, F. (1947). Slave and Citizen. The Negro in the Americas. Alfred A. Knopf.
- The journal of John Gabriel Stedman. 1744-1797. (1962). Stanbury Thompson.
- Voort, J. P. (1973). De Westindische plantages van 1720 tot 1795. Financien en handel. Drukkerij de witte.
- Бен, А. (1796). Похождение Ороноко, князя Африканского. Императорская типография.
- Вольский, М. М. (2011). Рабская обработка земли. URSS.
- Вольтер. (2018). Кандид, или Оптимизм. Эксмо.
- Государственный архив Российской Федерации. (б. д.). Ф. 4459. Оп. 43.
- Григулевич, И. Р. (1977). Крест и меч. Наука.
- Кальвин, Ж. (1998). Наставление в христианской вере: Т. 2. Кн. III. РГГУ.
- Маркс, К., & Энгельс, Ф. (1961). Маркс Павлу Васильевичу Анненкову [письмо]. Сочинения (Т. 27). Политиздат.
- Найпол, В. С. (2008). Средний путь. Европейское издание.
- Остинди, Г. (2016). Возвращенная история Нидерландов: Постколониальные миграции и новая правда о рабстве. Новое литературное обозрение, 6, 78–92.
- Реклю, Э. (1896). Земля и люди: Т. XIX. Общественная польза.

Созина, С. А. (1967). Суринам. Гвиана [сборник статей]. Наука.

Шегрен, Б. (1967). Острова среди ветров. Мысль.

References

- Austindi, G. (2016). The Return of Dutch History: Postcolonial Migrations and the New Truth about Slavery. New Literary Review, 6, 78–92. (In Russian).
- Baakman, E. (2018). Their power has been broken, the danger has passed». Dutch newspaper coverage of the Berbice slave revolt, 1763. Early Modern Low Countries, 2(1), 45–67. https://doi.org/10.18352/emlc.61
- Beer, M. (2010). De wrede surinaamse planter in de achttiende. Feit of fictie? [The cruel Surinamese planter in the eighteenth. Fact or fiction?]. Utrecht. (In Dutch).
- Ben, A. (1796). The Adventures of Oronoko, Prince of Africa. Imperial Printing House. (In Russian).
- Benoit, P. J. (1839). Voyage Surinam. Societe des Beaux-Arts.
- Calvin, J. (1998). Instruction in the Christian Faith: Vol. 2, Book III. RSUH. (In Russian).
- Emmer, P. C., & Oostindie, G. (1991). Roosenburg en Mon Bijou. Twee Surinaamse plantages, 1720-1870 (Roosenburg and Mon Bijou. Two Surinamese Plantations, 1720-1870). Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden, 1(106), 82-83. (In Dutch). https://doi.org/10.18352/bmgn-lchr.3332
- Grigulevich, I. R. (1977). Cross and Sword. Nauka. (In Russian).
- Groot de, V. (1963). Van isolatie naar integratie. De Surinaamse Marrons en hun afstammelingen. Officiële documenten betreffende de Djoeka's (1845-1863) [From isolation to integration. The Surinamese Maroons and their descendants. Official documents concerning the Djukas (1845-1863)]. Martinus Nijhoff. (In Dutch).
- Harris, A. (1928). Introduction. A relation of a voyage to Guiana. Hakluyt Society.
- Hartsinck, J. J. (1770). Beschryving van Guiana, of de wilde kust, in Zuid-America (Description of Guiana, or the wild coast, in South America). Tielenburg. (In Dutch).
- Hoëvell van, W. R. (1854). Slaven en vrijen onder de Nederlandsche wet [Slaves and freemen under Dutch law]. Joh. Noman en Zoon. (In Dutch).
- Hoogbergen, W. S. M. (1985). De Boni-oorlogen, 1757-1860: Marronage en guerrilla in Oost-Suriname (The Boni wars, 1757-1860: Marronage and guerrilla warfare in eastern Suriname). Centrum voor Caraïbische Studie. (In Dutch).
- Hyles, J. (2014). Guiana and the Shadows of Empire. Lexington Books.
- Johnston, H. (1910). The Negro in the New world. Methuen & co., ltd. https://doi.org/10.5479/sil.326935.39088000952812
- Lean, J. H. (2002). The Secret Lives of Slaves: Berbice, 1819 to 1827. University of Canterbury. http://doi.org/10.26021/4450
- Linden, van der M. (2015). The Okanisi: A Surinamese Maroon Community. *International Review of Social History*, 60, 463–490. https://doi.org/10.1017/S0020859015000383

Marx, K., & Engels, F. (1961). Marx to Pavel Vasilievich Annenkov [letter]. Essays (Vol. 27). Politizdat. (In Russian).

Meiden, G. (1986). Betwist bestuur: Een eeuw strijd om de macht in Suriname, 1651 – 1753. Bataafsche leeuw.

Morner, O. (1967). Race mixture in the history of Latin America. Little Brown & Company.

Naipaul, V. S. (2008). Middle way. European edition. (In Russian).

Nystrom, W. (1942). Surinam, geographic study. The Netherlands information bureau.

Patterson, O. (1967). The Sociology of Slavery: An Analysis of the Origins, Development and Structure of Negro Slave Society in Jamaica. Macgibbon.

Postma, J. (1990). The Dutch in the Atlantic Slave Trade, 1600-1815. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511528958

Reclus, E. (1896). Earth and People: Volume XIX. Obshhestvennaja pol'za. (In Russian).

Rodway, J. (1912). Guiana British, Dutch, and French. T. Fisher Unwin.

Schorsch, J. (2004). Jews and Blacks in the Early Modern World. Cambridge University Press.

Shegren, B. (1967). Islands among the winds. Mysl'. (In Russian).

Sozina, S. A. (1967). Suriname. Guiana [collection of articles]. Nauka. (In Russian).

State Archive of the Russian Federation. (n. d.). F. 4459. In. 43. (In Russian).

Stedman, J. G. (1798). Voyages a Surinam et dans l'interieux de la Guiana. Collection de planches. Buisson.

Stedman, J. G. (1799). Voyages a Surinam et dans l'interieux de la Guiana. Buisson.

Sutton, E. (2014). Bittersweet: Sugar, Slavery, and Science in Dutch Suriname. Midwestern Arcadia: Essays in Honor of Alison Kettering. Carleton College. https://doi.org/10.18277/makf.2015.13

Tannenbaum, F. (1947). Slave and Citizen. The Negro in the Americas. Alfred A. Knopf.

The journal of John Gabriel Stedman. 1744-1797. (1962). Stanbury Thompson.

Volsky, M. M. (2011). Slave land cultivation. URSS. (In Russian).

Volter. (2018). Candide: or, The Optimist. Eksmo. (In Russian).

Voort, J. P. (1973). De Westindische plantages van 1720 tot 1795. Financien en handel. Drukkerij de witte.

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эπ № ΦC77-61330 from 07.04.2015

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 85, Geologov St. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414050

Editor-in-Chief: Doctor Habilitatus, professor Serguey N. Yakushenkov

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: editorialboard.jsf@jfs.today

or editorialboard.jsf@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

© 2016 Journal of Frontier Studies. e-ISSN: 2500-0225

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука». ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414050, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Геологов, д. 85, кв.2

Главный редактор: д.и.н., профессор Сергей Николаевич Якушенков

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: editorialboard.jsf@jfs.today или editorialboard.jsf@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

© 2016 Журнал Фронтирных Исследований. e-ISSN: 2500-0225